ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

ГЕОГРАФИЯ ХОЗЯЙСТВА СССР 1917–1947

ОГИЗ · ГЕОГРАФГИЗ · 1947

НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ МОСКОВСКОГО ФИЛИАЛА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

СБОРНИК ШЕСТОЙ

1947

ГЕОГРАФИЯ ХОЗЯЙСТВА СССР
(1917—1947)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1947

Редакция сборников «Вопросы географии» разработала тематический план сборников. Каждый сборник будет посвящен определенной географической проблеме или обзору основных областей географической науки, причем общие вопросы будут, по возможности, освещаться в каждом сборнике. Сборник пятый посвящается вопросам географии населения, шестой — изменениям в географии населения и хозяйства СССР за 30 лет советской власти, седьмой — вопросам климатологии и гидрологии, восьмой — вопросам страноведения, девятый — вопросам биогеографии, десятый — исторической географии городов СССР и т. д.

Редакционная коллегия: Н Н. БАРАНСКИЙ, Ю. Г САУШКИН
Ответственный секретарь *М. А. ТЕНСИН*

Адрес редакции: Москва, Орликов пер., 3,
ком. 336. тел. К 3-61-68

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящем, шестом, сборнике «Вопросов географии» помещаются статьи, посвященные изменениям, которые произошли в самой географии нашей страны и в географической науке за тридцать лет советской власти.

Советская политика индустриализации страны и коллективизации крестьянских хозяйств привела к огромным изменениям в развитии нашего хозяйства и в географии населения, промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Изменилась специализация хозяйства наших республик и районов.

В этом сборнике публикуются статьи, посвящённые изменениям в географии городов Советского Союза, сдвигам в географии топливной промышленности — одной из основных отраслей тяжелой индустрии, размещение которой определяет закономерности большинства отраслей тяжёлой промышленности страны, — изменениям в географии сельского хозяйства и географии транспорта. Особо стоит статья, посвящённая вопросам экономического районирования. Проблема экономического районирования является одной из основных тем советской экономической географии, и работы, проведённые для решения этой проблемы, или связанные с ней, относятся к наиболее крупным в этой отрасли географической науки. Помещаемая статья Н. Н. Колосовского ставит одну из важнейших проблем экономического районирования и в какой-то мере её решает в первом приближении, создавая возможности для дальнейшего обсуждения этого вопроса.

В редакционной статье кратко подводятся итоги тридцатилетнего периода развития советской географической науки.

ТРИДЦАТИЛЕТНИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Советская география прошла за тридцать лет, с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции, большой и сложный путь развития и стала теперь зрелой наукой с широким будущим, для которого тридцатилетний путь создал все предпосылки.

География в нашей стране имела очень большие достижения и в дореволюционное время, что было связано с давним преобладанием демократических традиций в Географическом обществе в тогдашнем Петрограде и в отделах Общества на местах, Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве и в других географических ассоциациях России. На географическом поприще в дореволюционной России сталкивались нахлынувшие в нашу страну иностранцы и талантливые русские ученые. Оно привлекало, главным образом, выходцев из народных масс России, которых не страшили ни пустыни Центральной Азии, ни восхождения на вершины гор, ни льды Арктики, ни болота тайги и тундры, ни бури в океанских просторах, но притягивала сама наука, изучающая жизнь народную во всём её разнообразии и богатстве форм человеческой деятельности. Постоянная тесная связь русских географов со своим народом, из гущи которого в большинстве случаев они сами вышли, и привела русскую географию к тем высотам, на которых засверкали, подобно вечноснежным гигантам, имена Ломоносова, Чирикова, Лаптевых, Челюскина, Крашенинникова, Лепехина, Рычкова, Озерецковского, Литке, Лисянского, Лазарева, К. Арсеньева, П. Семёнова-Тян-Шанского, Пржевальского, Миклухо-Маклая, Роборовского, Козлова, Потанина, Кропоткина, Певцова, Докучаева, Воейкова, Анучина и многих других.

Демократы по своим традициям и убеждениям, крупнейшие русские географы радостно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, увидев в ней полное обновление жизни в стране, поддержку всему истинно прогрессивному и народному, залог огромного развития подлинной

науки и, в частности, географических исследований и работ, необходимых для перестройки жизни народов России и её хозяйства на новых научных основаниях. Не было ни одного крупного русского географа, кто бы сразу не отдал всех своих сил, своего таланта молодой Советской России. Комаров, Шокальский, Козлов, Обручев, Грумм-Гржимайло, В. Арсеньев, Анучин, Берг, Сукачёв, В. Семёнов-Тян-Шанский, Танфильев, Эдельштейн, Крубер, С. Григорьев, Барков, Борзов и многие другие учёные с первых же дней Октября стали развивать новую советскую географию, передав ей лучшие традиции дореволюционного периода развития русской географии. Партия большевиков и советское правительство всячески поддерживали первые шаги старых русских географов в их работе. Хорошо известно письмо В. И. Ленина о создании советского географического атласа, в котором он рекомендовал привлечь к работе Д. Н. Анучина и А. А. Борзова. В Москве и в тогдашнем Петрограде создаются, впервые в России, научно-исследовательские институты географии. Главное же, меняется сам взгляд на географию, отношение к ней как к науке. А. А. Борзов писал: «Что в сущности представляла собою дореволюционная география? Несмотря на крупные силы, привлеченные к её насаждению и развитию, это была наука только разве терпимая». Из науки только терпимой в советское время география стала наукой уважаемой и признаваемой в качестве важного средства познания Земли для переустройства жизни на ней на социалистический лад, без эксплоатации человека человеком. Понадобились широкие географические исследования советской территории. Географическое образование стало неотъемлемой частью народного просвещения. По всей стране, в системе университетов, педагогических институтов, появились географические факультеты, готовящие ежегодно тысячи географов-исследователей и педагогов (для сравнения можно заметить, что из стен Московского университета за десять предреволюционных лет вышло около ста географов). 16 мая 1934 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), за подписями И. В. Сталина и В. М. Молотова, приняли специальное постановление о преподавании географии в начальной и средней школе, что окончательно закрепило выдающееся место географии в жизни страны.

Сама географическая наука стала иной по сравнению с дореволюционным временем. Во-первых, марксистско-ленинский диалектический метод позволил коренным образом переработать методологические основания географической науки, сохранив, разумеется, верные положения дореволюционной географии, высказывавшиеся Докучаевым, Семёновым-Тян-Шанским, Воейковым, Анучиным и другими великими географами. Во-вторых, познание марксистско-ленинских законов развития общества позволило создать совершенно новые ветви

географической науки — советскую экономическую географию и советскую географию населения, резко отличающиеся по своей методологии и методике от буржуазной экономической географии и антропогеографии. В-третьих, связь географической науки с практикой социалистического строительства — участие географов в многочисленных комплексных экспедициях по изучению производительных сил отдельных частей страны, участие в работах по образованию и размежеванию национальных республик, областей и округов и в работах по экономическому районированию страны, участие в работах по комплексному развитию народного хозяйства страны в целом и её отдельных республик, областей, районов и городов и в других работах — позволила выработать новую методику комплексных географических исследований, обогатить теорию науки и проверить её на практике, способствовала развитию отдельных ветвей географии (геоморфологии, климатологии, гидрологии и др.). Особенно же стала необходимой увязка отдельных географических дисциплин воедино: изучение географических комплексов (ландшафтов, районов), так как для комплексного развития социалистического хозяйства потребовалось глубокое познание взаимных связей отдельных элементов природы в различных географических зонах страны и их ландшафтах.

В 1902 г. Д. Н. Анучин высказал следующие весьма глубокие соображения по поводу географической науки: «Объект географии представляет Земля или, точнее, её поверхность в её настоящий, современный момент, но так как Земля и всё на ней существующее живёт, т. е. подвергается изменению и преобразованию, то для более осмысленного понимания настоящего необходимо иметь представление об его эволюции, о ходе развития, о *процессах и силах,* которыми это развитие вызывалось и обусловливалось»[1]. В наше время это положение, оказавшееся забытым, получило особое значение. Советскую географию можно назвать динамической географией, так как она изучает лик Земли, — и те зоны и ландшафты, которые образуются на Земле в результате сложного и противоречивого сочетания и взаимодействия сфер географической оболочки земного шара (литосферы, атмосферы, гидросферы, педосферы, биосферы) и человеческой деятельности, — в непрерывном развитии, взаимодействии, изучает процессы и силы, которыми развитие вызывалось в прошлом, обусловлено в настоящем и которые будут складывать лик Земли в будущем. Историзм в географической науке, сохраняющий всю её специфику науки, изучающей закономерности пространственного размещения, сочетания и взаимодействия природы, на-

[1] Цит. по книге Л. С. Берга «Очерки истории русских географических открытий», стр. 300.

селения и хозяйства, является одним из серьезнейших достижений советской географии, сильно двинувшим её вперед по сравнению с буржуазной географией.

За тридцать лет развития советской географии она обогатилась работами первостепенного значения. Эти работы принадлежат как старым географам, начавшим свою деятельность еще до революции, так и молодым питомцам географических факультетов советских высших учебных заведений.

Географы старшего поколения создали ряд работ мирового значения. К ним прежде всего относятся замечательные исследования акад. Л. С. Берга: «Географические зоны Советского Союза», «Природа СССР», «Климат и жизнь», работы по истории Географического общества, по истории русских географических открытий, по истории русской географической науки, об экспедициях Беринга и многочисленные другие работы именно советского периода, которые позволяют поставить Л. С. Берга в ряд крупнейших в мире учёных-географов. В советское время вышла в свет «География России» Г. И. Танфильева. В советское время была создана, работами Эдельштейна, Борзова и Щукина, молодая отрасль географической науки — геоморфология. Курсы геоморфологии Эдельштейна и Щукина, монографии Эдельштейна о Минусинской котловине, Щукина о Большом Кавказе и Таджикистане, работы Борзова о геоморфологии Русской равнины, составили заметную веху в развитии советской и мировой науки. Акад. А. А. Григорьев в советское время разработал свою теорию физико-географического процесса, которая представляет, несомненно, большой интерес и имеет положительное значение для развития советской географической науки, обращая внимание исследователей природы на необходимость изучения процессов, формирующих её. За конкретное приложение своей теории к изучению Субарктики А. А. Григорьев получил в 1947 г. Сталинскую премию. В советское время продолжали свою плодотворную экспедиционную деятельность такие географы-путешественники с мировым именем, как П. К. Козлов, В. А. Обручев, В. Л. Комаров, В. К. Арсеньев и другие исследователи старшего поколения, известные еще в дореволюционное время. Географ старшего поколения Ю. М. Шокальский, принявший в 1914 г. из рук П. П. Семёнова-Тян-Шанского председательствование в Географическом обществе, создал в советское время свой классический курс океанографии и принял активное участие в составлении новых географических карт и атласов. В советское время акад. В. Н. Сукачёв создал свою теорию биогеоценозов, сомкнувшуюся с теорией ландшафтов Л. С. Берга. В. Ю. Визе, Н. Н. Зубов и другие учёные старшего поколения создали крупные работы, раскрывающие тайны арктической природы.

Силами учёных, впервые вошедших в науку в советское

время, созданы тоже замечательные исследования, показавшие, что молодое поколение взяло всё лучшее у старшего и развило науку дальше, на основании новой её методологии и методики полевых исследований.

Невозможный для капиталистического мира научный подвиг совершила героическая четвёрка станции «Северный полюс», основанной на дрейфующей льдине; Папанин и папанинцы своей работой изменили многие прежние неправильные представления об Арктике, установили много новых фактов и закономерностей климата, течений, ледового состояния и других явлений в центре Северного Ледовитого океана. В советское время были исследованы и нанесены на карту многие «белые пятна» нашей территории: высокогорья Памира и Тянь-шаня, горные области Сибири и Дальнего Востока, острова Северного Ледовитого океана и другие территории; были открыты новые вершины, одни из высочайших в мире, гигантские ледники, горные хребты. Никогда в дореволюционной России альпинизм не достигал такого развития, как теперь, в советское время.

Силами нового поколения советских учёных были созданы замечательные карты, в том числе карта масштаба 1 1 000 000, Большой Советский Атлас мира, климатический атлас СССР, гипсометрическая карта Европейской части Союза масштаба 1 : 1 500 000 и другие карты, выдвинувшие советскую картографию далеко вперед по сравнению с зарубежными государствами.

Экономическая география — новая отрасль советской географической науки — была создана исключительно силами учёных, вошедших в науку после Октября.

Увеличение количества географических работ, создаваемых советскими учёными, привело к открытию новых географических журналов и сборников. Кроме выходивших и до революции Известий Географического общества и сборников «Землеведения» в советское время были созданы: журналы «География в школе», «Вокруг света», сборник «Проблемы географии» (Института географии Академии наук СССР), сборник «Вопросы географии» (Московского филиала Географического общества СССР). Второй Всесоюзный Географический съезд вынес решение о превращении сборников «Землеведение» в журнал, об издании Географическим обществом нового научно-популярного журнала «Земля и люди».

Для издания географических работ, по решению партии и правительства, было создано специальное Государственное издательство географической литературы, выпускающее работы классиков географии и путешествий и новые работы советских географов.

Тридцатилетие Октябрьской социалистической революции советские географы встречают в период подготовки крупных

работ в области географической науки. Институт географии Академии наук должен скоро дать стране полное многотомное географическое описание нашей Родины. Тот же институт начал выпускать серии книг «Природа СССР», в каждой из которых характеризуется физическая география какой-либо из частей Советского Союза; вышедшие книги Рихтера, Суслова, Калесника и других географов показывают значительную ценность этого издания. Географические факультеты наших крупнейших университетов — Московского, Ленинградского, Среднеазиатского, Воронежского и других — готовят десятки новых оригинальных работ по физической и экономической географии.

Когда окинешь всю работу географов нашей страны одним взглядом, то ясно видишь её огромное превосходство перед дореволюционной географией, как качественное, так и количественное. В дореволюционной России было много замечательных, великих географов, давших произведения мирового значения, но эти работы появлялись на протяжении более чем столетия. Советская география еще молода, и тридцатилетний возраст — начало зрелости; предстоят еще большие дела, и та методология, которая сложилась, молодые университетские кадры географов, начало настоящего потока новых оригинальных работ — всё это залог ещё большего расцвета советской географии как одного из важнейших элементов развития советской культуры.

О. А. Константинов

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ ГОРОДОВ СССР ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

За тридцать лет советской власти произошли коренные изменения в социальной и экономической жизни нашей родины. Эти изменения отразились и на городах, играющих выдающуюся роль в современной жизни.

Дореволюционная Россия была страной преимущественно сельскохозяйственной, со слабо развитой промышленностью. Соответственно этому и степень развития городской жизни не могла быть высокой. По исчислениям на 1913 г. доля городского населения с поправками на недоучёт (о чём ниже) составляла всего 17,7%. С остальными «городскими» показателями, как об этом сказано дальше, обстояло дело не лучше. Размещение производительных сил дореволюционной России отличалось резкой неравномерностью. Немногим, относительно более развитым, центральным районам противостояли обширные окраины, служившие в качестве аграрно-сырьевых придатков к метрополии и находившиеся на положении колоний. Особенно большой экономической и культурной отсталостью отличались угнетённые народности многонациональной Российской империи. Сообразно весьма неравномерному размещению производительных сил, крайне неравномерно распределялись по территории страны и её города.

За годы сталинских пятилеток Советский Союз превратился в могучую индустриальную державу. Рост нашей социалистической индустрии явился основной базой бурного развития в СССР городской жизни. За годы советской власти количество городских поселений (городов и посёлков) выросло у нас более чем в четыре раза, а общая сумма городского населения увеличилась в два с половиной раза. Необычайный рост обнаруживают и все остальные «городские» показатели. Социалистическое переустройство Советского Союза сопровождается коренными изменениями в размещении производительных сил. Планомерно создаваемая новая география хо-

зяйства обеспечивает более равномерное распределение крупной индустрии по всей стране. В связи с этим произошли очень крупные сдвиги и в географическом размещении городов и городского населения СССР.

Разумеется, всё это достигнуто не сразу. За тридцать лет наша родина прошла долгий и трудный путь. Сложный путь развития за этот период прошли и наши города.

Молодой советской власти досталось в городах тяжёлое наследство. За годы империалистической войны новое жилищно-коммунальное строительство почти совершенно прекратилось. Между тем население многих городов заметно возросло под влиянием работы промышленности на оборону, притока беженцев и расквартирования воинских частей. Немало городов испытало вражескую оккупацию. В многочисленных мелких городках, не затронутых военным «оживлением», жизнь заметно замерла. Гражданская война, блокада и интервенция привели к хозяйственной разрухе, которая сильнейшим образом коснулась и городов. Промышленные центры потеряли большое количество населения: одни рабочие с оружием в руках изгоняли контрреволюционеров и иностранных интервентов, другие под влиянием продовольственных трудностей разбрелись по деревням и маленьким городкам. С переходом страны на мирные рельсы начинается восстановление в городах промышленности, торговли и транспорта. Раньше и быстрее ожили торговые города и центры лёгкой промышленности, позднее и медленнее — центры тяжёлой индустрии. Города восстанавливались как социалистические города. Почти вся промышленность, банки, транспорт и значительная часть торговли была в руках государства и кооперации. Быстрые темпы восстановления народного хозяйства СССР обеспечили и быстрое восстановление наших городов. По первой всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. в городах проживало 26 млн. человек против 21 млн. в 1913 г. (в тех же границах).

В этот период происходил очень важный процесс пересмотра сети наших городов и приведение её в соответствие с требованиями, предъявляемыми к населённым пунктам, официально признанным городами. В дореволюционной России, как известно, было очень сильное расхождение между городами в юридическом и экономическом смысле. Сеть городов России сложилась в основном еще в феодальную эпоху применительно к потребностям крепостнического государства. Города выполняли прежде всего административные и торговые функции. Развитие капитализма привело к возникновению во многих городах крупной фабрично-заводской индустрии. Эти города превратились в важные экономические центры страны. Другие города, в силу тех или иных причин (например, ввиду их удалённости от железных дорог), развитие капитализма

затронуло в гораздо меньшей степени, и многие из них угасали. В то же время, во многих случаях, крупные промышленные центры складывались не в официальных городах, а в сёлах и деревнях, у горных разработок, при железнодорожных станциях и т. п. Соответствующее юридическое оформление этих промышленных центров как городов осуществлялось весьма медленно и неохотно. В капиталистических странах преобразование сёл в города наталкивается на различные классовые, сословные и другие групповые интересы. Важнейшим препятствием является частная собственность на землю. В дореволюционной России десятки известных промышленных центров не считались городами, и, наоборот, многие десятки официальных городов были по существу сёлами, в лучшем случае выполнявшими административные функции (уездные города), а подчас не имевшие даже и этих функций (заштатные города).

В Советском Союзе нет и не может быть каких-либо противоречивых интересов в деле правильного юридического оформления населённых пунктов. После Великой Октябрьской революции отпали те препятствия, которые тормозили это дело в прошлом. Поэтому советское правительство смогло легко и безболезненно осуществить пересмотр сети городов. В основу советского определения города был положен одновременно учёт как количества, так и состава населения. Согласно, например, законодательству РСФСР, городскими поселениями считаются населённые пункты с количеством взрослого населения не менее одной тысячи человек, при условии, что сельское хозяйство служит основным занятием не более чем для 25% населения. Советская система разделения населённых пунктов на городские и сельские построена на научной основе и отличается большой гибкостью, обеспечивая беспрепятственный перевод населённых пунктов из одного разряда в другой. Ничего подобного нет в капиталистических странах.

После Великой Октябрьской социалистической революции на территории СССР было 675 городов (без территорий бывших Хивы и Бухары). Из них в первые годы советской власти были преобразованы в сёла 106 городов, потерявших свой городской облик, и в посёлки городского типа (главным образом, на Украине) — 36 городов, т. е. к моменту переписи 1926 г. было 533 «старых» города. К ним прибавилось 182 города, оформленных в этом качестве уже после революции. Тогда же началось выделение и других городских поселений (рабочих посёлков, посёлков городского типа и т. п.). В итоге получается, что из 715 населённых пунктов [1], которые на дату

[1] Кроме того, 22 города на территории бывших Бухарского и Хивинского ханств. Таким образом, всего было 737 городов.

переписи 1926 г. были официально признаны городами, одна четвёртая получила соответствующее юридическое оформление только после революции.

Если в целом по Союзу сеть городов была на одну четверть обновлена, то по отдельным районам наблюдались в этом отношении очень большие различия.

Каково географическое размещение городов, утративших своё городское «лицо» и преобразованных в сельские поселения? Такие города встречались почти во всех частях Союза. Однако можно установить несколько районов, где это явление имело место в больших масштабах. Основной район «гнилых» городов, преобразованных революцией в сёла, совпадает с областью старого заселения Европейской части страны. Здесь была сосредоточена половина всех преобразованных в сёла городов. Этот район отчётливо состоит из двух частей: области старинной русской земледельческой и промысловой колонизации зоны хвойных лесов, т. е. местности к северу от Волги, и области старой русской земледельческой колонизации к югу от Оки, расположенной в лесостепье.

В первой группе 10 городов. Типичными примерами могут служить следующие города:

	1863 г.	1897 г.	1926 г.
Варнавин	1 124	1 444	1 586
Судиславль	1 051	1 362	984
Унжа	1 460	1 284	н. св.
Кадый	743	1 095	» »
Красноборск	623	671	989
Яренск	1 117	993	949

Вторая группа городов почти в четыре раза больше. Среди них много старых городов, возникших на сторожевых линиях в период освоения Русским государством «дикого поля». С другой стороны, здесь много городов, преобразованных из сёл в уездные центры при губернской реформе Екатерины II. При дальнейших административных перестройках некоторые из них перестали быть центрами уездов и оказались за штатом. Как и в первой группе, тут не мало ярких примеров давнего угасания городов.

	1863 г.	1897 г.	1926 г.
Перемышль	3 176	1 712	1 425
Воротынск	911	777	н. св.
Княгинин	1 473	2 737	1 297
Перевоз	640	770	н. св.
Курмыш	2 095	3 166	2 183
Шишнеев	4 463	3 810	н. св.
Одоев	4 425	4 317	3 583
Чернь	3 463	3 660	3 465
Богатый	1 345	455	н. св.
Нижнедевицк	2 776	2 409	2 272

Весьма характерно, что Волжско-Окское междуречье, если не считать двух случаев (быв. заштатные города Лух и Петровск), не затронуто этим процессом. И это вполне понятно. Развитие промышленности, происходившее в междуречье Оки и Волги, постепенно охватило все города, сложившиеся там до возникновения капиталистической индустрии. Наоборот, Заволжье так и оставалось в значительной мере глухим лесным районом, а за Окой начинался «оскудельй» земледельческий центр с его застойными крепостническими пережитками. Промышленные предприятия, возникавшие за Волгой и за Окой, — лесные и пищевкусовые (сахарные, винокуренные и т. п.), располагались в значительной мере вне городов и тем самым не могли содействовать превращению захолустных городков в промышленные центры. В какой мере преобразование «гнилых» городов в сёла сократило в некоторых местах сложившуюся до революции сеть городов, видно из следующих данных, относящихся к административным единицам 1926 г.:

	Осталось городов	Преобразовано в сёла
Северо-Двинская губерния	3	3
Нижегородская губерния	8	7
Рязанская » . .	9	5
Тульская » . .	6	4
Воронежская » . .	8	5
Пензенская » . .	9	6

Другую крупную группу отмерших «гнилых» городов составили местности, входившие до революции в так называемую черту оседлости. В Белоруссии, Правобережье и Левобережье Украины было преобразовано в сёла 14 городов и в посёлки городского типа — 27 городов. Здесь было много городов местечкового типа, мало чем отличавшихся от официальных «местечек», терявших своё значение центров мелкого производства и мелкой торговли. Вот два примера «гнилых» городов Белоруссии, преобразованных в сёла.

	1863 г.	1897 г.	1926 г.
Сураж	2 244	2 731	2 107
Бабиновичи	1 247	1 157	1 035

Значительную группу «гнилых» городов имела также Сибирь (14 городов), где в таёжной полосе еще в XVI—XVII столетиях были построены «остроги», служившие важными опорными пунктами торговли пушниной. С заселением полосы вдоль Сибирской магистрали и развитием там сельского хозяйства эти городки, расположенные, как правило, далеко от Сибирской магистрали, быстро утратили своё былое значение экономических центров края, и многие из них стали угасать.

	1863 г.	1897 г.	1926 г.
Берёзов	2 637	1 070	1 378
Нарым	1 201	1 129	1 000
Туруханск	248	212	н. св.
Верхоленск	724	1 354	1 530
Илимск	563	622	н. св.

Из других групп следует отметить города Крайнего Севера Европейской части СССР (Александровск, Кола, Холмогоры, Пинега), все четыре бывших уездных центра Астраханской губернии (Енотаевск, Красный Яр, Чёрный Яр и Царёв, ныне Ленинск), ряд городов на юге степной части Украины (Григориополь, Дубоссары, Маяки, Овидиополь, Алёшки, Перекоп, Ногайск) и, наконец, несколько городов в Казахстане, преобразованных в своё время из военных укреплений или казачьих станиц (Атбасар, Кокпекты, Лбищенск, Иргиз).

Особое место занимает территория бывших Хивинского и Бухарского ханств. Там числились городами многие населённые пункты, отличавшиеся от остальных кишлаков только тем, что были центрами бекств или резиденцией других мелких феодальных правителей. Установление на месте прежних деспотических восточных ханств народных республик, а затем национальное размежевание Средней Азии и переход к советской административной системе привели, естественно, к переводу этих городов в разряд сельских поселений. Таковы Зиаддин, Яккабаг, Чиракчи, Денау, Юрчи, Сары-асия, Регар, Кафирниган, Фейзабад, Кабадиан и др. Особенно много было их в Таджикистане (в бывшей Восточной Бухаре).

С точки зрения географического положения «гнилых» городов, преобразованных в сёла, очень важно отметить, что из 106 только в 19 случаях[1] эти населённые пункты были на железной дороге. Таким образом, основная масса их расположена вне железных дорог, иногда на весьма большом от них расстоянии. Правда, 39 городов находилось на реках[2], имевших те или иные судоходные качества. Именно это положение на судоходных реках обусловливало в своё время экономическое развитие этих городов. Но с появлением железных дорог многие прежние водные пути утратили своё былое значение, и это подорвало экономическое благополучие городов, расположенных на этих водных путях.

Что касается географического размещения новых городов, образованных из селений к 1926 г., то можно установить три их группы.

К первой группе относятся города тех районов, где промышленность сложилась еще в дореформенное время, и на этой базе в период капитализма выросли более или менее значительные центры фабрично-заводской промышленности.

Важнейшим районом этой группы является Центрально-Промышленный, где в города было преобразовано 36 сельских поселений. Почти все они лежат в Волжско-Окском междуречье. Наиболее значительным подрайоном выступает здесь Московский (16 городов). Он слагается из подмосковных пригородов (Кунцево, Кусково, Лосиноостровская (ныне Бабушкин), Люберцы, Люблино, Мытищи, Перово и др.) и известных текстильных центров (Озёры, Нарофоминское, Орехово-Зуево и др.). Далее выделяется крупный Ивановский подрайон (8 городов), состоящий из текстильных городов (Кохма, Середа, Тейково, Южа, Вичуга и др.), Горьковский (Павлово, Богородское, Сормово и др.), Калининский (Кимры и др.) и Брянский (Бежица и др.).

Ленинградский район состоит из городов пригородного типа (Сестрорецк, Урицк и др.).

Наконец, третьим районом этой группы является Урал с его центрами горной и металлургической промышленности (Надеждинск, Нижний Тагил, Кушва, Лысьва, Белорецк и др.), сложившимися еще до революции, но оформленными как города только после Октябрьской революции.

В этих трёх старых районах был оформлен 51 город (из 182 по СССР).

---

[1] Из них 9 населённых пунктов в дальнейшем были опять преобразованы в города.

[2] Кроме того, 5 городов на берегу моря и 1 на берегу озера.

Вторую группу образуют бывшие переселенческие окраины России, где происходил процесс развития капитализма вширь (35 городов). Больше всего таких городов на Северном Кавказе, в Сибири и на Дальнем Востоке. Тут и курорты (Ессентуки, Железноводск, Геленджик, Сочи), и молодые центры горной промышленности (Ленинск-Кузнецкий, Щегловск, ныне Кемерово, Черемхово и др.), но больше всего — центров новых переселенческих районов (Барабинск, Черепаново, Зима, Свободный, Спаск и др.). Среди последних значительное число городов, сложившихся в железнодорожных узлах (Кропоткин, Тихорецк, Сальск, Миллерово, Рухлово, Александровка).

Весьма характерно, что в пределах первой угольно-металлургической базы было оформлено всего семь городов: Кривой Рог, Никополь, Каменское (ныне Днепродзержинск), Енакиево, Сталино, Дмитриевск (ныне Макеевка) и Красный Сулин. На весь Донбасс приходилось, следовательно, всего четыре населённых пункта, преобразованных в города. Это вполне соответствовало состоянию Донбасса в восстановительный период, когда в нём еще не было очень крупных индустриальных центров, а рабочее население жило в мелких посёлках при небольших шахтах и заводах. Даже в посёлки городского типа было преобразовано всего девять таких пунктов (Константиновка, Краматорская, Алчевск и др.). Надо при этом принять во внимание, что до революции в Донбассе было всего четыре официальных города (Артемовск, Славянск, Луганск и Александровск-Грушевский), и, следовательно, число городов здесь к 1926 г. удвоилось.

Третья группа приходится на республики Закавказья и Средней Азии, где к 1926 г. было оформлено в качестве городов 53 населённых пункта. Из них 18 были в дальнейшем лишены наименования города, так что следует говорить о 35 пунктах. Такое обилие новых городов отнюдь не являлось результатом высокого уровня индустриального развития этих республик к 1926 г., так как социалистическая индустриализация делала в них тогда еще первые шаги. Поэтому среди вновь оформленных городов промышленные центры насчитывались единицами (Чиатури, Сулюкта). Причины большого числа преобразованных в города селений многообразны. Следует, например, учесть, что здесь до революции многие уездные центры по политическим соображениям продолжали числиться сёлами или местечками и не имели прав города, получив их только при советской власти. Таковы в Туркменистане Теджен, в Азербайджане Агдаш и Казах, в Грузии Зветафони (бывшие Квирилы), Зугдиды, Они и Сенаки и в Армении — Вагаршапат (Эчмиадзин). Далее, мы обнаруживаем здесь ряд городских центров, выросших в железнодорожных узлах: Очемчири, Хашури, Самтреди, Новый Чарджуй, Каган (Новая Бухара). Кроме того, проведение железных дорог привело к росту многих селений, оказавшихся непосредственно на железной дороге или вызванных к жизни железной дорогой. Особенно быстро развивались те из них, которые были пунктами скрещения гужевых путей и железной дороги. Они превращались в местные экономические центры с крупными торговыми оборотами и на этой основе стали приобретать городской характер. Таковы, например, Байрам-Али и Иолотань в Туркмении, Ассаке (Ленинск) — в Узбекистане, Джелалабад — в Киргизии, Термез — в Таджикистане, Агдам — в Азербайджане, Караклис (Кировакан) — в Армении и т. п. Затем стали городами курорты (Боржом, Гудауты), центры новых национальных автономий (Степанакерт, Цхинвали, Чимбай) и т. д. Оформление в Закавказье и Средней Азии большого числа населённых пунктов в качестве городов следует рассматривать как проявление советской национальной политики, выразившейся в данном случае в том, чтобы обеспечить национальные республики значительным числом городских центров.

На разобранные три группы приходилось 140 вновь оформленных городов. В остальных районах Союза такие города встречались едини-

цами и не образовывали значительных групп. Среди них преобладали города двух типов. С одной стороны, сложившиеся в транспортных пунктах (Котлас, Дно, Новосокольники, Лихославль, Рузаевка, Набережные Челны, Ртищево, Джанкой, Жлобин, Калинковичи, Коростень, Шепетовка и др.). С другой стороны — немногие одиночные промышленные центры земледельческих районов (Ярцево, Бутурлиновка, Рассказово, Мелекесс, Дубровно, Шостка и др.).

Поскольку ареалы городов, преобразованных в сёла, и сёл, преобразованных в города, почти не совпадают, результатом рассмотренных выше процессов явилось сильное изменение в географическом размещении городов по территории СССР. Заметно сократилась сеть городов в Лесном Заволжье, Староземледельческом Центре и Правобережье Украины, а выросла в Волжско-Окском междуречье, Донбассе, на Северном Кавказе, Урале и Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье.

Подводя итоги восстановительному периоду, мы видим, что к его концу (который мы в данном случае условно приурочиваем к дате переписи населения 1926 г.), во-первых, число официальных городов, по сравнению с дореволюционным периодом, заметно увеличилось, во-вторых, состав их оказался обновленным на одну четверть, и, в-третьих, в связи с этим произошли изменения в географическом распределении городов между отдельными районами Советского Союза.

* *
*

В Советском Союзе происходит непрерывное развитие хозяйства. В нашей стране осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм, и мы вступили в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового, социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Советский Союз становится всё более могучей индустриальной державой.

На этой основе происходит бурный процесс роста социалистических городов. По переписи 17 декабря 1926 г. городское население СССР составило 26,3 млн. человек, по переписи 17 января 1939 г в городах и посёлках проживало 55,9 млн. человек. Иными словами, за период между переписями (т. е. 12 лет и 1 месяц) прирост городского населения выразился в 212,5%, т. е. оно более чем удвоилось. Доля городского населения во всём населении страны поднялась с 17,9 до 32,8%. Такой резкий рост числа городских жителей и доли городского населения является прямым результатом советских методов и темпов индустриализации. Как известно, в 1938 г. валовая продукция нашей промышленности превышала уровень 1913 г. в девять раз.

Таких темпов индустриализации не знал и не мог знать капиталистический мир, как не знал он и таких темпов роста городского населения.

Рост городского населения СССР сопровождался существенными сдвигами в географическом размещении городского населения по территории страны,

В сводном виде эти сдвиги видны из следующей таблицы:

Городское население СССР по районам

Районы	1926 г.		1939 г.		1939 г. в проц. к 1926 г.
	тыс. жителей	проц. к итогу	тыс. жителей	проц. к итогу	
Промышленный центр	4 442,0	16,9	10 163,4	18,2	228,8
Чернозёмный центр	1 765,2	6,7	2 502,5	4,5	141,8
Запад РСФСР	2 728,3	10,4	5 269,9	9,4	193,2
Европейский Север	353,6	1,3	1 145,2	2,1	323,9
Поволжье	1 690,9	6,4	3 327,6	6,0	196,8
Юг РСФСР	2 070,4	7,9	3 642,8	6,5	175,9
Урал	1 967,0	7,5	5 073,2	9,1	257,9
Западная Сибирь	877,3	3,3	2 555,1	4,6	291,2
Восточная Сибирь и Дальний Восток	890,5	3,4	2 978,2	5,3	331,5
Белоруссия	847,8	3,2	1 372,5	2,4	161,9
Украина	5 373,6	20,4	11 195,6	20,0	208,3
Закавказье	1 410,9	5,4	2 593,7	4,6	183,8
Казахстан	519,1	2,0	1 706,2	3,1	328,7
Средняя Азия	1 377,6	5,2	2 383,9	4,2	173,0
Союз ССР	26 314,1	100,0	55 909,9	100,0	212,5

Как видно, рост городского населения происходил во всех частях страны. Это явилось результатом того, что процесс социалистической индустриализации охватил все районы нашей родины и всюду на этой основе росло население старых городов и появлялись новые города и посёлки. Однако процесс роста городов имел свои географические особенности.

Наиболее быстрые темпы роста городского населения обнаружили три района: Европейский Север, Казахстан, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Хотя эти три района весьма различны, лежат они в разных концах страны, не похожи и по природным условиям и по специализации хозяйства, тем не менее у них имеется одно существенно важное общее явление. Во всех трёх районах происходит освоение новых территорий, главным образом, на основе индустриализации этих районов, опирающейся на многочисленные и разнообразные местные природные ресурсы. Масштабы индустриализации были здесь столь велики, что потребовался громадный приток рабочей силы из других районов Союза, а трудности освоения природной среды успешнее всего можно было преодолеть строительством городов.

На Севере и на Дальнем Востоке города позволяли легче преодолевать холод зим, болотистость территории, а в Казахстане в городах легче было преодолевать маловодье (мощные водопроводы) и другие трудности жизни в сухих степях и пустынях.

Далее, по ускоренному росту городского населения выделяются районы Урало-Кузнецкого комбината, т. е. Урал и Западная Сибирь. На основе создания второй угольно-металлургической базы здесь происходило в грандиозных масштабах новое промышленное строительство, которое и привело к быстрому росту городов. По всем восточным районам (Урал, Сибирь, Дальний Восток и Казахстан) число городских жителей за 1926—1939 гг. увеличилось на 8 млн. человек, а удельный вес этих районов в городском населении Союза поднялся с 16,1 до 22%. Эти данные показывают на перемещение производительных сил СССР на Восток.

Наконец, повышенными темпами роста городского населения выделяется и Старопромышленный Центр. Это прямое выражение его значения в экономическом развитии Советского Союза. Как известно, индустриализация окраин, подъём хозяйства национальных республик и областей, перемещение производительных сил на Восток опирались на старые промышленные очаги, которые продолжали играть ведущую роль в нашем социалистическом строительстве.

Европейский Север, Промышленный Центр, Урал, Западная Сибирь, Казахстан, Восточная Сибирь и Дальний Восток, отличавшиеся ускоренным ростом городского населения, являются теми частями нашей страны, где промышленное развитие за годы пятилеток протекало особенно быстро. В остальных районах Союза рост городов имел менее стремительные темпы. Это вызывалось рядом причин. Во-первых, в большинстве остальных районов индустриализация шла не столь быстро, как в ведущих районах страны. Во-вторых, характер промышленного развития подчас был таким, что не влёк за собой значительного увеличения рабочей силы. Таков, например, Азербайджан, где в результате широкого внедрения механизации в бакинскую нефтяную промышленность рост добычи нефти сопровождался значительно более медленным увеличением количества занятых рабочих. Поскольку на Баку приходится свыше $^3/_4$ городского населения Азербайджана, показатель роста этого города (178,5%) определил и темпы роста городского населения всей республики (178,7%). В-третьих, в некоторых районах страны (Белоруссия, Правобережье Украины, Средняя Азия и др.) города обладали большими людскими резервами для развития промышленности, что ограничивало приток дополнительных кадров [1].

Таким образом, на основе общего роста городского населения произошло значительное перераспределение его по территории СССР. Эти изменения в географии городского населения отражают сдвиги в размещении производительных сил Советского Союза и порайонные особенности развития его хозяйства.

Рост городского населения может происходить двумя путями: за счёт увеличения числа жителей в старых городах и возникновения и развития новых. Для СССР характерны оба

[1] См. обо всём этом более подробно в нашей статье «Географические различия в динамике городского населения СССР». Известия Всесоюзного Географического общества, вып. 6, 1944.

эти пути. В резолюции по докладу Л. М. Кагановича «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», принятой Пленумом ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г., по этому поводу сказано следующее: «Индустриализация страны, создание новых промышленных очагов в крестьянских районах, переустройство всего сельского хозяйства на социалистических началах ведут не только к росту населения и прежде всего пролетариата в старых городах, но и к возникновению новых городов, к превращению так называемых городских посёлков и нынешних районных центров в социалистические города» [1].

Для урбанизации Советского Союза характерно прежде всего появление большого числа новых городов и еще больше — рабочих и других городских посёлков и тем самым значительное увеличение общего количества городских поселений. Возникновение новых городов есть прямой результат бурного процесса социалистической индустриализации СССР, освоения новых районов и нового планомерного размещения производительных сил по территории страны, произведённого с учётом приближения к источникам сырья и энергии и районам потребления. При этом новые города возникают или на базе ранее существовавших сельских поселений (Комсомольск-на-Амуре на месте с. Пермского, Сталинабад на месте кишлака Дюшамбе и т. п.) или даже на «пустом» месте, где в лучшем случае раньше было какое-нибудь временное становище, чум или кибитка кочевника (Степной, Балхаш, Игарка, Мончегорск и т. п.).

Особо следует остановиться на перерастании в города тех полугородских-полудеревенских населённых пунктов, какими была так обильна наша страна до революции. Ленин, как известно, установил в России развитие капитализма вширь и вглубь [2]. «Развитие капитализма вглубь, в старой, издавна заселённой, территории задерживается вследствие колонизации окраин» [3]. В силу задержки развития капитализма вглубь, процесс отделения промышленности от сельского хозяйства и, тем самым, города от деревни шёл замедленным темпом и вплоть до социалистической революции не был завершён. Результат этого — образование населённых пунктов полугородского-полудеревенского характера. В России, как установил Ленин, было три типа промышленных центров: города, фабричные сёла и «кустарные» сёла [4].

---

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 6-е, ч. II, стр. 464, 1941.

[2] Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., IV изд., т. 3, стр. 493—494.

[3] Там же, стр. 522, примечание.

[4] Там же, стр. 454, 458 и 531—535.

В Советском Союзе не могли сохраняться промышленные центры промежуточного типа. Резолюция июньского пленума ЦК дала по этому вопросу следующие ясные указания: «В районах Донбасса, Урала, Кузбасса, Подмосковного бассейна и т. д., не говоря уже о недавно возникших новых промышленных центрах (Магнитогорск, Кузнецк и т. д.) вопрос стоит о перестройке посёлков полугородского и полудеревенского типа в города» [1]. Индустриализация Советского Союза сопровождалась быстрым превращением большинства подобных населённых пунктов в подлинные города.

Благодаря указанным процессам, в СССР происходило появление большого числа новых городов и посёлков городского типа.

Это — очень характерная черта нашего социалистического строительства. Она может быть проиллюстрирована следующими данными.

За пятнадцать лет (1927—1941 гг.) в Советском Союзе, взятом в его старых границах (т. е. в границах до осени 1939 г.)[2], было законодательным порядком оформлено 285 городов. Далее надо принять во внимание, что из 737 городов, которые, как уже отмечалось выше, были на конец 1926 г., выбыло 53 города [3]. Таким образом, в 1941 г у нас было 969 городов, из которых 684 города перешли от периода до 1927 г., а 285 — образованы после 1927 г. Иными словами, состав городов был за 1927 — 1941 гг. обновлен на две пятых.

Этот рост городов лишь в очень небольшой степени связан с процессом оформления промышленных поселений, сложившихся до революции, что было столь характерно для периода до 1926 г.

---

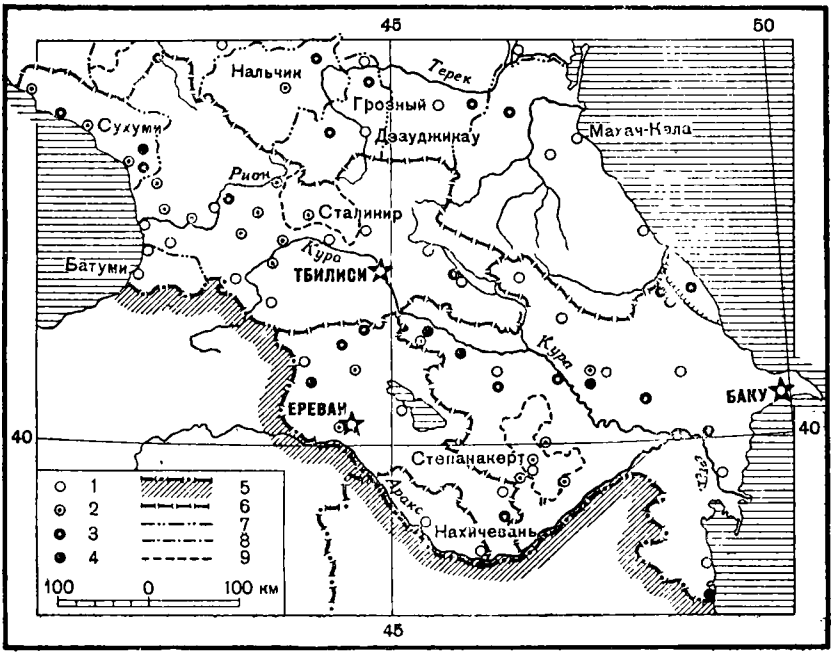
[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 6-е, ч. II, стр. 470, 1941.

[2] Мы здесь приводим данные о территории СССР в старых границах для того, чтобы их можно было сопоставить с 1926 г. Сведения о городах и поселениях городского типа на новых территориях СССР (вошедших в состав нашей страны, начиная с осени 1939 г.) будут приведены дальше.

[3] Главным образом, за счёт слияния городов друг с другом; так вошли в состав других городов Сормово — в Горький, Кусково — в Перово. Кроме того, два города совершенно исчезли с лица земли, — это Корчева и Молога. Они были снесены, так как их территория оказалась в зоне затопления: первого — Иваньковского водохранилища («Московского моря»), второго — Рыбинского водохранилища.

Несмотря на все преобразования, произведённые до 1927 г., всё-таки и после этого еще более полусотни городов лишились этого титула. Подавляющее большинство их приходится на Среднюю Азию (26), Закавказье (4) и Казахстан (4); 11 случаев приходится на бывшие города Бухарского и Хивинского ханств, а 18 — на населённые пункты, преобразованные в города после революции, но, повидимому, неудачно, почему пришлось перестать считать их городами. Наоборот, получили вновь права города 20 населённых пунктов, числившихся городами до революции и лишившиеся этого титула в первые годы после Октября. Из этого видно, что процесс приспособления сети городов к новым хозяйственным и политическим условиям всё еще продолжался.

Подавляющее число новых городов было оформлено *после* революции, в результате возрастания их экономической, политической и культурной роли в период социалистической реконструкции нашей страны.



Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР.

1 — 4 — см. общую легенду. 5 — границы СССР. 6 — границы союзных республик. 7 — границы автономных республик. 8 — границы краев и областей. 9 — границы автономных областей.

Каково географическое размещение новых городов по территории СССР и какие можно из этого сделать выводы об изменении географии наших городов? Обратимся сначала к суммарным данным о новых городах (без новых территорий):

Европейский Север	11	Дальний Восток	10
Центр	54	Украина	88
Поволжье	12	Белоруссия	7
Юг РСФСР	12	Закавказье	14
Урал	33	Средняя Азия	8
Западная Сибирь	14	Казахстан	10
Восточная Сибирь	12		
		Итого	285

Как видно, новые города появились во всех частях страны. И это вполне понятно, так как социалистическая индустриали-

зация охватила все районы Советского Союза. Если же принять во внимание рабочие и прочие городские посёлки, то окажется, что городские поселения появились в самых отдалённых и в прошлом очень глухих и отсталых местностях страны.

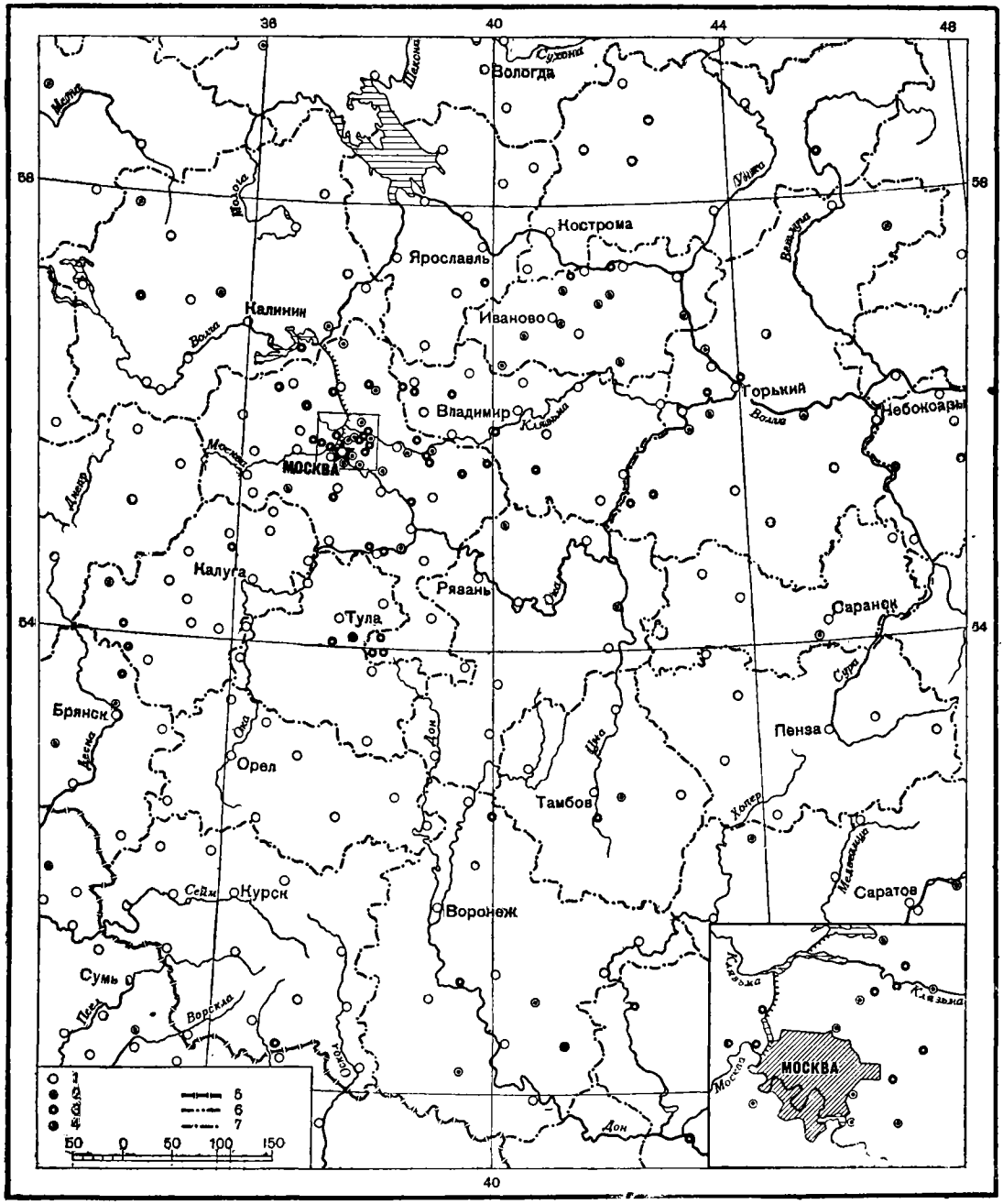
Более детальное рассмотрение географического распределения новых городов даёт возможность установить в этом отношении некоторые характерные особенности.

Прежде всего заслуживает внимания, что 158 городов (из 285), или 55%, расположено в национальных республиках и областях. В этом следует видеть прямой результат ленинско-сталинской советской политики индустриализации национальных районов страны. Многие населённые пункты выросли в города именно потому, что они служили административно-политическими и хозяйственными центрами национальных единиц (Нарьян-Мар, Микоян-Шахар, ныне Клухори, Кудымкар, Ойрот-Тура, Биробиджан, Нукус). Другие явились важными промышленными очагами автономных республик или областей. Таковы, например, Канаш и Шумерля в Чувашской АССР, Волжск — в Марийской, Зеленодольск — в Татарской, Кондопога — в Карелии, Абакан и Черногорск — в Хакассии и многие другие.

Далее следует отметить рост числа городов в старых промышленных районах страны. Как уже говорилось, эти районы сыграли выдающуюся роль в социалистической индустриализации Советского Союза. Именно опираясь на них, страна достигла громадных успехов в достижении технико-экономической независимости от капиталистического мира, в индустриализации окраин, в подъёме хозяйства национальных республик и областей и перемещении производительных сил на Восток. Поскольку эти районы были наиболее индустриально развитыми частями дореволюционной России, здесь еще в доктябрьские времена сложилось немало мелких промышленных посёлков, часто полугородского типа. Поэтому характерной особенностью этих районов является не столько появление совершенно новых городов (которые тоже имеются), сколько перерастание посёлков в подлинные города.

Остановимся прежде всего на Центрально-Промышленном районе, где находится 43 новых города. Подавляющее большинство их расположено в Волжско-Окском междуречье.

Эти города представлены, с одной стороны, текстильными центрами, сложившимися, как правило, на месте бывших фабричных деревень (Балашиха, Высоковск, Гаврилов Ям, Дедовск, Дрезна, Ивантеевка, Карабаново, Наволоки, Приволжск, Реутово, Собинка, Струнино, Яхрома), с другой стороны — центрами вторичной металлургии и машиностроения (Кольчугино, Климовск, Солнечногорск), химической промышленности (Воскресенск, Дзержинск), стекольно-керамического производства (Гусь-Хрустальный, Ликино-Дулево) и других отраслей. Географически вне междуречья Оки и Волги, но экономически составляющие с ним одно целое, расположены группы городов — Горьковская (Выкса, Кулебаки, Бор). Под-



Промышленный и Черноземный Центры РСФСР

1 — 4 см общую легенду, 5 — границы союзных республик, 6 — границы автономных республик, 7 — границы областей.

московного бассейна (Сталиногорск, Донской, Щёкино, Узловая) и Брянская (Дятьково, Киров, Людиново). Среди городов, сложившихся на базе промышленных посёлков еще дореволюционного происхождения, выделяются новые центры тяжёлой индустрии, созданные за годы пятилеток (Электросталь, Ступино, Сталиногорск и др.).

Особенно резко возросло за это время количество городов в Донбассе.

Вот перечень городов, образованных здесь за период с 1927 по 1941 г

Сталинская область

1. Амвросиевка
2. им. Артёма
3. Волноваха
4. Горловка
5. Дебальцево
6. Дзержинск
7. Дружковка
8. Зугрэс
9. Иловайск
10. Калининск
11. Комсомольск
12. Константиновка
13. Краматорск
14. Красноармейское
15. Красногоровка
16. Красный Лиман
17. Моспино
18. Никитовка
19. Ново-Экономическое
20. Новый Донбасс
21. Снежное
22. Харцызск
23. Часов Яр
24. Чистяково
25. Ясиноватая

Ворошиловградская область

1. Боково-Антрацит
2. Верхнее
3. Ворошиловск
4. Горское
5. Золотое
6. Ирмино
7. Кадиевка
8. Краснодон
9. Красный Луч
10. Кременная
11. Лисичанск
12. Парижская Коммуна
13. Первомайск
14. Попасная
15. Пролетарск
16. Ровеньки
17. Рубежное
18. Сватово
19. Свердловск

Ростовская область

1. Каменск-Шахтинский
2. Новошахтинск
3. Морозовск

Если в конце 1926 г. там было только 8 городов, то в 1941 г. к ним прибавилось 47. Такой небывалый скачок был обусловлен теми глубочайшими сдвигами, которые произошли за годы пятилеток в Донецком бассейне.

Как известно, горная промышленность, по сравнению с обрабатывающей, имеет рассосредоточенный характер. Пласты угля залегают под землёй на протяжении сотен квадратных километров. К тому же до революции в угольной промышленности господствовала весьма отсталая техника, добыча производилась исключительно вручную, шахты были, как правило, небольших размеров. Отсюда делается понятным разбросанность самой горной промышленности и проистекавшая отсюда рассосредоточенность горняцкого населения. Последнее издавна жило не столько в больших городских центрах (которые до революции насчитывались в Донбассе лишь единицами), сколько в многочисленных мелких посёлках около шахт,

рудников, карьеров и т. п., или около немногих тогда заводов. Таких мелких посёлков было в Донбассе порядка двух сот. Большинство шахтёрских посёлков было совсем не похоже на фабричные деревни Центрально-Промышленного района с крестьянскими постройками. Рабочие Донбасса жили в бараках, домах временного типа, землянках и тому подобных «жилищах». Шахтёрские посёлки возникали стихийно и строились без всякого плана. Нередко они строились над угольными пластами и вообще на землях, нужных промышленности. Горнозаводчик, прокладывая шахту, сносил лачуги и землянки, но они вырастали на новом месте.

Поскольку промышленность Донбасса возникла в почти ненаселённой местности, ей пришлось привлекать рабочую силу извне. В качестве такой выступили крестьяне из аграрно-перенаселённых губерний центральной России. Безысходная нужда гнала крестьянина на шахту. Однако он продолжал цепляться за жалкие остатки своей собственности, за своё крестьянское хозяйство. Поэтому он не бросал своего хозяйства, а только шёл на временные заработки. В старые дореволюционные годы значительная доля горных рабочих состояла именно из таких крестьян. Вот почему добыча угля носила в Донбассе сезонный характер. Весной происходил массовый отлив рабочих из шахт на сельскохозяйственные работы. Вместе с тем падала и добыча угля. С осени рабочие вновь притекали, и добыча повышалась. Низкая оплата и тяжёлые условия труда ни в какой мере не способствовали закреплению рабочих, и последние обычно кочевали с шахты на шахту. Крестьянин-сезонник, приходящий на несколько месяцев, чтобы подработать, довольствовался самым примитивным видом жилья. Многие из них вырывали себе землянку, в которой и жили. Наличие постоянной резервной армии давило на рынок труда и понижало оплату кадровых рабочих, которые за свою низкую заработную плату не могли себе обеспечить сносных жилищных условий, располагаясь, как и сезонники, в различных лачугах и землянках. Дореволюционный Донбасс изобиловал подобными «Пекинами», «Шанхаями» и «Собачеевками», как обычно там назывались эти трущобы. Будучи городскими по профессиональному составу населения, многие посёлки Донбасса были лишены даже и намека на какой-либо городской облик.

Уже в первые годы после революции были приняты меры к улучшению жилищных условий рабочих. Но особенно сильные перемены произошли за годы пятилеток. Они происходили на основе того процесса реконструкции, тех качественных сдвигов, которые имели место в промышленности Донбасса. Добыча каменного угля по сравнению с 1913 г. выросла к 1940 г. в четыре раза. Этот рост был осуществлён на основе широкого внедрения механических методов добычи. Механизация и электрификация дали возможность перейти к концентрации добычи угля на значительно более крупных шахтах, чем до революции. Уже к концу первой пятилетки средняя добыча одной шахты превысила уровень 1913 г. в шесть раз. Основным типом нового шахтного строительства явились шахты мощностью в 1 млн. т добычи в год и выше. За эти же годы в Донбассе были построены новые крупные домны и получили большое развитие машиностроение, разработка других (помимо угля) полезных ископаемых, химическая промышленность, силикатное производство и т. п.

Эти изменения в составе промышленности и её техническом уровне привели к существенным сдвигам в территориальном размещении промышленности. Старый дореволюционный Донбасс имел небольшое количество металлургических и других заводов и громадное число мелких шахт. Это неизбежно означало крайне разбросанное размещение промышленности. Новый социалистический Донбасс имеет меньше шахт, но зато шахт крупных, подчас гигантских, и большое количество различных (металлургических, машиностроительных, химических и т. п.), как правило, крупных заводов. Таким образом, произошла очевидная концентрация промышленности, резкое укрупнение индустриальных центров.

На этой основе происходило непрерывное укрупнение городских поселений и образование значительных городских центров. В них живут те

Украинская и Молдавская ССР.

1 — 5 — см. общую легенду. 6 — границы СССР. 7 — границы союзных республик. 8 — границы областей.

постоянные кадры, обладающие высокими индустриальными навыками, творцы и мастера стахановского труда, которые и создали новый Донбасс. На месте прежних «Собачеевск» советская власть построила большие светлые озелененные кварталы, школы, больницы, театры, дома культуры и т. д. Особенно характерно для Донбасса слияние отдельных посёлков и небольших городов, по мере их разрастания, в большие города [1].

Третьим районом, где образовалось много новых городов, явился Урал. Здесь мы унаследовали от дореволюционного времени большое количество промышленных посёлков при горных разработках, металлургических и других заводах. Многие из них носили типичный для Урала полудеревенский характер, где рабочие жили в своих избах, имели приусадебные участки, держали скот, а местами даже сеяли хлеб. В этих полугородских-полудеревенских посёлках за годы пятилеток произошли большие перемены. Рост промышленности, реконструкция предприятий, их расширение и новое строительство привели к быстрому изживанию в этих посёлках полудеревенских черт и перерастанию их в современные города. Больше всего таких городов сложилось на базе чёрной и цветной металлургии (Верхняя Салда, Верхняя Тура, Верхний Уфалей, Катав-Ивановск, Нижняя Салда, Первоуральск, Ревда, Чусовой, Баймак, Каменск-Уральский, Карабаш, Кировоград, Кыштым). Кроме того, новые города сложились на основе угольной промышленности (Артемовский, Губаха, Карпинск, Копейск), добычи золота (Берёзовский, Пласт), лесных отраслей (Аша, Новая Ляля), машиностроения (Благовещенский, Воткинск), нерудных ископаемых (Асбест, Сатка). Некоторые города явились совершенно новыми индустриальными центрами, созданными пятилетками (Магнитогорск, Березники, Ишимбай, Медногорск, Краснокамск, Красноуральск, Тавда).

Всего на Урале и в Приуралье за 1927—1941 гг. было образовано 32 новых города, что почти удвоило здесь число городов. Громадное увеличение числа городов на Урале находится в прямой связи с реализацией сталинских указаний о создании на Востоке второй угольно-металлургической базы (Урало-Кузнецкого комбината).

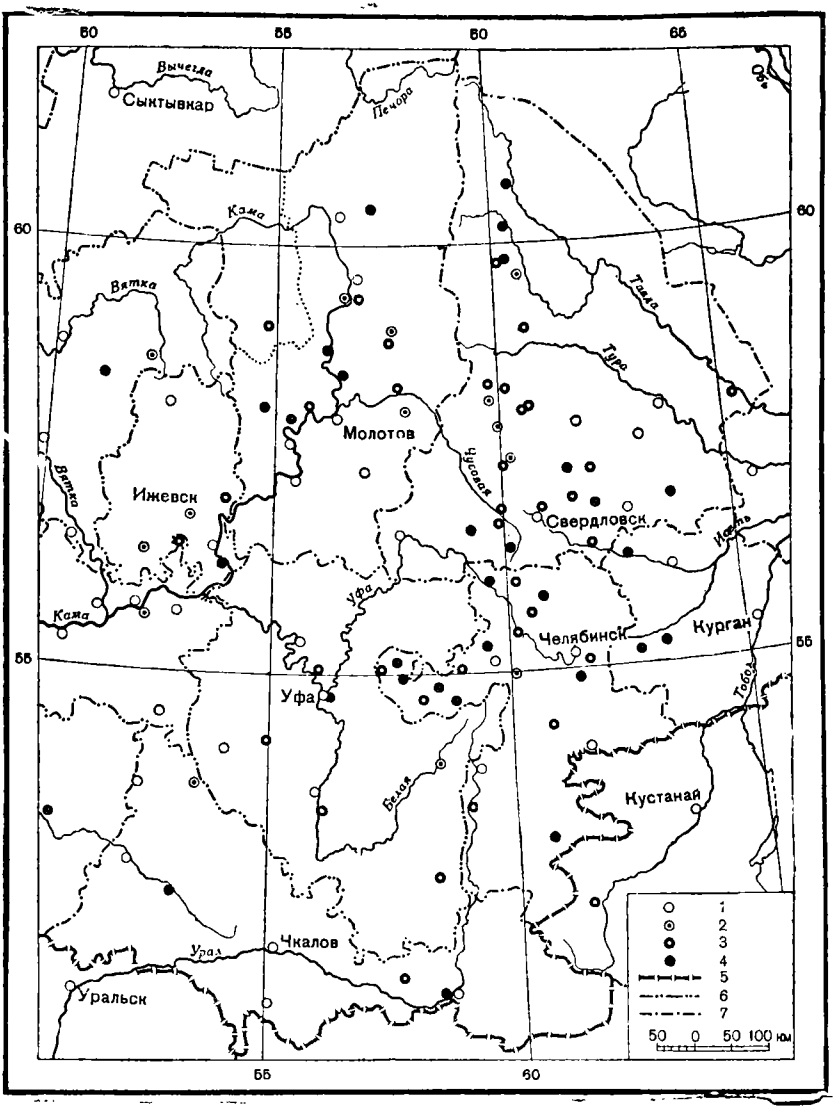
Ещё более возросло число городов в Кузнецком бассейне.

На территории этого района до революции был один единственный захудалый городок — Кузнецк. В восстановительный период здесь было оформлено два угольных города — Кемерово и Ленинск-Кузнецкий, а за 1927—1941 гг. — восемь городов: Анжеро-Судженск, Белово, Гурьевск, Киселёвск, Осинники, Прокопьевск, Топки и Салаир. Кроме того, к числу новых городов должен быть отнесён, разумеется, и Сталинск (бывший Ново-Кузнецк). Этот город, построенный на левом берегу Томи, существовал сначала отдельно от Кузнецка, лежащего на правом берегу. Однако в дальнейшем новое строительство перекинулось с левого берега на противоположную сторону, самостоятельное существование Кузнецка потеряло смысл, и он был административно влит в Сталинск.

Остальные города Западной Сибири, оформленные в рассматриваемый отрезок времени, — это Искитим (цементная промышленность), Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа (рыбо-консервная и

[1] Так, в приведённом выше перечне значатся как города Калининск, Комсомольск и Никитовка. Теперь они слились с Горловкой и перестали быть самостоятельными городами. Процесс агломерации городских поселений происходит в Донбассе непрерывно.

лесная промышленность), Колпашев — административный центр Нарымского округа и видный лесопромышленный пункт, два города, сложившиеся в Алейской долине, важном переселенческом районе, — Рубцовск



Урал.

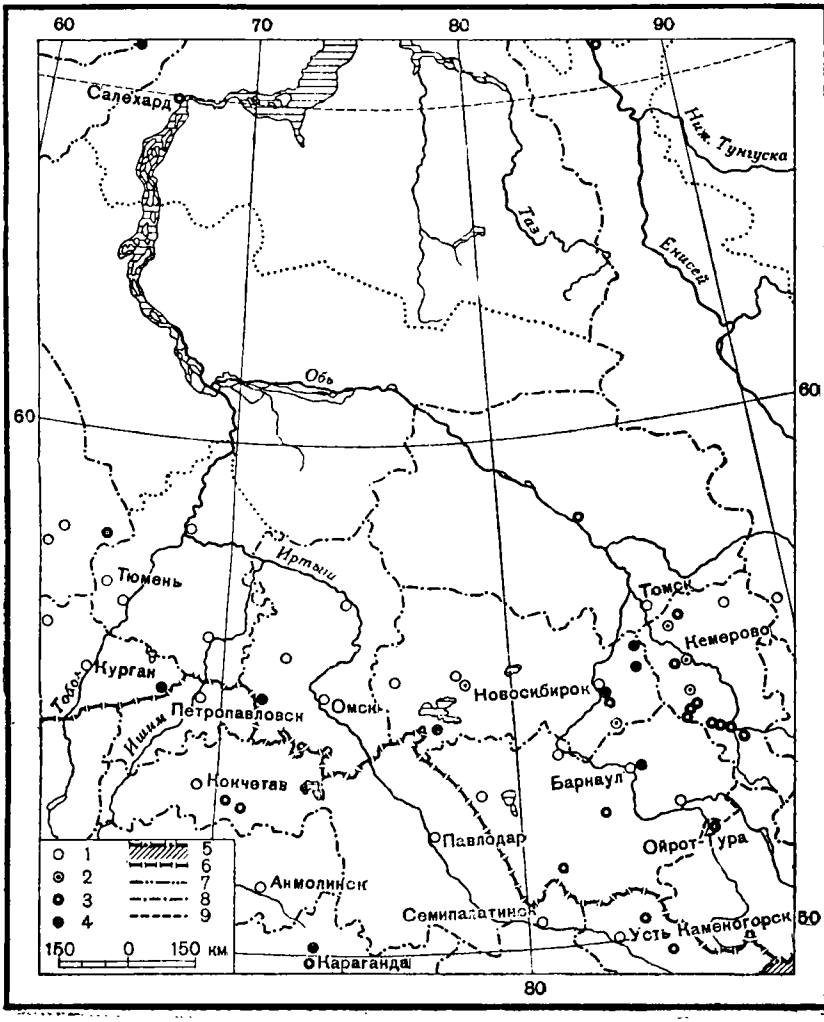
1 — 4 — см. общую легенду. 5 — границы союзных республик. 6 — границы автономных республик. 7 — границы областей.

и Алейск (пищевкусовая промышленность) и Ойрот-Тура — центр Ойротской автономной области (пищевкусовая и прочие отрасли). Перечисленные города, в противоположность городам Кузбасса, хотя непосредственно и не связаны с созданием Урало-Кузнецкого комбината, тем не менее

отражают общую тенденцию перемещения производительных сил на Восток.

Новые города Казахстана выросли в тесной связи с Урало-Кузнецким комбинатом.

Исключение составляет лишь Аральск с его рыбным и соляным делом. Все остальные являются видными центрами тяжёлой индустрии



Западная Сибирь РСФСР.

1 — 4 см. общую легенду. 5 — границы СССР. 6 — границы союзных республик. 7 — границы автономных республик. 8 — границы краев и областей. 9 — границы автономных областей.

(цветной металлургии, добычи угля и золота): Балхаш, Лениногорск (бывший Риддер), Зыряновск, Караганда, Джетыгара, Степняк, Щучьинск, Аягуз. Сюда же следует отнести и Атбасар. Он числился городом еще

в прошлом, но без достаточных экономических оснований и поэтому после революции был преобразован в сельское поселение. Проведение через Атбасар железнодорожной магистрали Акмолинск — Карталы оживило его и придало ему городской характер.

В отношении городов Казахстана следует отметить одну любопытную особенность их географического размещения. Города, унаследованные от дореволюционного времени, и города, сложившиеся после революции на базе ранее существовавших промышленных пунктов, располагаются почти все по окраинным частям Казахстана, которые и по своим природным условиям более доступны для освоения, были лучше обслужены в транспортном отношении. Совершенно новые города, созданные за годы пятилеток, — Караганда и Балхаш, — размещаются во внутренней части Казахстана, в условиях, наиболее трудных для освоения. Однако эти трудности были успешно преодолены, и природные богатства Казахстана были поставлены на службу социалистическому строительству. Караганда и Балхаш являются, таким образом, олицетворением сдвигов в размещении производительных сил, которые происходят в Казахстане благодаря его социалистическому переустройству.

Подведем итог по Уралу, Западной Сибири и Казахстану; до 1941 года там прибавилось 50 городов, так или иначе связанных с Урало-Кузнецким комбинатом (а всего — больше 60). Эти 50 городов представляют собой яркое подтверждение величайших успехов, достигнутых в деле претворения в жизнь указаний тов. Сталина о создании на Востоке второй угольно-металлургической базы СССР.

Далее на Востоке, в пределах Восточной Сибири и Дальнего Востока, за 1927—1941 гг. образовано 22 новых города.

Большинство их выросло на базе использования местных природных богатств: золота (Алдан, Артёмовск, Балей, Магадан, Томмот), угля (Артём, Сучан, Черногорск), нефти (Оха), леса (Абакан, Бикин, Биробиджан, Игарка, Лесозаводск, Советская гавань, Тайшет, Тулун) или других ресурсов (Слюдянка, Иланский, Облучье). Особое место занимает Комсомольск-на-Амуре — крупный центр разнообразной промышленности (судостроения и пр.).

Всего в восточных районах РСФСР (Урал, Сибирь, Дальний Восток) прибавилось за это время 70 новых городов (из 155 по РСФСР), что наглядно иллюстрирует процесс перемещения наших производительных сил на Восток.

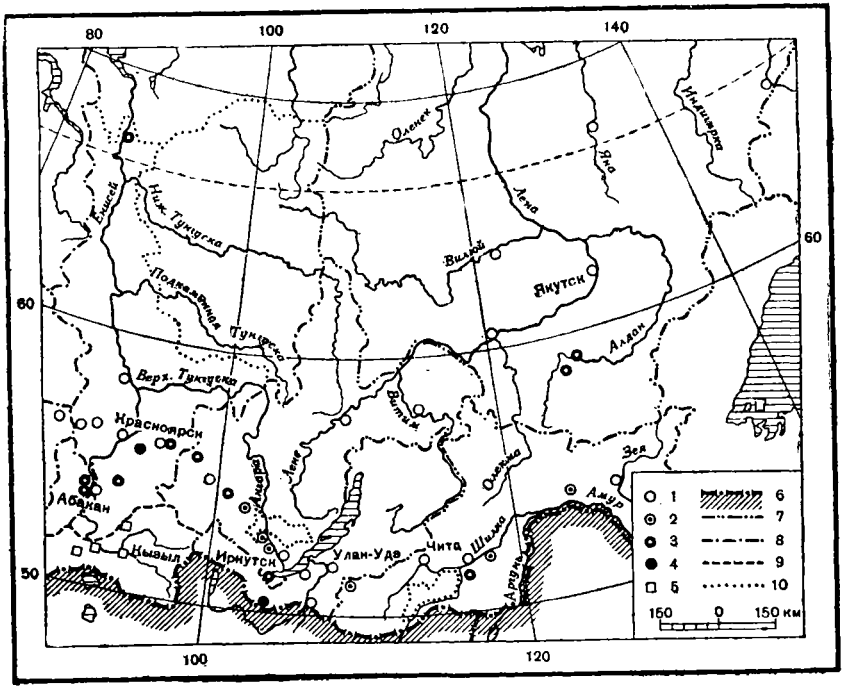
Возвращаясь обратно, к районам Европейской части СССР, мы там можем подметить следующие особенности.

К северу от Центрально-Промышленного района большинство новых городов представляет собой старые и новые центры промышленности по переработке леса: Западная Двина, Кувшиново, Кондопога, Беломорск, Кандалакша, Сокол, Нарьян-Мар. На базе полезных ископаемых выросло два совершенно новых города — Кировск и Мончегорск. Остальные города — Молотовск, Медвежьегорск, Волхов и Чудово. Первые три — новые промышленные центры, последний — старый.

К югу и востоку от Центрально-Промышленного района большинство новых городов составляют или центры пищевкусовой промышленности (Урюпинск, Серафимович, Фролово — на севере Сталинградской области, Шебекино — на юге Курской, Советск — в крупном производящем сельскохозяйственном районе на среднем течении Вятки), или известные транспортные узлы, где обычно представлены металлообрабатывающие и пищевкусовые отрасли. Типичными примерами могут служить Грязи, Лиски,

Унеча, Канаш, Агрыз, Батайск, Прохладная, Гудермес. Два города сосредоточивают лесную промышленность: Шумерля и Волжск (бывшее Лопатино) и только один вырос на полезных ископаемых: нефтяной город Малгобек на Северном Кавказе.

В Белоруссии новые города сложились на разных основаниях. Тут и Добруш — старый центр писчебумажной промышленности и Осиповичи — крупный железнодорожный узел с лесными отраслями и Кричев — новый центр силикатно-керамической промышленности, центры пищевкусовой промышленности Костюковичи и Старые Дороги, а также Дзержинск с его разнообразными отраслями.



Восточная Сибирь РСФСР.

1 — 5 — см. общую легенду. 6 — границы СССР. 7 — границы автономных республик. 8 — границы краев и областей. 9 — границы автономных областей. 10 — границы автономных округов.

Что касается Украины, где, за вычетом Донбасса, было образовано 29 новых городов (не считая 15, которые числились городами до революции), то там дело обстояло следующим образом. Только один населённый пункт превратился в город на основе использования полезных ископаемых. Это — город Марганец. Зато пятнадцать новых городов, т. е. больше половины, сложились в крупных транспортных центрах, представленных большей частью железнодорожными узлами: Бахмач, Знаменка, Казатин, Котовск (бывшая Бирзула), Лозовая, Люботин, Мерефа, Пологи, Синельниково, Фастов и т. п. Все они являются одновременно, в той или иной мере, промышленными центрами, состоящими обычно из металлообрабатывающих и пищевкусовых производств. Кроме того, в зависимости от местных условий, в них встречаются также отрасли по обработке леса, различного сельскохозяйственного сырья, по добыче и обработке нерудных

ископаемых и т. д. Остальные 13 новых городов являются старыми местечками и сёлами, которые благодаря развитию промышленности переросли в города. Весьма характерно, что лишь четыре являются пищевкусовыми центрами (Шпола, Тальное, Барвенково, Балаклея), ибо, как понятно, градообразующая роль пищевкусовых производств не велика. Большинство городов выросло на базе металлических и лёгких отраслей, а также на добыче нерудных ископаемых (Богуслав, Большой Токмак, Гуляй-поле, Корсунь-Шевченковский, Молочанск, Чернобыль), а в Полесье — и на лесных отраслях (Малин, Славута, Коростышев).

Наконец, в республиках Закавказья и Средней Азии, если оставить в стороне курорт Гагры и административно-политический центр Кара-Калпакии Нукус, все вновь оформленные города могут быть сведены к двум группам. Небольшая группа выросла на базе полезных ископаемых: Тквибули, Аллаверды, Кафан, Кара-Богаз-Гол, Кызыл-кия; сюда же можно отнести Чирчик (гидроэнергия). Вторая, основная группа состоит из центров важных сельскохозяйственных районов и, сообразно специализации этих районов, имеет соответствующие отрасли промышленности (хлопкоочистительную, винодельческую, чайную, консервную и др.). Таковы, например, Евлах, Кюрдамир, Сабирабад, Ханлар, Хачмас в Азербайджане, Гали и Гуржаани — в Грузии (последний является также основным железнодорожным узлом Кахетии), Янги-Юль в Узбекистане, Курган-Тюбе — в Таджикистане.

Таким образом, формирование новых городов происходило на разных основаниях. Ядрами этих городов явились: 1) бывшие промышленные посёлки полугородского типа с крупной промышленностью, сложившейся до революции (фабричные деревни и заводские сёла); 2) бывшие центры мелкого производства с кадрами кустарей и ремесленников и торгово-транспортными связями с сельскохозяйственным окружением (местечки, крупные селения в Закавказье и Средней Азии); 3) транспортные центры: железнодорожные узлы и пункты пересечения реки с железной дорогой; 4) месторождения полезных ископаемых (добыча и переработка полезных ископаемых), а также места использования водной энергии (Волхов, Чирчик); 5) центры важных сельскохозяйственных районов, где складывается промышленность по переработке местного сырья; 6) селения, удобно расположенные относительно расселения той или иной национальности, ставшие административно-политическими центрами автономных республик, областей и национальных округов (например, Нукус для Кара-Калпакии или Кудымкар — для Коми-Пермяцкого национального округа).

Тогда как одни новые города сложились на каком-либо одном основании, другие — на двух или нескольких основаниях.

В отношении оснований формирования городов можно отметить следующие географические особенности.

На базе бывших промышленных посёлков полугородского типа (фабричных деревень и заводских сёл) новые города сложились преимущественно в Центрально-Промышленном и Уральском районах, где мы унаследовали особенно большое количество поселений переходного типа. В остальных частях

страны такие города встречаются как единичные случаи. Кустарно-ремесленные центры породили города преимущественно в бывшей черте оседлости и в республиках Средней Азии. В транспортных пунктах города сформировались во многих районах страны, но особенно к северу и югу от Промышленного центра и на Украине. Как центры сельскохозяйственных районов с промышленной переработкой местного сырья, новые города образовались по преимуществу в Средней Азии и Закавказье и, в меньшей мере, в некоторых сельскохозяйственных районах Европейской части СССР. На базе добычи и переработки полезных ископаемых подавляющее большинство новых городов выросло в Донбассе, на Урале и в других восточных районах (Сибирь, Казахстан, Дальний Восток). В остальных частях страны, за вычетом небольшой группы в Подмосковном бассейне, таких городов или вовсе нет или они встречаются как единицы.

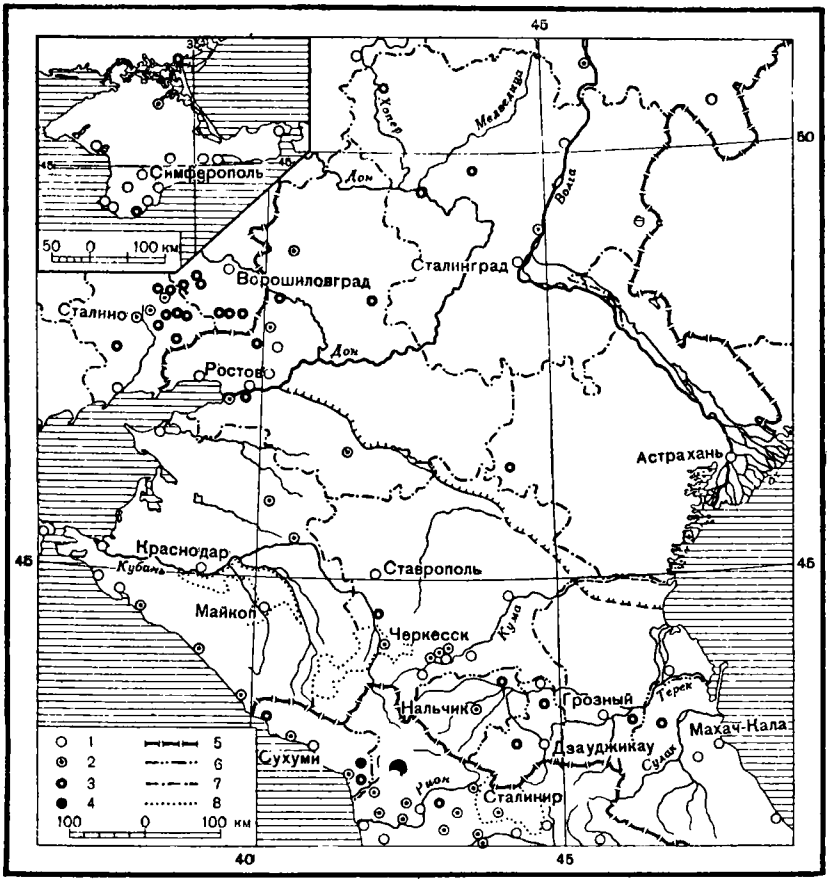
Иными словами, в более обжитых частях страны со сложившейся и достаточно густой сетью населённых пунктов, города образуются большей частью на основе уже имеющихся поселений полугородского или сельского типа. В восточных же и вообще малообжитых районах страны новые города образуются преимущественно в местах добычи полезных ископаемых, иллюстрируя тем самым, что освоение малозаселённых районов идёт прежде всего по принципу приближения промышленности к источникам сырья и энергии.

Каковы размеры новых городов по количеству жителей и в какой мере новые города участвуют в создании в СССР крупных городских центров? Ответ на этот вопрос можно получить из материалов переписи 1939 г. В момент переписи у нас было 922 города. Из них 545 числились ими еще до революции, а 377 — получили права города или сформировались как города после революции. Города с населением свыше 50 тыс. человек (по которым только и были опубликованы данные о числе жителей) и менее 50 тыс. чел. распределяются в той и другой группе следующим образом:

Количество жителей	Всего городов	В том числе		% новых городов
		старые	новые	
Свыше 100 тыс. чел.	82	69	13	15,8
От 50 до 100 тыс.	92	66	26	28,3
Менее 50 тыс.	748	410	338	45,2
Итого	922	545	377	40,9

Как видно, более или менее крупных центров (свыше 50 тыс. человек) среди новых городов — 39, или 10,3% от

общего числа новых городов (377), а среди старых — 135 из 545, или 24,8%, т. е. удельный вес старых городов среди крупных поселений в два с половиной раза выше. Из 182 городов СССР с числом жителей более 50 тыс. человек 39 новых городов составляют 21,4% числа. Города, имеющие более 50 тыс. человек, сосредоточивают 61% всего городского населения, и,



Юг РСФСР и Нижнее Поволжье.

1 — 4 см. общую легенду. 5 — границы союзных республик. 6 — границы автономных республик. 7 — границы краев и областей. 8 — границы автономных областей.

следовательно, они в основном устанавливают и его географию. Поскольку они почти на четыре пятых состоят из старых городов, на которые приходится 88% всего населения городов, имеющих более 50 тыс. жителей, можно как будто сделать тот вывод, что география городского населения СССР в очень слабой мере определяется новыми городами, но этот

вывод, хотя он и подкрепляется средними суммарными данными по СССР, является неправильным, поскольку он не опирается на анализ географического размещения новых значительных городов по районам Советского Союза.

Обратимся к этому размещению.

Новые города СССР, имеющие более 50 тыс. жителей

(население в тысячах по переписи 1939 г.)

Первая угольно-металлургическая база

1. Сталино	462,4	7. Кадиевка	68,4
2. Макеевка	240,1	8. Ворошиловск	55,1
3. Горловка	108,7	9. Красный Луч	50,8
4. Константиновка	95,1	10. Кривой Рог	197,6
5. Краматорск	93,4	11. Днепродзержинск	147,8
6. Енакиево	88,2	12. Никополь	57,8

Урало-Кузнецкий комбинат

1. Ижевск	175,7	8. Сталинск	169,5
2. Нижний Тагил	159,9	9. Кемерово	133,0
3. Магнитогорск	145,9	10. Прокопьевск	107,2
4. Серов	64,7	11. Ленинск-Кузнецкий	82,0
5. Березники	63,6	12. Анжеро-Судженск	71,1
6. Лысьва	51,2	13. Караганда	165,9
7. Каменск-Уральский	50,9		

Промышленный Центр

1. Дзержинск	103,4	6. Перово	77,7
2. Орехово-Зуево	99,3	7. Бабушкин	70,5
3. Бежица	82,3	8. Люблино	64,1
4. Ногинск	81,0	9. Кунцево	61,0
5. Сталиногорск	76,2	10. Мытищи	60,1

Прочие районы

1. Сталинабад	82,5	3. Черемхово	65,0
2. Комсомольск	70,7	4. Чапаевск	58,0

Приведённый перечень показывает, что Юг, Промышленный Центр и Урал с Кузбассом сосредоточивают подавляющую долю новых значительных городов. Именно в этих районах резко увеличилось число городов. Но, как мы видели выше, именно в этих же районах происходил и наиболее быстрый рост городского населения. Связь между этими явлениями совершенно очевидна. Таким образом, хотя новых крупных городов не так много (по сравнению со старыми), тем не менее, в силу сосредоточия их, главным образом, в трёх индустриальных районах СССР, они оказывают сильное влияние на географию городского населения нашей страны.

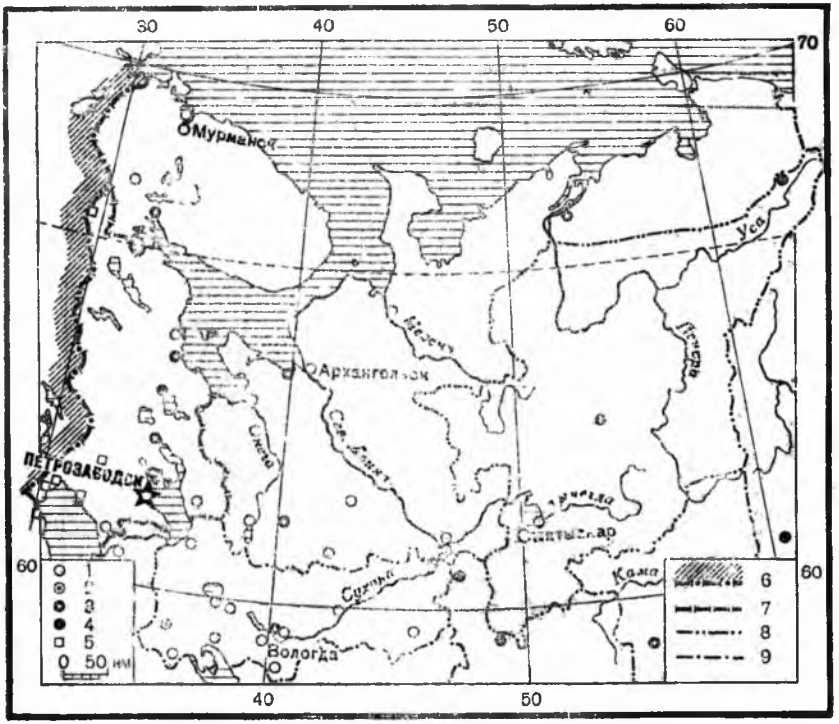
Обращаясь к динамике населения 135 старых городов, имеющих 50 тыс. жителей и выше, мы обнаруживаем следующие географические различия:

	Количество городов	Число жителей в них в 1939 г. в % к 1926 г.
Европейский Север	4	330
Северо-Запад и Запад	4	188
Промышленный Центр	20	211
Черноземный Центр	9	180
Поволжье	11	194
Юг РСФСР	17	168
Урал	6	284
Западная Сибирь	7	207
Восточная Сибирь и Дальний Восток	8	228
Правобережье УССР	6	155
Левобережье »	4	186
Степной район УССР	6	157
Донецкий » »	4	280
Днепровский район УССР	2	271
Белоруссия	5	178
Закавказье	7	183
Средняя Азия	9	162
Казахстан	6	274
СССР	135	197

Население всех старых городов, с количеством жителей в 1939 г. 50 тыс. и более, за период между переписями почти удвоилось (197%). Но по отдельным районам прирост был не одинаков. На Европейском Севере он был в два раза выше, чем на Правобережье Украины. Несомненно, средние показатели по районам скрадывают те различия в динамике, которые наблюдаются между городами одного и того же района. Тем не менее они отражают некоторые характерные особенности развития наших районов. В то же время мы здесь обнаруживаем и неодинаковую роль старых и новых городов в росте городского населения по отдельным районам СССР.

Наибольший прирост городского населения обнаружили шесть районов: Европейский Север, Восточная Сибирь с Дальним Востоком, Казахстан, Урал, Западная Сибирь и Промышленный Центр. Все эти районы

отличаются вместе с тем и наибольшими темпами роста старых городов. Европейский Север, занимающий в этом отношении первое место, выделяется тем, что там не сложилось за это время ни одного значительного нового города. Следовательно, очень высокие темпы роста городского населения обусловлены здесь в большей мере ростом старых горо-



Север РСФСР и Карело-Финская ССР.

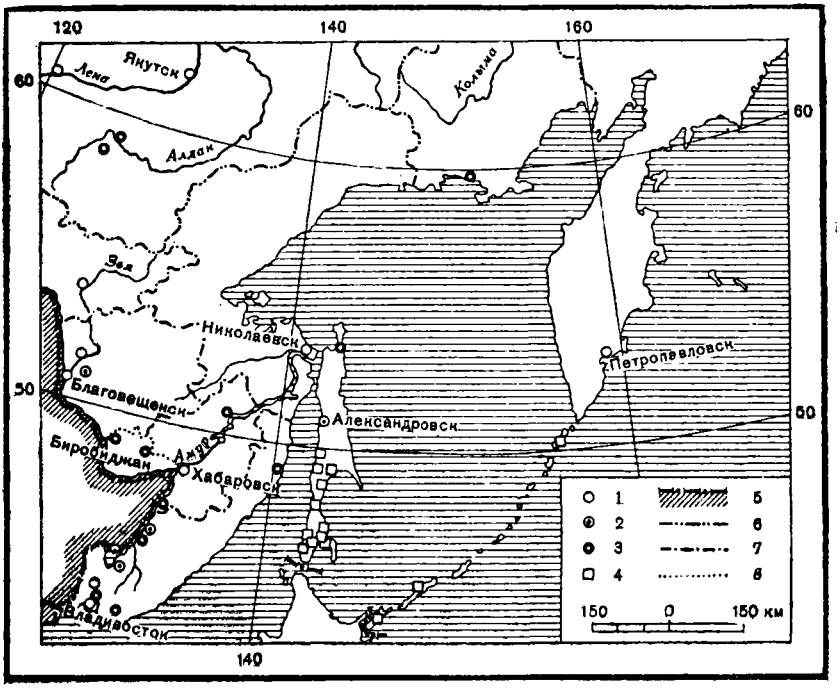
1 — 5 см. общую легенду. 6 — границы СССР. 7 — границы союзных республик. 8 — границы автономных республик. 9 — границы областей.

дов — Архангельска и Мурманска. Впрочем, последний может считаться старым городом лишь формально. В Казахстане, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке появилось лишь по одному крупному новому городу, поэтому в этих районах быстрый рост городского населения вызван сильным развитием старых городов. Урал сочетает быстрый рост старых значительных городов с образованием большого числа новых городов. Наконец, Западная Сибирь и Промышленный Центр отличаются сравнительно менее высокими темпами роста старых значительных городов.

В Западной Сибири только Новосибирск развивался весьма стремительно (338%), остальные же города — Курган, Тюмень, Омск, Томск, Бийск — росли медленно, кроме Барнаула, который шёл почти на среднем уровне. Таким образом, в Западной Сибири быстрый рост городского населения обязан прежде всего образованию новых значительных городов. Все они находятся в Кузбассе.

В Промышленном Центре много старых городов дало прирост ниже среднего (Серпухов, Егорьевск, Кострома, Владимир, Шуя, Тула, Калуга,

Брянск, Рязань) или же близко к среднему. Среди последних находится и Москва (204%), что при громадном её населении оказало сильное влияние на среднюю по району. Впрочем, если присчитать пять пригородов Москвы, оформленных как самостоятельные города, к Москве, то темпы роста Москвы окажутся несколько более высокими и почти совпадающими со средней по району (212 и 211%). Более медленные темпы роста одних городов уравновешиваются более высокими других (Подольск, Коломна, Ярославль, Щербаков, Горький и т. д.). На Украине быстрее всего раз-



Дальний Восток РСФСР.

1 — 4 см. общую легенду. 5 — границы СССР. 6 — границы автономных республик. 7 — границы краев и областей. 8 — границы автономных областей.

вивались старые города первой угольно-металлургической базы, где сосредоточены и все новые значительные города. Этому противостоят другие районы Украины с их значительно более медленными темпами, так что средняя по Украине (185%) оказывается ниже, чем по Союзу (197%). Все остальные районы страны, которые отличаются более медленным ростом городского населения, имеют и более медленные темпы развития старых городов, что у них сочетается с отсутствием и новых значительных городов (кроме Чапаевска в Поволжье, где темпы близки к средним). Таким образом, по отдельным районам Советского Союза роль старых и новых значительных городов в общей динамике их городского населения — не одинакова. Конечно, на эту динамику оказывали сильное влияние и менее значительные города (с населением ниже 50 тыс. чел.), которые в некоторых местах (Европейский Север, Урал, Восточная Сибирь, Дальний Восток и др.) выросли больше, чем более крупные города.

Тем не менее, общая тенденция развития наших городов — их укрупнение. Это легче всего продемонстрировать следующими данными переписей населения:

	1926 г.	1939 г.
Число городов с населением более 50 тыс. чел.	92	174
Жителей в них (в тыс.)	13 659,6	34 135,7
В проц. ко всему населению .	9,3	20,2
» проц. к городскому населению	51,9	61,1
Среднее число жителей на 1 город (в тыс.)	148,5	196,2

Ещё более сказывается укрупнение городов, если взять только те из них, которые имеют свыше 100 тыс. жителей. Вместе с тем произошли и весьма серьёзные сдвиги в географическом их размещении. Сущность этих сдвигов заключается в более равномерном распределении больших городов по территории СССР [1]

Таковы наиболее важные изменения в географии городов Советского Союза, произошедшие в мирные годы социалистической реконструкции страны.

* *
*

Вероломное нападение на нашу родину фашистской Германии прервало мирный ход жизни Советского Союза и мирное развитие наших социалистических городов. Война привела к упадку сотен городов, оказавшихся во временной оккупации и прифронтовой зоне. Спасая от врага государственное достояние, мы вывезли в глубокий тыл оборудование почти всех более или менее важных предприятий. Туда же эвакуировалась и значительная доля населения. Многие города явились ареной жестоких боёв и оказались разрушенными чуть ли не до основания (Сталинград, Севастополь, Воронеж, Новороссийск, Смоленск, Минск и др.). Отступая, немцы варварски взрывали и уничтожали оставшиеся предприятия, наиболее ценные общественные и жилые здания.

С первых же дней освобождения городов началась героическая работа по их восстановлению. Но лишь к концу новой пятилетки, ценой напряжённого труда и огромных усилий, удастся ликвидировать грандиозные разрушения и приблизиться к довоенному состоянию. Это означает для значительной части городов западных и южных районов СССР, бывших

[1] См. об этом в нашей статье «Географические сдвиги в размещении больших городов СССР». Изв. Всесоюзного Географического о-ва, вып. 1, 1941

в оккупации, что их развитие война задержала, примерно, на десять лет

Совершенно противоположную тенденцию обнаруживают города восточных районов. На основе нового строительства, размещения свыше 1 300 крупных предприятий, эвакуированных с Запада, и притока туда же населения на Востоке происходил бурный рост промышленности. За четыре года войны промышленное производство увеличилось в Сибири в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,4 раза, а на Урале — в 3,6 раза. Соответственно этому на Востоке происходил быстрый рост городов и рабочих посёлков. В связи с этим и в годы войны продолжалось законодательное оформление новых городских поселений. За 1942—1945 гг у нас прибавился 71 новый город, а отбрасывая 4, которые числились городами в прошлом [1], — 67. За малыми исключениями, они могут быть разбиты на три группы

Во-первых, городами стали те населённые пункты, где происходила форсированная разработка горных богатств или постройка предприятий по их переработке. Таковы, например, угольные центры: в Печорском бассейне — Воркута, Белохово — в Подмосковном бассейне, Коркино под Челябинском, Райчихинск на Дальнем Востоке, Ткварчели — в Грузии, Ленгер — в Казахстане, Ташкумыр и Кок-Янгак — в Киргизии и т д. Таковы нефтяной центр Севера — Ухта, Североуральск, и многие другие.

Во-вторых, в города превратились многие уральские рабочие посёлки, где в годы войны происходило быстрое расширение производства, а местами и новое строительство.

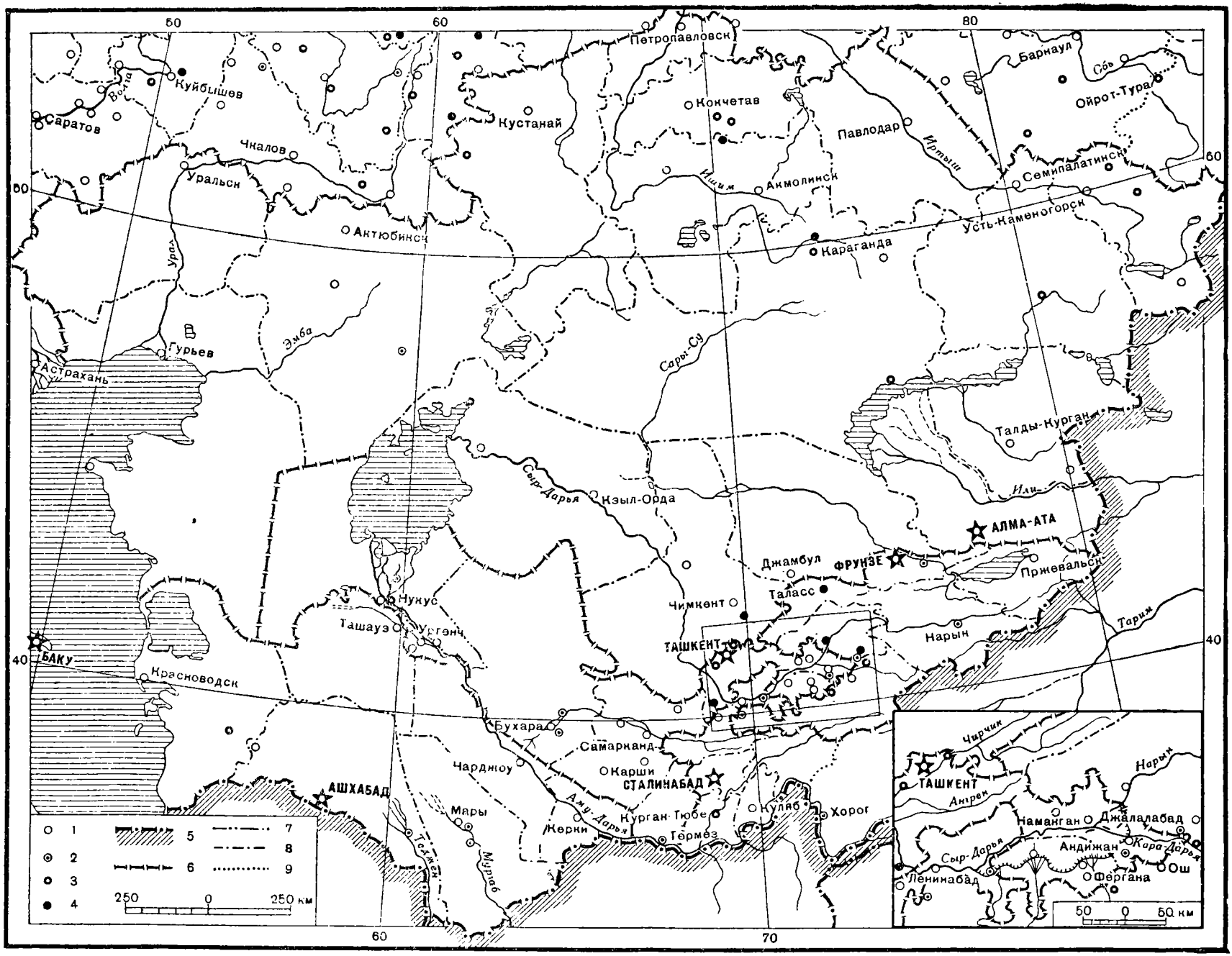
Наконец, в-третьих, были отстроены новые города около тех железнодорожных станций, где было выгружено с эшелонов эвакуированное оборудование. В большинстве случаев здесь были размещены машиностроительные и металлообрабатывающие заводы. Такие города возникли большей частью между Волгой и Уралом и между Уралом и Кузбассом. Таковы по линии Куйбышев — Чкалов города Кинель и Сорочинск, по линии Казань — Свердловск города Вятские Поляны и Камбарка, по линии Горький — Молотов Шахунья, Зуевка и Верещагино, по линии Киров — Котлас. Маруши и Луза, по линии Челябинск — Омск: Щучье, Шумиха, Петухово (бывшее Юдино) и Исиль-Куль и т д.

Список этих новых городов представляет, несомненно, самостоятельный интерес, поэтому мы его приводим полностью.

Крайний Север: Воркута, Ухта.

Между Волгой и Уралом: Верещагино, Вятские Поляны, Зуевка, Камбарка, Кинель, Луза, Мураши, Сорочинск, Шахунья.

[1] Пудож и Олонец в Карело-Финской ССР Сенгилей — в Ульяновской области и Соль-Илецк — в Чкаловской.



Казахская, Киргизская, Таджикская, Туркменская и Узбекская ССР.

1 — 4 — см. общую легенду. 5 — границы СССР. 6 — границы союзных республик. 7 — границы автономных республик. 8 — границы областей и краев. 9 — границы автономных областей.

Урал: Добрянка, Ивдель, Карталы, Касли, Коркино, Красновишерск, Краснотурьинск, Куса, Миньяр, Нижние Серги, Ново-Троицк, Нытва, Назепетровск, Полевской, Реж, Североуральск, Сим, Сухой Лог, Талица, Уст-Катав, Чермоз, Черниковка, Юрюзань.

Западная Сибирь: Бердск, Болотное, Исиль-Куль, Катайск, Купино, Петухово, Тогучин, Шумиха, Щучье, Чесноковка.

Восточная Сибирь и Дальний Восток: Городок, Уяр, Райчихинск.

Казахстан: Ленгер, Макинск, Талды-Курган, Темир-Тау

Средняя Азия. Беговат, Кок-Янгак, Таласс, Ташкумыр.

Закавказье: Акстафа, Астара, Уджары, Шахмор, Ткварчели, Колубети, Артик

Прочие районы: Сегежа (Карело-Финская ССР), Болохово (Тульская обл.), Калач (Воронежская обл.), Славгород (бывший Пропойск, БССР) и Тростянец (Сумская обл. УССР).

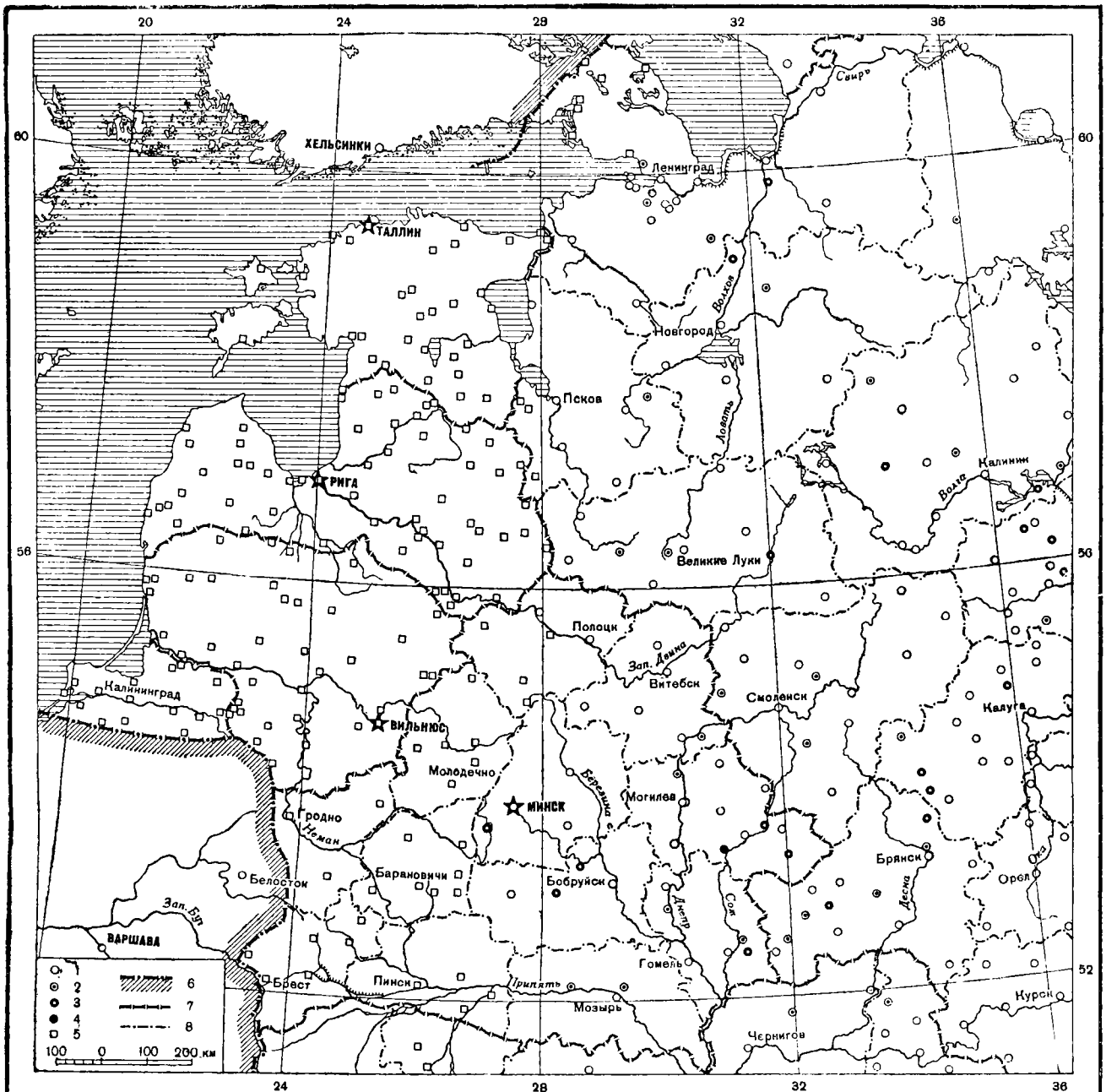
Этот список навсегда останется свидетельством героических усилий и величайших трудовых подвигов советского народа в годы Великой Отечественной войны. Воркута и Ухта говорят нам о прокладке в труднейших условиях Северо-Печорской железнодорожной магистрали, обеспечившей превращение этих пунктов в индустриальные города. Болохово напоминает о невероятно быстром восстановлении Подмосковного бассейна после изгнания фашистских оккупантов. Астара — о переброске иностранных грузов через Иран. Ивдель, Краснотурьинск и Североуральск — о легендарно быстром освоении Северного Урала и т. д. и т. п. Почти каждый город в этом списке — памятник огромного патриотического подъёма советского народа в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками, беспредельной преданности его своей родине, партии и правительству, своему любимому вождю и учителю великому Сталину. Образование большого количества новых городов в условиях тяжёлой войны является ярким показателем нашей хозяйственной мощи и неиссякаемых жизненных сил советских людей.

Как видно из приведённого выше списка, подавляющее большинство новых городов сформировалось в 1942—1945 гг. за Волгой и дальше на восток. На эту часть страны приходится 53 из 67 новых городов. Такое географическое размещение новых городов не нуждается в объяснении. Отметим только, что это размещение означает заметное увеличение числа городов на Востоке. Так, на Урале и в Западной Сибири за годы войны число городов против 1941 г. увеличилось на одну треть.

Одновременно происходит интенсивный приток населения во все остальные города восточных районов СССР. Свердловск, Челябинск и Новосибирск превратились в крупнейшие индустриальные центры первостепенного общесоюзного значения. Важными промышленными центрами стали многие небольшие города, до войны еще слабо индустриализованные. На фоне временного упадка многих городов западных и отчасти центральных районов Советского Союза всё это означало резкое перемещение городского населения СССР в восточные районы страны, что находилось в полном соответствии с теми громадными сдвигами в размещении производительных сил СССР, которые произошли за годы Великой Отечественной войны.

Еще до её начала Советский Союз достиг громадных успехов в исправлении границ, навязанных ему в период первых лет его существования. Ведущая роль СССР в разгроме фашистской Германии и победа над империалистической Японией дали возможность не только закрепить прежние успехи, но и обеспечить новые и тем самым создать более справедливые внешние государственные границы Советского Союза. Расширение территории СССР означало и увеличение числа городов и посёлков городского типа. К началу новой пятилетки (на 1 января 1946 г.) число вошедших в состав СССР городских поселений было следующее (без Калининградской области, Южного Сахалина и Курильских островов):

	Городов	Посёлков городского типа
Ленинградская область (Карельский перешеек)	7	3
Псковская область (от Эстонии)	—	3
Тувинская автономная область .	4	4
РСФСР . . .	14	7
УССР (западные области) . . .	95	68
БССР » » . . .	30	45
Молдавская ССР (Бессарабия) .	11	6
Карело-Финская ССР	5	3
Эстонская ССР	32	13
Латвийская ССР	58	—
Литовская ССР	40	—
Итого по новым территориям . . .	285	142
Старая территория СССР . . .	1 037	1 786
Всего по СССР на 1 января 1946 г. .	1 322	1 928



Запад РСФСР, Эстонская, Латвийская, Литовская и Белорусская ССР.

1 — 5 — см. общую легенду. 6 — границы СССР, 7 — границы союзных республик. 8 — границы областей.

По последним данным (на 1 апреля 1947 г.) в пределах всей территории Советского Союза было 1381 город и 1982 городских поселения. При этом на старую территорию (до осени 1939 г.) приходился 1051 город и на новые — 330 городов [1].

* * *

Подведём некоторые итоги. Как было указано, к началу новой пятилетки в старых границах Советского Союза было 1 037 городов. Из них 551 город официально состоял городами еще до революции. Сюда мы включили и те не очень многочисленные случаи, когда дореволюционные города были в первые годы советской власти лишены этого титула, а потом, через некоторое время, вновь его обрели. Новых городов за 1917—1946 гг в СССР было образовано 486. В это число не входят те немногие населённые пункты, которые получили права города, но их не удержали и, следовательно, перестали числиться городами. Под образованием новых городов здесь подразумеваются три разных категории случаев. Во-первых, населённые пункты, которые фактически стали городами еще в дооктябрьские времена, но таковыми юридически были оформлены только после революции. Во-вторых, населённые пункты, в прошлом полугородского характера, превратившиеся в города при советской власти (главным образом, на базе развития в них социалистической промышленности) и соответственно советским законам получившие права города. Наконец, в-третьих, совершенно новые города.

В сводном виде распределение городов по республикам и районам с разбивкой их на старые и новые, а последних по периодам образования, представлено в таблице (см. стр. 44).

В Советском Союзе произошло значительное обновление состава городов. В начале 1917 г. на территории СССР, в границах до осени 1939 г., было 675 городов. Из них осталось 551. Перестали числиться городами 124, или 18,4%. Зато новых городов прибавилось в четыре раза больше, чем убавилось старых, а именно 486. В результате к началу послевоенной пятилетки старые города составляли 53%, а новые — 47% всех городов страны. Конечно, не исключена возможность, что некоторые населённые пункты, ранее считавшиеся городами, но переставшие называться ими, под влиянием социалистического строительства станут опять городами. Основной путь увеличения числа городов СССР идёт не по линии «воскрешения» старых, а по линии образования новых городов, вырастающих из

[1] В том числе 16 городов в Калининградской области и 13 на Южном Сахалине и Курилах. Кроме того в результате административных преобразований прибавилось в Литовской ССР 14 городов, в Молдавской ССР — 1 город и в Эстонской ССР — 2 города. В ней же один город был преобразован в курортный поселок.

	Всего городов	Старые	Новые	В том числе образованные в		
				1918—1926 гг.	1926—1941 гг.	1942—1945 гг.
Европейский Север	32	21	11	2	7	2
Северо-Запад	32	24	8	6	2	—
Запад	52	36	16	10	6	—
Промышленный Центр	161	86	75	32	41	2
Черноземный Центр	56	47	9	4	4	1
Поволжье	64	40	24	8	11	5
Юг	60	34	26	15	11	—
Урал	99	27	72	12	34	26
Западная Сибирь	48	20	28	4	14	10
Восточная Сибирь	40	21	19	6	11	2
Дальний Восток	22	7	15	4	10	1
РСФСР	666	363	303	103	151	49
Правобережье	38	22	16	6	10	—
Левобережье	41	32	9	2	6	1
Степной район	18	13	5	—	5	—
Днепровский район	17	7	10	3	7	—
Донбасс	49	5	44	3	41	—
УССР	163	79	84	14	69	1
БССР	36	23	13	6	6	1
Азербайджан	29	12	17	6	7	4
Грузия	31	12	19	12	5	2
Армения	10	4	6	2	3	1
Закавказье	70	28	42	20	15	7
Туркменская	11	7	4	3	1	—
Узбекская	26	17	9	5	3	1
Таджикская	7	4	3	2	1	—
Киргизская	12	3	9	4	2	3
Средняя Азия	56	31	25	14	7	4
Казахстан	36	22	14	1	9	4
Молдавская	2	1	1	—	1	—
Карело-Финская	8	4	4	—	3	1
СССР	1 037	551	486	158	261	67

рабочих посёлков и других посёлков городского типа. Залогом этому служит наличие в Советском Союзе (в пределах всей его территории) 1 928 посёлков городского типа (против 1 322 городов, т. е. в полтора раза больше). Среди них не один десяток посёлков на основе дальнейшего развития вырастет в новые города. Наличие большого числа мелких промышленных пунктов, развивающихся в более крупные индустриальные центры, обеспечивает образование многих новых городов и дальнейший процесс обновления сети городов СССР.

Это обновление состава городов происходит во всех республиках и районах Советского Союза, так как социалистическое строительство идёт во всех частях страны.

Однако это обновление имеет свои географические особенности, вытекающие из порайонных различий в развитии хозяйства СССР, что определило и разные темпы образования новых городов по отдельным районам СССР. Весьма быстро оно происходило в ведущих районах страны, в первую очередь в Центрально-Промышленном и Донбассе. Ещё быстрее образование новых городов имело место в восточных районах страны. Если взять Урал, Сибирь и Дальний Восток, то сеть городов состоит там на две трети из новых городов. Очень сильно выросло число городов в ряде национальных районов. В Киргизии новые города составляют 75% всех городов, в республиках Закавказья—60%, на Украине—52%, в Карелии—50%. Всего в национальных районах за советский период образовалось 218 новых городов. Хотя в некоторых национальных республиках процесс обновления городов идёт сравнительно медленно, тем не менее в целом по всем национальным районам это происходит быстрее, чем в русских частях страны. Тогда как в последних на новые города приходится 45% всех городов,—в национальных районах эта доля выражается в 49%. Быстро растут новые города вообще всех тех окраин, где идёт освоение новых территорий и новых природных богатств, например, на Крайнем Севере. Всё это привело к значительному перемещению сети городов по территории страны. Так, в восточных районах (Урал, Сибирь, Дальний Восток) на старые города приходится 21% всех старых городов, а на новые — 44% всех новых городов РСФСР. Словом, громадный рост сети городов СССР и значительные географические сдвиги в её распределении по территории страны — прямой результат тех глубоких социальных, экономических и географических сдвигов, которые произошли в нашей стране за годы советской власти.

* *
*

Новый сталинский пятилетний план предусматривает громадные работы по восстановлению и дальнейшему развитию

городов СССР. Особенно большое место занимает в нём восстановление городов и посёлков в районах, подвергшихся оккупации, где произошли большие разрушения. Из руин поднимаются города-герои, города, сыгравшие историческую роль в ходе Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

По РСФСР в первую очередь восстанавливаются Сталинград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь, Симферополь, Севастополь, Воронеж, Орел, Курск, Смоленск, Калинин, Великие Луки, Брянск, Калуга, Новгород и Псков. Продолжаются работы по осуществлению генерального плана реконструкции Москвы. Героический Ленинград восстанавливается как крупнейший индустриальный и культурный центр страны с достижением довоенного уровня производства на более высокой технической базе. На Украине в первую очередь восстанавливаются Киев, Харьков, Чернигов, Одесса, Днепропетровск, Сталино и Запорожье. В крупный индустриальный центр превращается город Львов. В Белоруссии в первую очередь восстанавливается её столица — Минск; в союзных республиках Прибалтики— Рига, Вентспилс, Елгава, Лепая, Таллин, Тарту, Нарва, Пярну, Вильнюс, Каунас, Клайпеда, Шауляй, Поневежис; в Карело-Финской ССР—Петрозаводск и Медвежьегорск и в Молдавии — Кишинёв и Тирасполь.

В остальных частях страны происходит дальнейшее развитие городов. Уже некоторые города, образованные во время или после окончания войны, явились предвестниками нового пятилетнего плана. Так, в Казахстане рабочий посёлок Самарканд был преобразован в город Темир-Тау. В Узбекистане был образован новый город Беговат на крупной Фархадской гидростанции на Сыр-дарье.

В 1946 и 1947 гг. продолжается процесс образования новых городов. Почти все они непосредственно отражают успешное выполнение нового пятилетнего плана.

Условные знаки, принятые на всех районных картах

- ○ Города, существовавшие до 1917 г
- ◉ Пункты, отнесенные к разряду городов в 1918—1926 гг.
- ◎ Пункты, отнесенные к разряду городов в 1927—1941 гг.
- ● Пункты, отнесенные к разряду городов в 1942—1945 гг.
- □ Города, вошедшие в состав СССР после 1939 г
- ☆ Столицы союзных республик.

Географический факультет Ленинградского государственного университета

А. Е. Пробст

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ ТОПЛИВОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Каждой общественной формации присущ свой особый тип географического размещения производства. Размещение производительных сил при капитализме отражало все специфические особенности этого исторического способа производства со всеми его противоречиями. Великая пролетарская революция, уничтожив частную собственность на орудия и средства производства и капиталистические производственные отношения, обеспечила создание новых, социалистических отношений. Этим новым общественным отношениям должно соответствовать новое, социалистическое размещение производительных сил. Одной из важнейших задач социалистической реконструкции хозяйства нашей страны было изменение сложившейся при капитализме географии производительных сил. Важность и актуальность этой задачи полностью осознавалась с первых дней существования советской власти. И как ни трудна была политическая, военная и хозяйственная обстановка в первый период существования пролетарского государства, она не могла заслонить важности предстоящего нового размещения производства и необходимости немедленной подготовки к его проведению. Вот почему еще в начале 1918 г. В. И. Ленин считает необходимым поручить Академии наук разработать план «рационального размещения промышленности»[1].

Первостепенное значение этой задачи неоднократно подчёркивалось И. В. Сталиным. Когда было закончено восстановление народного хозяйства после первой мировой и гражданской войн, блокады и интервенции и когда наш народ

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXII, стр. 453.

практически приступил к осуществлению социалистической индустриализации страны, И. В. Сталин указывал, что «прежде всего проблема правильного размещения промышленности по СССР»[1]

Всё это определяет особую значимость анализа итогов изменений географического размещения производительных сил за тридцатилетний период существования советской власти.

В географии любой отрасли промышленности за истекшие тридцать лет произошли кардинальные сдвиги, анализ которых имеет принципиальное значение для понимания итогов и достижений социалистической реконструкции хозяйства СССР Но, пожалуй, особое значение имеет анализ сдвигов в размещении топливодобывающей промышленности. Это объясняется не только особой глубиной этих сдвигов и не только исключительным значением этой отрасли промышленности в народном хозяйстве СССР, но также специфическим местом проблемы размещения топливной промышленности в общей теории размещения индустрии. Ведь большинство буржуазных теоретиков промышленного штандорта вообще отрицали саму возможность постановки проблемы размещения топливной промышленности. А. Вебер и его школа считают, что география топливной, как и вообще добывающей промышленности, дана самой природой[2] Если буржуазные теоретики и признают влияние на размещение обрабатывающей промышленности экономических факторов, хотя они и пытались придать последним внеисторическое содержание, то по отношению к размещению добывающей промышленности они отрицают какое бы то ни было влияние социально-экономических факторов. Именно поэтому они отрицали возможность постановки проблемы размещения добывающей промышленности как экономической проблемы, в лучшем случае сводя её только к проблеме районирования добычи (продукции), но исключая из неё вопросы размещения производства[3].

Даже самое беглое знакомство со сдвигами в размещении топливодобывающей промышленности в СССР убеждает в полной беспочвенности подобного рода теорий, ложных в силу ошибочности своих исходных предпосылок и находящихся в явном противоречии с реальной действительностью.

В результате социалистической реконструкции наиболее глубокие сдвиги произошли в размещении именно топливодобывающей промышленности. Новая география добычи топлива сложилась под непосредственным воздействием новых, социа-

---

[1] И. В. Сталин. Доклад на XVI съезде ВКП(б).

[2] A. Weber. Über den Standort der Industrien, Tübingen, g. 49—50, 1922.

[3] O. Engländer. «Theorie des Güterverkers und der Frachtzätze», Iena 1924 и его же «Standort». «Handworterbuch der Staatswissenschaft».

листических отношений. Изменилась при этом не природа, которая якобы только и определяет «штандорт» добывающей промышленности. Смена капиталистических отношений, определявших размещение капиталистического производства, социалистическими отношениями вызвала коренное изменение всей географии промышленности, в том числе топливодобывающей.

В размещении отраслей промышленности дореволюционной России ни в одной из них не проявились так сильно и так остро специфические противоречия капиталистического производства, как в размещении топливной промышленности. Именно поэтому география добычи топлива в царской России отличалась своей нерациональностью даже по сравнению со всеми другими отраслями производства.

При рассмотрении географии дореволюционной топливодобывающей промышленности прежде всего обращает на себя внимание крайне резкая пространственная централизация добычи топлива в южноевропейских районах, весьма отдалённых от основных топливодобывающих районов страны. Добыча двух важнейших и решающих видов минерального топлива — угля и нефти — была почти полностью сконцентрирована в Донецком бассейне и на Кавказе. В 1913 г. на Донецкий бассейн приходилось 87% всей добычи угля страны, а на Кавказ — свыше 97% всей добычи нефти. Подобного рода гипертрофированная пространственная централизация добычи угля и нефти в южноевропейских районах, при огромнейших размерах территории нашей страны, неизбежно должна была привести к ряду отрицательных последствий, определявших всю специфику дореволюционного топливного хозяйства России. Эти последствия были ещё более тяжёлыми потому, что Россия вообще отличалась крайне неравномерным размещением обрабатывающей промышленности, сосредоточенной преимущественно в Центрально-Промышленном (Московском) и Северо-Западном (Петербургском) районах.

В результате около половины всего потребления минерального топлива в стране приходилось на эти районы средней полосы Европейской части страны, отдалённые от мест добычи угля и нефти на 1 000—2 500 км и даже более. Всё это должно было привести к массовым перевозкам топлива на чрезмерно дальние расстояния, к такой нагрузке транспорта, которая была явно непосильной для него, а потому топливоснабжение страны находилось под угрозой срыва в случае даже небольшого нарушения нормальной работы транспорта.

Сложившаяся до революции география добычи топлива, конечно, была связана с природными условиями (географией естественных ресурсов угля и нефти), но природные ресурсы позволяли создать совсем иную географию добычи топлива, чем та, которая сложилась в дореволюционной России. Ведь и до революции было известно множество богатых месторождений угля и нефти, с благоприятными горно-геологическими условиями, но они либо вовсе не разрабатывались, либо разрабатывались в крайне небольших масштабах. По данным 1913 г. на долю Донецкого бассейна приходилось 23,7% всех угольных запасов России. Уже тогда было известно, что преобладающая масса угольных богатств страны сконцентрирована в восточных районах. Однако добыча угля на Востоке составляла перед первой мировой войной менее 12% от всей добычи России, и дальнейшей эксплоатации этих богатств препятствовала колониальная политика царской России по отношению к азиатским районам, мешавшая их индустриальному развитию.

Название бассейнов и месторождений / еды	1880	1890
Общая добыча угля во всей России	2 003,8	3 544,9
Донецкий бассейн	1 414,4	3 001,6
Подмосковный бассейн	411,4	233,7
Украинские буроугольные месторождения	8,8	11,4
Северокавказские месторождения	5,0	2,4
Онежские месторождения	3,3	0,1
Общая добыча угля по Европейской части России[2]	1 842,9	3 249,2
В т. ч. местных углей	428,5	247,6
Проц. местных углей к общей добыче по Европейской части России	23,3	7,6
Проц. донецких углей к общей добыче по Европейской части России	76,7	92,4
Закавказские месторождения	1,3	7,5
Уральские »	118,2	249,4
Западносибирские »	7,9	17,2
Восточносибирские »	—	—
Дальневосточные »	8,2	14,6
Казахстанские »	20,3	2,1
Среднеазиатские »	5,0	4,9
Общая добыча угля в Закавказье и на Востоке	160,9	295,7
Проц. добычи угля в восточных районах к добыче России	8,0	8,3

[1] По данным «Сборников статистических сведений по горной и

[2] Без уральских месторождений.

Таблица 1

в дореволюционной России[1] (в границах СССР) (тыс. т)

1900	1910	1911	1912	1913
12 031,0	19 389,1	22 500,6	24 677,6	29 093,7
11 001,7	16 706,7	19 828,3	21 363,7	25 287,4
283,5	227,8	177,1	226,0	300,4
0,7	—	—	—	—
0,9	0,5	1,2	1,3	1,7
—	—	—	—	—
11 291,8	16 935,0	20 006,6	21 596,0	25 589,5
290,1	228,3	178,3	227,3	302,1
2,6	1,4	0,9	1,0	1,2
97,4	98,6	99,1	99,0	98,8
63,3	46,1	63,7	67,8	68,8
371,7	780,5	695,2	870,6	1 215,8
75,8	454,1	459,2	636,0	798,9
69,3	618,0	434,9	653,6	540,9
71,2	435,8	657,5	667,8	654,5
78,0	62,8	79,3	89,1	89,8
9,9	56,8	104,2	96,7	135,5
739,2	2 454,1	2 494,0	3 081,6	3 504,2
6,1	12,6	11,0	12,5	12,0

горнозаводской промышленности».

Угольные бассейны и месторождения даже Европейской части страны, помимо Донецкого бассейна, не играли сколько-нибудь значительной роли в топливоснабжении страны. Даже те угольные бассейны, которые в прошлом веке играли крупную роль в топливном балансе, в предреволюционный период не только не развивались, но их участие в общей добыче угля непрерывно и неуклонно падало, и во многих из них, несмотря на весьма интенсивный рост потребности в топливе, происходило сокращение абсолютных масштабов добычи угля.

Так, например, Подмосковный бассейн, на долю которого в конце 70-х годов приходилось свыше 25% всей добычи угля в стране, в предреволюционные годы играл совершенно ничтожную роль, и его доля составляла 1% всей добычи угля. За тридцать лет (с 1879—1883 по 1909—1913 г.), абсолютные масштабы добычи подмосковного угля уменьшились в два—два с половиной раза. Точно так же непрерывно сокращалась добыча углей Северокавказских, Украинских буроугольных и Онежских месторождений, и в начале XX в. добыча украинских бурых и онежских углей вовсе прекратилась.

Не менее показательна история Домбровского бассейна, теперь находящегося в Польше, за пределами СССР но игравшего в прошлом большую роль в топливоснабжении Европейской России. В 70-х годах прошлого столетия на Домбровский бассейн приходилось до 40% всей добычи углей в Европейской части России, но в последующий период его роль непрерывно падала, и в 1913 г. доля в углеснабжении Европейской части России упала до 20%. Несмотря на рост добычи угля в целом по стране, в особенности в европейских районах, добыча домбровских углей развивалась весьма медленно, по своим темпам во много раз уступая Донецкому бассейну.

Анализ географического размещения угольной промышленности царской России за последние 40—50 дореволюционных лет указывает, что в 70—80-х гг. прошлого столетия добыча угля была размещена по территории Европейской части страны гораздо более равномерно, чем в начале XX в. Только с 80—90-х гг. в дореволюционной России начал развиваться, и весьма интенсивно, процесс пространственной централизации добычи угля в Донецком бассейне и стала постепенно деградировать и даже полностью прекратилась добыча угля в других бассейнах и месторождениях Европейской части страны.

Основной причиной чрезмерной пространственной централизации угольной промышленности явилось создание в Донецком бассейне монополистической организации, преследовавшей своей целью устранение с угольного рынка Европейской части России всех конкурентов, добывавших уголь в других бассейнах и месторождениях. Так как «сфера влияния» монополистического капитала Донецкого бассейна распространялась почти на всю территорию Европейской части России, то в целях обеспечения монопольных цен на уголь необходимо было уничтожить всех аутсайдеров по добыче угля в других месторождениях. Деградация и постепенное отмирание подмосковных, северокавказских, украинских бурых углей и других местных бассейнов являлась следствием специфических противоречий эпохи монополистического капитализма между монополистическим капиталом, господствовавшим в Донецком бассейне, и аутсайдерами, добывавшими местные угли [1].

Географическое размещение нефтяной промышленности дореволюционной России было ещё более централизованным, даже по сравнению с

---

[1] Этот вопрос более подробно освещён в моей книге «Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР», Изд. АН СССР, 1939, гл. I

угольной промышленностью. Добыча нефти в 1913 г. распределялась по отдельным районам следующим образом:

Таблица 2

География добычи нефти в России в 1913 г.

Названия районов	Добыча (тыс. т)	Процент к итогу
Бакинский	7 646	83,14
Грозненский	1 210	13,16
Майкопский	79	0,86
Ферганский	33	0,36
Эмбенский	98	1,07
Челекен	130	1,41
Итого . . .	9 196	100,0

Можно ли объяснить концентрацию свыше 97% всей нефтедобычи страны на Кавказе только природными условиями, хотя, конечно, они играли большую роль в локализации добычи нефти? Ведь в районах Ферганы, Эмбы и других запасы нефти и её качество вполне обеспечивали возможность значительно бо́льших масштабов её добычи по сравнению с фактической. Ведь, помимо эксплоатировавшихся нефтяных месторождений, издавна были известны еще другие нефтяные месторождения, которые, несмотря на дефицит нефти, всё же в последние предреволюционные десятилетия не эксплоатировались. Так, ещё при Петре I была известна нефть на Ухте, и уже в 1745 г. была начата промышленная добыча нефти, но неоднократные попытки организовать в широком масштабе добычу нефти в этом районе в конце XIX и в XX в. наталкивались на столь сильное противодействие, что они не могли увенчаться успехом. Царское правительство, в угоду бакинским нефтепромышленникам, препятствовало развитию добычи нефти на Ухте [1]. Формально это мотивировалось неразведанностью этого издавна известного нефтяного района, но когда Государственной думой было решено организовать разведочное бурение, то кавказские нефтепромышленники, мобилизовав все силы, не дали возможности реализовать это постановление [2].

В районе, называемом в настоящее время «Вторым Баку», наличие нефтяных месторождений было известно очень давно. Еще в 1703 г. в «Русских ведомостях» сообщалось, что «на реке Соку нашли много нефти». И. Посошков, после своей поездки в Среднее Поволжье, сообщал, что ему известно в этом районе множество нефтяных месторождений [3]. В середине XVIII в. (1754 г.) была начата промышленная добыча нефти в этом районе Уразиатовым [4]. В последующие годы были созданы ещё и другие предприятия по добыче нефти. Но в конце XIX в., несмотря на технический прогресс, несмотря на возможность широкого использования новых

[1] М. Сидоров. «Север России» (1870) и «О горных его богатствах и препятствиях к их разработке», СПб., 1881.

[2] С. А. Кадер. Короли нефтяной промышленности и государственная монополия на нефть, II. 1915, стр. 55—56.

[3] «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти», 2 января 1703 г.

«И нефти сыскал я многое же число». И. Посошков. Книга о скудности и богатстве, М., 1937, стр. 226.

[4] П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург 1887 стр. 192.

достижений науки и техники, всякая добыча нефти замерла, и принимались самые решительные меры для исключения всякой возможности ее воскрешения.

Следовательно, своеобразная география нефтедобывающей промышленности в России отнюдь не определялась одними только естественными ресурсами нефти. Природные ресурсы позволяли и раньше совсем по-иному разместить добычу нефти по территории нашей страны, они позволяли создать нефтяную промышленность и на Севере, и в Поволжье, и в Средней Азии, и в других районах.

Возникновение и развитие монополистического капитала в донецкой угольной и кавказской нефтяной промышленности определило географию не только добычи угля и нефти, но оказало решающее влияние на размещение всей топливной промышленности России.

Крайне показательна в этом отношении история торфяной промышленности. Центральные районы, как известно, обладают крупными ресурсами торфа. Цены на уголь и нефть в этих районах вследствие дальности перевозки достигали весьма высокого уровня, что создавало благоприятные экономические предпосылки для широкого развития торфяной промышленности. И действительно, в конце прошлого столетия в России происходил интенсивный рост торфодобычи. Но вскоре положение кардинально изменилось, поскольку развитие торфяной промышленности противоречило интересам монополистических организаций Донецкого бассейна и Кавказа. Совет съездов бакинских нефтепромышленников, который был всецело в руках монополистического капитала и проводил его политику, открыто призывал к борьбе с торфяной промышленностью и подчёркивал в своей печати, что «без долгой и упорной борьбы, а главное, без длительного периода низких (т. е. бросовых. — **А. П.**) цен на нефть, вытеснить дрова и торф из тех мест, где они уже приобрели потребителей, невозможно» [1]. Соответствующие меры для удушения добычи торфа были, действительно, приняты.

От кавказских нефтепромышленников не отставали донецкие капиталисты. Синдикат «Продуголь», заключавший систему договоров (так называвшиеся «красные договоры» со всеми своими контрагентами, требовал в качестве одного из условий отказа от покупки и продажи в центральных районах торфа; в случае нарушения этого условия, контрагенты обязывались (§ 11 договора) платить «Продуглю» неустойку в размере 2 коп. с каждого пуда проданного или купленного торфа [2]. Так как эта «неустойка» достигала 30—35% от цены торфа, то этим договором достаточно надёжно обеспечивался отказ от потребления торфа большинством промышленных предприятий Центрального района.

Указанная политика монополистического капитала Донецкого бассейна и Кавказа не могла не сказаться самым решительным образом на положении торфяной промышленности. Подъём добычи торфа в конце прошлого столетия сменился полным упадком торфяной промышленности за последние 10—15 предреволюционных лет.

Об этом свидетельствуют данные промышленных переписей, согласно которым, по сопоставимому кругу промышленных предприятий, потребление торфа сократилось с 1 646 тыс. т в 1900 г. до 1 266 тыс. т в 1908 г. [3], т. е. на 23%, несмотря на то, что общее потребление топлива этими предприятиями за этот же период заметно увеличилось.

Резкая и всё усиливающаяся пространственная централизация добычи минерального топлива в России являлась следствием неуклонного вытес-

---

[1] Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1911 г., стр. XXIII.

[2] Архив рев. и внеш. политики, Дело № 3947. См. также «Красный архив», т. XVIII.

[3] «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.».

ления местных видов топлива (углей, нефти, торфа) донецким углем и кавказской нефтью. Вытеснение местного топлива происходило вовсе не вследствие его неэкономичности («неконкурентоспособности»). Напротив, дороговизна в тот период транспорта создавала исключительно благоприятные предпосылки для самого широкого развития добычи местных видов топлива.

Анализ конкретных условий развития российской топливодобывающей промышленности и её размещения полностью подтверждает правильность марксистской теории размещения производства.

* *
*

Чрезмерная пространственная централизация топливодобывающей промышленности в южных районах приводила к тому, что почти вся страна, как правило, получала **дальнепривозное топливо.**

Дореволюционная Россия крайне остро переживала проблему транспорта топлива, так как железные дороги не могли справиться с массовыми перевозками топлива на огромнейшие расстояния. Средняя дальность перевозки угля по железным дорогам составляла в 1912 г. 529 км (в границах СССР до 1939 г.). Подобной дальности перевозки угля не знала ни одна страна в мире. Средняя дальность перевозки нефти и нефтяных продуктов была ещё более значительной: в 1913 г. (в границах империи) она достигала по железным дорогам 634 км и по водным — 1 711 км.

По мере вытеснения местных видов топлива и усиления пространственной централизации, в размещении топливодобывающей промышленности наблюдалась тенденция к дальнейшему и непрерывному росту средней дальности перевозок топлива.

Массовая переброска топлива на такие огромные расстояния была бы трудна и для стран с высокоразвитой транспортной системой; в России же, с её крайне отсталым транспортом, подобная география добычи топлива приводила к чрезмерному перенапряжению транспорта. В результате, топливоснабжение ряда районов, особенно центральных, всегда находилось под угрозой срыва, так как железные дороги не в состоянии были обеспечить бесперебойное и в требуемых масштабах снабжение их горючим. Для России в прошлом совсем не редким явлением было сокращение отдельных производств или даже их временное прекращение из-за отсутствия топлива. Следовательно, дореволюционная география добычи топлива отрицательно отражалась на развитии производительных сил, лимитируя его в ряде районов нашей страны.

Специфическая географія топливодобывающей промышленности породила в России следующее явление. Топливо, как правило, должно перевозиться на значительно меньшее расстояние, сравнительно с фабрикатами и полуфабрикатами. Поэтому во всех странах средняя дальность перевозки угля значительно меньше средней дальности перевозки всех остальных грузов. В России же в XX в. средняя дальность перевозки угля была значительно больше дальности перевозок всех прочих грузов. С этим тесно связано и другое явление. В России, как уже указывалось, потреблялось преимущественно дальнепривозное, а следовательно, дорогое топливо. При средней дальности перевозки угля в 529 км (1912 г.) издержки по его транспорту должны были, примерно, в полтора раза превышать издержки по его добыче. Стоимость донецкого угля, потреблявшегося в центральных районах, более чем утраивалась, по сравнению с его стоимостью на месте добычи. В ещё более значительной степени происходило удорожание нефтетоплива в результате перевозки его, в среднем, на расстояние свыше 2 000 км. Всё это не могло не отразиться отрицательно на развитии промышленности районов, удалённых от источников топлива.

Обрабатывающая промышленность центральных районов дореволюционной России из-за дороговизны минерального топлива в огромных размерах потребляла дрова. На древесное топливо приходилось до 60% топливного баланса страны. В этом состояла одна из основных специфически отрицательных черт топливного хозяйства дореволюционной России, приводившая к хищническому истреблению лесов в массовых масштабах. Потребление древесины в центральных районах значительно превышало естественный прирост лесов и возможные рациональные масштабы отпуска древесины. Наибольших масштабов потребление дров достигало как раз в районах густонаселённых, но уже давно располагавших малыми лесными ресурсами. В европейских районах России (помимо европейского Севера) ежегодное потребление древесины в полтора, два и даже в три раза превышало рациональные размеры отпуска древесины.

Великая Октябрьская социалистическая революция потребовала коренной перестройки всего топливного хозяйства страны. Широкое развитие производительных сил невозможно было обеспечить на базе прежнего топливного хозяйства и при прежней географии топливодобывающей промышленности, тормозившей даже в прошлом индустриальное развитие страны.

Социалистический строй создал предпосылки для широкого развития производительных сил невиданными до сих пор темпами. Это развитие должно сопровождаться соответствующим ростом топливной базы страны. Но невозможно было обеспечить интенсивный рост добычи топлива, продолжая концентрировать её почти целиком только в Донецком бассейне и на Кавказе. Для обеспечения требуемых темпов и масштабов развития топливной базы необходимо было максимально использовать все потенциальные ресурсы топлива и широко вовлечь в эксплоатацию множество новых топливных месторождений и бассейнов.

Советская власть стремилась обеспечить широкую индустриализацию всех районов страны, в первую очередь экономически отсталых и мало развитых в результате национальной и колониальной политики российского царизма. Для этого во всех районах требовалось создание соответствующих топливо-энергетических баз, что являлось одной из предпосылок развития в них промышленности.

Всего этого было невозможно достичь при прежней географии добычи топлива.

Реконструкция сложившегося в прошлом географического размещения топливной промышленности должно происходить путём максимальной пространственной её децентрализации, более равномерного её размещения по территории страны в соответствии с более равномерным размещением вообще всей промышленности. Всё это привело к необходимости максимального развития добычи местных видов топлива.

В. И. Ленин, с первых же дней существования советской власти, неустанно подчёркивал роль местного топлива в со-

циалистической реконструкции топливного хозяйства страны. Еще в 1918 г., в «Наброске плана научно-технических работ» он подчёркивал необходимость использования непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов), так как они требуют «наименьших затрат на добычу и перевоз горючего»[1]. С широким развитием добычи местных видов топлива В. И. Ленин неразрывно связывал план электрификации страны — «второй программы партии»[2] Основной установкой Ленинского плана ГОЭЛРО являлось, как известно, строительство сети районных электрических станций, непосредственно на базе местного топлива.

Советская власть унаследовала от старого строя топливное хозяйство, полуразрушенное в результате империалистической, а затем гражданской войны, блокады и иностранной интервенции. Добыча топлива первоначально резко сократилась, сравнительно с периодом, предшествовавшим первой мировой войне. В 1921—1922 гг добыча угля сократилась в два с половиной раза, добыча нефти—в два раза, по сравнению с 1913 г Но в течение сравнительно весьма короткого срока был восстановлен довоенный уровень добычи топлива. Уже в 1926—1927 гг., т е. еще до окончания восстановительного периода, добыча топлива превысила уровень 1921—1922 гг

Сталинские пятилетки обеспечили дальнейший, ещё более значительный рост топливного хозяйства страны. В течение первой пятилетки добыча топлива почти удвоилась. Во второй пятилетке добыча увеличилась на 70% и в 1937 г в 6—7 раз превысила уровень 1921—1922 гг и в 3—4 раза уровень 1913 г Таковы были грандиозные успехи, достигнутые в течение только первых двух сталинских пятилеток.

Как ни велики были достигнутые во второй пятилетке успехи в развитии топливной промышленности, они всё же были недостаточны по сравнению с бурным ростом всей промышленности, по сравнению со всё возрастающей потребностью народного хозяйства в топливе. В. М. Молотов на XVIII съезде партии указывал, что «задача заключается в том, чтобы большевистскими темпами двинуть вперёд отставшее в последние годы топливо, особенно добычу угля и нефти, и быстро развернуть электростроительство и производство электрооборудования. Необходимо, чтобы развитие топливной и энергетической базы не только не отставало от подъёма промышленности и народного хозяйства, а шло впереди их и создавало прочную базу для дальнейшего их развития. Нужно ликвидировать появившееся отставание в строительстве угольных шахт и нефтепромыслов, а также в добыче торфа и сланцев»[3].

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXII, стр. 453.
[2] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXVI, стр. 45.
[3] XVIII Съезд Всесоюзной коммунистической партии Стенографический отчет. М., 1939, стр. 295.

В соответствии с этой установкой, одобренной XVIII съездом партии, третий пятилетний план предусматривал на период 1938—1942 гг. ещё более значительное увеличение добычи топлива, сравнительно с предыдущими пятилетками. Война помешала полному осуществлению этого плана, но всё же в течение первых трёх с половиной лет был достигнут значительный рост топливодобывающей промышленности.

По пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства (1946—1950 гг.) намечено не только полное восстановление всего топливного хозяйства, потерпевшего огромный урон в результате войны и разорения фашистско-немецкими войсками ряда важнейших топливодобывающих районов страны, но и его значительное развитие к 1950 г. до уровня, значительно превышающего довоенный. План добычи топлива на 1946—1950 гг. должен реализовать установки XVIII съезда о необходимости опережения топливной промышленностью темпов развития всего народного хозяйства.

Таблица 3

Динамика добычи топлива в СССР

(дрова — в млн. куб. м, остальные виды топлива — в млн. т)

Виды топлива \ Годы	1913	1921—1922	1926—1927	1927—1928	1932	1937	1950
Уголь каменный, бурый и антрацит	29,1	11,3	32,5	35,5	64,4	128,0	250,0
Нефть и газ	9,2	4,6	7,7	11,7	22,3	30,5	43,8
Торф	1,7	2,2	4,9	5,3	13,5	23,8	44,3
Горючие сланцы	—	—	—	—	0,3	0,5	—
Древесное топливо[1]	68,0	57,3	60,6	50,5	80,0	106,0	—
Итого в условном топливе	54,4	28,5	55,1	62,6	114,5	192,2	

Огромнейшим достижением социалистической реконструкции является существенное изменение структуры топливного баланса страны. Партия и правительство неуклонно проводили политику минерализации топливоснабжения, добиваясь максимальной замены древесного топлива ископаемым. Минерализация топливного баланса — одна из основных задач советской политики — определялась, с одной стороны, стремлением спасти наши леса от их хищнического истребления и обеспечить

[1] Древесное топливо для промышленности и транспорта и только для части городского коммунального хозяйства. Заготовки древесного топлива для нужд сельского и основной части городского населения не учитываются приведёнными данными.

более рациональное направление использования древесины. С другой стороны, она определялась успехами в деле концентрации советской промышленности. Современное крупное промышленное предприятие, потребляющее нередко до сотен тысяч тонн условного топлива в год, не может, конечно, базироваться на дровах. «Только на минеральном топливе, — указывал В. И. Ленин, — может быть прочная постановка крупной промышленности, способной служить базой для социалистического общества» [1].

В соответствии с курсом на минерализацию топливного баланса страны, партия и советское правительство концентрировали средства и силы в первую очередь на максимальном развитии добычи угля, нефти, торфа и сланцев, рост добычи которых резко обгонял рост общей добычи топлива. В связи с этим доля дров в топливном балансе страны резко сократилась. Особенно значительные успехи достигнуты были в минерализации топливоснабжения промышленности и транспорта, в топливном балансе которых доля дров ещё к концу второй пятилетки снизилась, примерно, до 10%. Это позволило резко изменить структуру всего топливного баланса страны. Если ориентировочно оценить (экспертным путём) потребление топлива населением, то общая картина изменений в топливном балансе страны может быть показана достаточно ярко следующими данными:

Таблица 4

Изменения в топливном балансе СССР

Виды топлива	1913 г.		1937 г.	
	в млн. т дрова — в млн. куб. м	Проц. к итогу	в млн. т дрова — в млн. куб. м	Проц. к итогу
Уголь бурый, каменный и антрацит	29,1	27,0	128,0	47,5
Нефть и природные газы .	9,2	13,5	30,5	18,8
Торф	1,7	0,8	23,8	4,5
Горючие сланцы	—	—	0,5	0,1
Древесное топливо [2] . . .	360	58,7	375	29,1
Итого в условном топливе . . .	100	100,0	241	100,0

[1] В. И. Ленин. О внутренней и внешней политике Республики. Собр. соч., т. XXVII, стр. 132.

[2] Включая потребление всех видов древесного топлива (в том числе древесных отходов) сельским и городским населением по данным экспертной оценки.

Таким образом, уже в конце второй пятилетки на минеральное топливо приходилось свыше 70% всего топливного баланса страны (вместо 40% в 1913 г.). В последующие годы третьей пятилетки доля минерального топлива ещё более возросла.

Угольная промышленность — наиболее важная отрасль топливодобывающей промышленности. «Без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы не мыслимы. Уголь — это настоящий хлеб промышленности» [1]

За период социалистической реконструкции были достигнуты крупные успехи в развитии нашей угольной промышленности. В конце второй пятилетки добыча угля в СССР составила 128 млн. т, более чем вчетверо превысив уровень 1913 г. За предвоенные годы третьей пятилетки добыча угля ещё возросла почти на 30% по сравнению с 1937 г., с 1940 г было добыто 166 млн. т угля. По пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства, в 1950 г добыча угля должна достигнуть 250 млн. т, т. е. в полтора раза превысить довоенный уровень.

Средний ежегодный процент прироста добычи угля в СССР за годы сталинских пятилеток составлял около 17, тогда как в капиталистических странах — в США, Англии, Франции и Германии — средние ежегодные темпы прироста добычи угля за период 1899—1913 гг., т. е. в течение наиболее благоприятного периода, составляли менее 6%, или почти втрое меньше темпов роста советской угольной промышленности за годы сталинских пятилеток [2]

Столь значительный рост советской угольной промышленности был достигнут благодаря её коренной реконструкции. В итоге сталинских пятилеток была изменена вся техническая база угольной промышленности СССР

Огромное значение имеет при этом проведённая производственная концентрация производства в угольной промышленности СССР. В результате сталинских пятилеток угольная промышленность состояла накануне войны, преимущественно из крупных шахт, полностью оснащённых современным техническим оборудованием. Годовая добыча угля, в среднем, на одну шахту превышала 200 тыс. т, тогда как в 1913 г. даже в Донецком бассейне средняя добыча на 1 шахту составляла лишь 21 тыс. т. В США, даже в период промышленного подъёма, в 1929 г., средняя производительность шахты равнялась 88,3 тыс. т угля в год. По степени концентрации производства угольная промышленность СССР накануне войны заняла первое место в мире.

По уровню технического вооружения шахт и по насыщенности работающими в них механизмами угольная промышленность СССР опередила наиболее передовые капиталистические страны. Коэфициент электрифи-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 131.

[2] СССР и капиталистические страны. Статистический сборник, Госпланиздат, 1939, стр. 132.

кации рабочих машин в угольной промышленности СССР достиг ещё в конце второй пятилетки 94 %; в Англии он составлял 48,8% в Германии — 52,5% (1933 г.) и в США — 82,4% (1929 г.).

В 1937 г механизированная добыча (зарубка) угля в СССР достигла 89,6%, тогда как в Англии она равнялась 62,7%, в Германии — 86,9% и в США — 84,8% В 1940 г. механизация зарубки угля достигла в СССР уже 94,8%, механизация навалки — 22,4%, механизированная доставка угля от забоя к штреку — 90,4%, механизация подземной откатки — 75,2% и погрузки угля в железнодорожные вагоны — 86,2%.

Создание новой технической базы способствовало появлению новых форм организации труда. Развитие социалистического соревнования и его высшей формы — стахановского движения — помогло быстро освоить новую технику и в огромной мере содействовало дальнейшему прогрессу топливной промышленности.

Производительность труда при добыче угля в 1940 г. более чем удвоилась по сравнению с 1913 г

Реконструкция технической базы угольной промышленности за годы сталинских пятилеток позволила произвести коренные изменения в её географическом размещении, так как облегчила передвижение этой отрасли индустрии в малозаселённые районы, богатые углем, но имеющие сравнительно мало рабочих рук.

В соответствии с общей задачей советской топливной политики, особое внимание в годы сталинских пятилеток было обращено на максимальное развитие добычи местных углей в районах, ранее ориентировавшихся на дальнепривозное топливо. Ещё в течение восстановительного периода, несмотря на ограниченность средств на новое капитальное строительство, всё же много средств было обращено на развитие угольной промышленности в Подмосковном бассейне, на Урале, в Западной Сибири и т. д. В 1927—1928 гг общая добыча угля по Союзу превысила добычу 1913 г на 22%, но зато добыча подмосковных углей увеличилась почти в четыре раза, добыча уральских углей увеличилась на 65%, добыча кузнецких углей утроилась, а добыча донецких углей увеличилась только на 8%. Следовательно, ещё в этот период были произведены заметные сдвиги в географии угольной промышленности в сторону её более равномерного размещения.

Совсем иными темпами и в иных масштабах стала осуществляться перестройка географии угольной промышленности в период социалистической реконструкции всего народного хозяйства страны, в период сталинских пятилеток. Осуществление первой сталинской пятилетки привело не только к дальнейшему развитию добычи местных углей в уже давно освоенных месторождениях и бассейнах (Подмосковном, Кизеловском, Челябинском и т п.), но также к освоению ряда совершенно новых угольных месторождений и бассейнов. В течение первой пятилетки были заложены шахты и была

начата добыча углей в Казахстане — в Карагандинском бассейне, в Закавказье — в Ткварчельском месторождении, в Восточной Сибири — в Букачачинском месторождении, на Дальнем Востоке — в Райчихинском месторождении и т. д. Всё это позволило значительно увеличить долю местных углей в общей добыче углей по Союзу.

Наряду с развитием местных угольных баз необходимо было создать и новые угольные базы всесоюзного значения. Широкое развитие производительных сил на базе социалистической индустриализации, приближение промышленности к источникам сырья и топлива и одновременно более равномерное её размещение по территории страны требовали перемещения промышленности на Восток. «Индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу. Жизненно небходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путём использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири» [1]. В соответствии с этой директивой партии было приступлено к строительству грандиозного Урало-Кузнецкого комбината. В частности, началось огромное шахтное строительство в Кузнецком бассейне, превращавшее его в мощную угольную базу всесоюзного значения, во вторую «всесоюзную кочегарку». Кузнецкий бассейн первоначально должен был снабжать топливом не только всю Западную Сибирь, но и Урал, Заволжье, Казахстан и Среднюю Азию, восполняя во всех этих районах недостаток в тот период местного топлива.

Огромный размах строительства на Востоке вскоре показал недостаточность для восточных районов только одной крупной угольной базы, даже столь мощной, как Кузнецкий бассейн. В результате разведок, проведённых советскими геологами, были выявлены крупнейшие угольные богатства в Карагандинском бассейне. ЦК ВКП(б) в своём постановлении от 15 августа 1931 г. подчеркнул, что «географическое положение Карагандинского бассейна, наличие огромных запасов углей, их коксуемость, благоприятный характер залегания углей требуют скорейшего создания на базе угольных месторождений Караганды третьей угольной базы Союза».

Таким образом, создание, наряду с донецкой угольной промышленностью, ещё дополнительно двух мощных угольных баз всесоюзного значения в Кузнецком и Карагандинском бассейнах и развитие добычи местных углей должно было обеспечить коренные сдвиги в географии угольной промышленности.

---

[1] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии. Стенографический отчёт, М., 1930 г.

Добыча угля

Бассейны и районы	1913 г.		1927—1928 г.		1932 г.		1937 г.	
	млн. т	Проц. к итогу	млн. т	Проц. к итогу	млн. т	Проц. к итогу	млн. т	Проц. к итогу
Донецкий	25,29	86,9	27,33	77,0	45,04	69,7	77,54	60,6
Подмосковный . .	0,30	1,0	1,14	3,2	2,61	4,0	7,51	5,9
Уральские . . .	1,22	4,2	1,99	5,6	3,17	4,9	8,08	6,3
Кузнецкий . . .	0,77	2,6	2,62	7,4	7,26	11,2	17,81	13,9
Восточно-сибирские	0,54	1,9	1,01	2,9	2,47	3,8	5,08	4,0
Дальневосточные	0,65	2,3	1,0	3,0	3,26	3,5	4,73	3,7
Карагандинский	—	—	—	—	0,72	1,1	3,94	3,1
Среднеазиатские	0,14	0,5	0,23	0,6	0,71	1,1	0,91	0,7
Прочие районы .	0,14	0,6	0,12	0,3	0,42	0,7	2,37	1,8
Итого . . .	29,5	100,0	35,44	100,0	65,66	100,0	127,97	100,0

Добыча угля в Подмосковном бассейне увеличилась в 1937 г. почти втрое по сравнению с 1932 г., что позволило подмосковному углю занять решающее место в топливном балансе промышленности Центрального района.

Добыча уральских углей за этот период увеличилась в 2,8 раза. Наряду с развитием добычи в Кизеловском, Челябинском, Егоршинском и Богословском бассейнах во втором пятилетии впервые была начата добыча углей в Полтаво-Брединском, Еманжелинском и Коркинском месторождениях.

В Казахской ССР, кроме увеличения добычи карагандинских углей в 5,5 раза, в этот же период впервые была поставлена добыча углей в Байконурском, Бер-Чогурском и Ленгеровском месторождениях, и тем самым была создана местная угольная база в Западном и Южном Казахстане.

В Средней Азии за годы второй пятилетки, хотя и были освоены новые угольные месторождения — Шурабское и Ягманское, общая добыча углей увеличилась сравнительно незначительно — на 30%, что совершенно не соответствовало бурному росту потребности в топливе среднеазиатских республик.

В Западной Сибири добыча кузнецких углей в итоге второй пятилетки увеличилась в два с половиной раза; добыча углей в Восточной Сибири за этот период удвоилась. Освоена и развёрнута была за эти годы добыча углей в Канском бассейне и Букачачинском месторождении.

На Дальнем Востоке за эти же годы добыча углей более чем удвоилась, и впервые освоены угольные месторождения: Райчихинское, Толбузинское, Корфинское, Анадырское и др.

На Крайнем Севере за эти же годы приступлено к добыче углей в Печорском бассейне, в Норильском и Сангарском месторождениях.

Развитие добычи местных углей, а также кузнецких и карагандинских углей, обеспечили во второй пятилетке дальнейшие решительные сдвиги в географии угольной промышленности.

И всё же развитие добычи местных углей не поспевало за ростом индустриализации ряда районов. Бурное развитие промышленности в таких районах, как Урал, Средняя Азия, Дальний Восток, приводило к росту потребления в них дальнепривозного топлива, несмотря на весьма интенсивный рост добычи местных углей. XVIII съезд партии в своей резолюции отметил в качестве одной из важнейших задач третьего пятилетнего плана. «Обеспечить наиболее высокие темпы добычи углей в угольных районах Урала, Подмосковном бассейне, на Дальнем Востоке и Средней Азии и увеличить в них добычу угля за третью пятилетку: по Уралу — в 3,1 раза, по Подмосковному бассейну — в 3,7 раза, по Дальнему Востоку — в 2,7 раза и по Средней Азии — в 4,4 раза. Увеличить добычу бурых углей за период третьего пятилетнего плана в 2,6 раза. Создать новые базы добычи местных углей во всех районах, где имеются хотя бы небольшие месторождения, и по мере их развития переводить предприятия местной промышленности, коммунальные предприятия, школы, больницы и учреждения с дальнепривозного на местное топливо» [1]

Война помешала полностью выполнить эти директивы, но всё же за первые три с половиной года третьей пятилетки, т. е. за период с 1938 г по июнь 1941 г. удалось осуществить значительную их часть. В результате количество эксплоатировавшихся угольных бассейнов и месторождений исчислялось накануне войны уже сотнями. Во всех экономических районах страны были созданы свои местные угольные базы, не повсюду достаточные по своим масштабам для полного освобождения от дальнепривозного топлива, но уже создававшие прочную *основу* для топливоснабжения своих районов.

Нужно подчеркнуть, что освоение новых угольных бассейнов и месторождений происходило путём строительства в них технически вполне совершенных шахт, оборудованных новейшими механизмами и всеми другими техническими средствами.

По уровню механизации и по технической оснащённости новые угольные бассейны и месторождения в большинстве случаев даже превосходили старые угольные районы. В связи с этим в них, как правило, достигалась более высокая производительность труда, чем в Донецком бассейне, несмотря на большие трудности освоения.

---

[1] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии. Стенографический отчёт. М., 1939, стр. 653.

Только потому, что в течение сталинских пятилеток были достигнуты столь значительные успехи в равномерном размещении угольной промышленности, топливное хозяйство СССР смогло выдержать тяжёлое испытание войны. Армия, оборонная промышленность, транспорт и все важнейшие отрасли народного хозяйства в течение всей Отечественной войны снабжались топливом, несмотря на временную оккупацию немецкими войсками Донецкого и Подмосковного бассейнов, несмотря на исключительные трудности военного времени.

При старой географии угольной промышленности захват Донецкого и Подмосковного бассейнов неизбежно привёл бы к полному краху топливоснабжения страны и, следовательно, к полному параличу всей экономической жизни страны со всеми вытекающими последствиями. Мудрая ленинско-сталинская политика, обеспечившая создание топливных баз в подавляющем числе районов, привела к тому, что, несмотря на оккупацию Донецкого и Подмосковного бассейнов, страна была обеспечена топливом. Успехи, достигнутые в течение сталинских пятилеток в деле создания и развития местных угольных баз и двух новых баз всесоюзного значения (в Кузнецком и Карагандинском бассейнах), явились одной из важнейших экономических предпосылок нашей победы над фашистами.

Во время Отечественной войны развитие добычи местных углей и развитие угольной промышленности восточных районов происходило особенно интенсивно. Эвакуация значительной части промышленности на Восток и усиленное развитие ранее созданной индустрии вызвали огромный рост потребности в топливе, которую можно было удовлетворить только путём ускоренного развития всех местных, восточных, угольных баз. За годы войны добыча углей на Урале и в Караганде более чем удвоилась. Резко увеличилась добыча кузнецких углей. На Урале, в Казахстане и в Западной Сибири за годы войны освоено несколько новых угольных месторождений (Волчанское, Листвянское и др.).

Угольная промышленность Подмосковного бассейна, временно оккупированного и разрушенного немецкими фашистами, не только была быстро восстановлена, но к концу войны более чем удвоила добычу, по сравнению с 1940 г.

Помимо дальнейшего увеличения добычи местных, кузнецких и карагандинских углей, в годы Отечественной войны стала сильно развиваться угольная промышленность Печорского бассейна. В сущности, во время войны только и произошло подлинное освоение этого крупнейшего угольного бассейна, так как только в эти годы была сооружена железнодорожная магистраль Воркута — Котлас — Коноша протяжением свыше 1 500 км, связавшая бассейн с железнодорожной сетью Союза и давшая выход печорскому углю в севе-

ро-западные и центральные районы. Печорский бассейн в годы Отечественной войны был превращён в крупную топливную базу не только местного значения, но в базу для топливоснабжения всего Европейского Севера, Северо-Запада и даже части центральных районов страны.

Ещё во время Отечественной войны началось восстановление донецкой угольной промышленности, жестоко разрушенной немецкими фашистами в период временной оккупации Украины. В течение короткого срока, благодаря безграничной энергии и энтузиазму донецких рабочих и усиленной помощи всей страны, были достигнуты огромные успехи по восстановлению разрушенных шахт и одновременно по строительству новых. Темпы и масштабы восстановления Донецкого бассейна далеко превосходят восстановление угольной промышленности Франции после первой мировой войны и вообще являются беспрецедентными в истории. По пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства, к 1949 г. угольная промышленность Донецкого бассейна будет полностью восстановлена, К концу текущего пятилетия «всесоюзная кочегарка» даже несколько превзойдёт свои довоенные масштабы и вновь займёт свое положение — самой важной и самой крупной топливной базы страны. Но роль Донецкого бассейна в общей добыче угля и в общем топливоснабжении страны будет уже иной по сравнению не только с 1913 г., но даже с 1940 г.

В 1950 г. добыча донецких углей по новому пятилетнему плану достигнет 88 млн. т, в три с половиной раза превысив добычу 1913 г., но относительная доля донецких углей в общей добыче угля в стране сократится в два с половиной раза: с 87% в 1913 г. до 35% в 1950 г., а на бассейны Востока и местные бассейны придётся уже 162 млн. т, т. е. около двух третей (64,8%) всей добычи угля в Советском Союзе.

Добыча всех местных углей, а также кузнецких и карагандинских, в 1950 г. более чем удвоится по сравнению с 1940 г. и увеличится в 3,2 раза по сравнению с 1937 г. Уже только одни эти цифры достаточно убедительно показывают, насколько велик объём строительства по пятилетнему плану в новых местных угольных бассейнах и месторождениях, насколько велики темпы роста добычи местных углей.

В течение 1946—1950 гг. в Подмосковном бассейне должно быть построено и введено в действие 66 новых угольных шахт на общую мощность в 18,8 млн. т. Мощность новых шахт, построенных только в течение текущего пятилетия, превысит в 3,5 раза добычу 1937 г. и в 60 раз добычу 1913 г.

На Урале за пятилетие должно быть построено 49 шахт и разрезов мощностью 19 млн. т, что почти в 2,4 раза превышает добычу уральских углей в 1937 г.

Ещё более значительные темпы роста намечены по добыче среднеазиатских углей. В Средней Азии должны быть по-

строены и введены в действие за пятилетие новые шахты общей мощностью в 3,2 млн. т, тогда как добыча среднеазиатских углей в 1937 г. составляла только 0,9 млн. т. Это создаст возможность базировать всю энергетику Средней Азии целиком на местных углях.

На Кавказе за текущее пятилетие должно быть введено в эксплоатацию 10 новых шахт мощностью в 3,2 млн. т, а на Дальнем Востоке — 8 шахт мощностью 1,25 млн. т.

За текущую пятилетку должны быть резко расширены также угольные базы всесоюзного значения. В Кузнецком бассейне должно быть построено 30 новых шахт мощностью в 18 млн. т, тогда как вся добыча кузнецких углей в 1937 г. составляла 17,8 млн. т. В Карагандинском бассейне должно быть построено 17 шахт и разрезов мощностью в 6,5 млн. т (добыча карагандинских углей в 1937 г. — 4 млн. т).

Особое развитие получает в текущем пятилетии угольная промышленность Печорского бассейна. В этом бассейне за 1946—1950 гг. должен быть создан новый шахтный фонд мощностью в 7,7 млн. т — мощность, равная, примерно, четверти мощности шахтного фонда дореволюционного Донбасса и превышающая мощность всего шахтного фонда такого бассейна, как, например, Северного во Франции. С учётом же ранее построенных и уже действующих шахт суммарная мощность шахтного фонда Печорского бассейна превысит довоенную мощность Карагандинского бассейна. Следовательно, Печорский бассейн, являющийся уже сейчас основной угольной базой для Европейского Севера и Ленинграда, к концу пятилетки превратится в подлинную четвёртую угольную базу всесоюзного значения, вслед за Донбассом, Кузбассом и Карагандинским бассейном.

Наряду со всем этим продолжается и будет продолжаться освоение всё новых и новых угольных месторождений. В законе о пятилетнем плане особо подчёркнута необходимость «приступить к освоению новых угольных бассейнов и районов: Буреинского в Хабаровском крае, Экибастузского в Казахской ССР, Куюргазинского в Башкирской АССР, Узгенского в Киргизской ССР и всемерно развивать новые базы добычи местных углей во всех районах страны, имеющих угольные месторождения, для замены дальнепривозного топлива местным». Затем там же особо указана необходимость создания новой местной угольной базы еще в одном районе: «создать угольную промышленность в правобережных и западных областях Украины и ввести в действие 13 шахт и разрезов на 9,7 млн. т. Общая добыча украинских бурых углей должна достигнуть в 1950 г. 6 млн. т».

Всё это позволит устранить чрезмерно дальние перевозки угля и повысить производительность общественного труда по добыче и транспорту углей.

Насколько велик народнохозяйственный эффект в результате сокращения объёма транспортной работы благодаря развитию добычи местных углей, можно иллюстрировать следующими цифрами. Средняя дальность перевозки подмосковного угля составляет 150—200 км. Если бы потребители подмосковного угля расходовали не местный, а донецкий уголь, то последний пришлось бы завозить в район, тяготеющий к Подмосковному бассейну, на расстояние 1 000—1 200 км. Следовательно, учитывая даже более низкую теплотворную способность подмосковных углей (1 т подмосковного угля по калорийности, в среднем, эквивалента 0,43 донецкого угля), каждая тонна подмосковного угля сокращает объём железнодорожных перевозок на 400 т/км. При добыче, например, 10 млн. т подмосковного угля сокращение объёма железнодорожных перевозок в результате замены в Тульской, Московской и в смежных областях дальнепривозных донецких углей местными должны исчисляться, примерно, четырьмя миллиардами тонно-километров в год.

Ещё больший эффект в этом направлении даёт замена на Урале или в Средней Азии дальнепривозных углей местными. С учётом теплотворной способности различных углей и средней дальности их перевозок можно определить, что накануне войны замена на Урале дальнепривозных углей местными приводила к сокращению объёма железнодорожных перевозок, в среднем, на 1 200 т/км на каждую тонну уральского угля.

Аналогичный подсчёт показывает, что замена в Средней Азии дальнепривозных кузнецких углей местными приводит к сокращению объёма железнодорожных перевозок, в среднем, около 2 000 т/км на каждую тонну среднеазиатского угля. Если бы топливоснабжение страны основывалось только на угольных базах всесоюзного значения, т. е. на Донецком, Кузнецком и Карагандинском бассейнах, и если бы вовсе не была развита добыча местных углей, то суммарная работа железных дорог по перевозке угля должна была бы увеличиться на несколько десятков миллиардов тонно-километров, а средняя дальность перевозки угля увеличилась бы по сравнению с бывшей накануне отечественной войны минимум на 250 км. Хотя приведенные расчёты, конечно, носят весьма приближённый характер, они дают довольно яркое представление о том, насколько велик народнохозяйственный эффект развития добычи местных углей в нашей стране.

* *
*

Из всех отраслей топливной промышленности за годы социалистической реконструкции наибольшими темпами развивалась торфяная промышленность: в 1937 г. добыча торфа почти в 15 раз превысила добычу 1913 г., а по пятилетнему

плану в 1950 г. добыча торфа должна в 27 раз превысить дореволюционную добычу. Широкое развитие торфяной промышленности имеет большое значение для рационализации топливоснабжения страны, особенно европейских районов, и для рационализации географического размещения топливных баз.

Хотя наш Союз обладает колоссальными запасами торфа (почти 60 % мировых запасов), но в общих топливных ресурсах страны на долю торфа приходится только 4,3%. Но не этим процентом определяется роль торфа в топливоснабжении страны. Имеется целый ряд районов, особенно в Европейской части СССР, в которых торф является либо единственным, либо главнейшим видом местного топлива. В топливно-энергетических ресурсах Белорусской ССР, Литовской ССР, Карело-Финской ССР и Латвийской ССР на долю торфа приходится до 99%, Калининской, Московской, Ярославской, Ивановской, Владимирской, Воронежской, Курской областей — свыше 90 %, Ленинградской—75 %. Даже по Уралу, в целом, доля торфа в топливно-энергетических ресурсах составляет около 20 %.

Развитие торфяной промышленности в перечисленных и в ряде других районах создаёт единственную для них возможность заменить дальнепривозное топливо местным и тем самым обеспечить более прочные и рациональные основы топливоснабжения.

Успешное и исключительно быстрое развитие советской торфяной промышленности объясняется не только полной ликвидацией специфических капиталистических противоречий, препятствовавших её развитию в прошлом, но также коренной реконструкции её технической базы. До революции в России применялись только два способа добычи торфа—резной и элеваторный; и тот и другой основывались на применении ручного труда и характеризовались крайне низким уровнем производительности труда. Только при капитализме могли быть те невыносимые условия работы, какие были в дореволюционной торфяной промышленности. Но «мы не можем посылать людей на каторжные работы. При капиталистическом государстве люди шли туда работать из-за голода, а при социалистическом государстве на эти каторжные работы мы посылать не можем, добровольно никто не пойдёт» [1]. Поэтому В. И. Ленин особо подчёркивал необходимость широкой механизации торфяной промышленности, так как в противном случае при сохранении «старого хозяйничания» невозможно будет выйти из тупика. Выход может быть только в одном: «нужно всюду больше вводить машин, переходить к применению машинной техники возможно шире» [2]. В. И. Ленин придал исключительное государ-

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 41—42.
[2] Там же.

ственное значение изобретению советскими инженерами новых, механизированных способов добычи торфа, в частности, гидроторфа, считая, что это «дело архиважное» [1]. Он сам лично следил за всеми деталями освоения этого нового способа добычи торфа, принимая все меры для его успешного внедрения в промышленность [2].

Благодаря усилиям партии и правительства, гидроторф ещё в первой пятилетке получил широкое применение в промышленности. Но затем советскими инженерами был изобретен ещё более механизированный и более производительный, фрезерный, способ, применимый на низинных и малопнистых массивах. Наконец, накануне Отечественной войны был изобретён багерный способ с электростилочной машиной, давший весьма благоприятные показатели при применении его на Урале. Эти механизированные способы добычи торфа еще к концу второй пятилетки заняли господствующее место в советской торфяной промышленности, а по Главторфу Министерства электростанций доля механизированных способов достигла в 1937 г. 83,5 %.

В итоге сталинских пятилеток была коренным образом изменена вся техническая база советской торфяной промышленности, далеко опередившей по своему техническому уровню торфяную промышленность капиталистических стран. Вследствие этого производительность труда в торфяной промышленности накануне войны увеличилась в три с половиной раза по сравнению с 1913 г.

Таблица 6

Изменения в географии торфяной промышленности СССР

Названия областей и республик	1913 г.		1928 г.		1932 г.		1937 г.	
	тыс. т	Проц. к итогу	тыс. т	Проц. к итогу	тыс. т	Проц. к итогу	тыс. т	Проц. к итогу
Области Промышленного Центра	1 413,9	83,7	3 824,7	72,1	7 240,2	54,2	11 419,6	48,0
Области Северо-Запада	36,4	2,2	585,0	11,0	1 509,0	11,2	3 026,2	12,7
Области Запада РСФСР	50,3	2,9	443,0	8,3	1 327,0	9,8	1 974,3	8,3
Области Черноземного Центра	141,6	8,5	66,5	1,1	935,1	6,9	1 547,2	6,7
Обл. Поволжья .	15,6	0,9	34,9	0,5	338,7	2,7	509,7	2,0
Украинская ССР	30,2	1,8	144,5	2,7	901,0	6,5	1 507,0	6,3
Белорусская ССР	—	—	88,8	1,1	834,0	6,1	2 445,0	10,3
Прочие районы .	—	—	132,5	3,2	410,0	2,6	1 329,9	5,2
Итого . . .	1 688,0	100,0	5 319,9	100,0	13 495,0	100,0	23 758,9	100,0

[1] Ленинский сборник, т. XXIII, стр. 91.

[2] В. И. Ленин, Собр. соч., т. XXVI, стр. 42; т. XXVII, стр. 133; т. XXIX, стр. 401 и 430, Ленинский сборник, т. XX, стр. 238—241.

В результате широкого развития добычи торфа топливоснабжение ряда европейских районов было резко улучшено, так как оно смогло базироваться на местном топливе. К концу второй пятилетки по многим районам (Белорусская ССР, Ивановская, Ярославская, Горьковская, Рязанская, Калининская и другие области) торф уже играл доминирующую роль в топливном балансе.

Торф является действительно «ультраместным топливом», так как он потребляется почти непосредственно на месте его добычи: средняя дальность перевозки торфа не превышает 20 км. К концу второй пятилетки торф заменил около 10 млн. т дальнепривозного угля, что позволило сократить объём работы железных дорог по перевозкам топлива, примерно, на десять миллиардов тонно-километров.

За годы сталинских пятилеток были достигнуты успехи в области улучшения географии самой торфяной промышленности. До революции вся торфяная промышленность была сосредоточена преимущественно в центральных районах. В итоге социалистической реконструкции торфяная промышленность разместилась более равномерно по всей Европейской части Союза. За годы сталинских пятилеток широко развернулась добыча торфа в Ленинградской области, в Белорусской ССР, в Поволжье, на Украине, т. е. в районах, где до революции добыча вовсе или почти отсутствовала. Если в 1913 г. торф добывался всего в 9—10 областях, то в 1937 г он добывался уже в 32 областях и республиках.

* *
*

Нефтяная промышленность в современном хозяйстве играет особую роль, так как нефть является одним из важнейших видов стратегического сырья. Советская нефтяная промышленность за годы социалистической реконструкции добилась крупных успехов: в течение первых двух сталинских пятилеток добыча нефти почти утроилась. В 1950 г., согласно пятилетнему плану, общая добыча нефти составит 35,4 млн. т против 9,2 млн. т в 1913 г.

Развитие советской нефтяной промышленности сопровождалось непрерывным усовершенствованием всей её технической базы.

Одновременно с реконструкцией технической базы происходили существенные сдвиги в размещении нефтяной промышленности. На новой технической базе бурились нефтяные скважины в новых районах, осваивались и развивались новые районы нефтедобычи. За годы первых двух пятилеток была впервые создана нефтедобывающая промышленность на Севере, на Сахалине, на Дальнем Востоке, в Башкирской АССР и в

Молотовской области, в Сызранском, Бугурусланском и других районах Поволжья, в Казахской, Таджикской и Грузинской ССР. Всё это обусловило существенные сдвиги в географии нефтедобычи. Уже к концу второй пятилетки доля бакинской и грозненской нефтяной промышленности в общесоюзной добыче нефти сократилась с 96,2 % в 1913 г. до 86,1 % в 1937 г. Но направление и размещение буровых работ даже того периода предопределяло дальнейшие, ещё более глубокие сдвиги в размещении нефтедобычи, так как бурение производилось особенно интенсивно и в особо крупных масштабах именно в новых нефтеносных районах.

XVIII съезд партии в директивах к третьему пятилетнему плану постановил: «Создать в районе между Волгой и Уралом новую нефтяную базу — Второе Баку» [1]. В предвоенные годы здесь была создана сравнительно крупная нефтедобывающая промышленность. Во время войны было обращено особое внимание на усиленное развитие добычи нефти в этом районе. Достаточно указать, что добыча нефти по тресту «Куйбышевнефть» увеличилась за годы войны в три с половиной раза. В настоящее время «Второе Баку» уже играет существенную роль в общей нефтедобыче страны.

В течение третьей пятилетки велись большие работы по разведке нефти в районе Ромны и по созданию и развитию нефтяной промышленности в Западной Украине. Всё это, наряду с развитием восточных нефтяных районов, обеспечивает уже в настоящее время значительное, более равномерное размещение нефтяной промышленности по территории нашей страны, так как в настоящее время в ряде районов СССР уже имеются крупные нефтяные базы.

Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг. должен обеспечить дальнейшее развитие новых нефтяных баз: «Продолжать всемерное развитие добычи и переработки нефти в восточных районах — на Урале, в Башкирской АССР, в Поволжье, на Сахалине, Туркменской ССР, Узбекской ССР и Казахской ССР, а также Украинской ССР. Значительно увеличить удельный вес восточных районов в общей добыче нефти по СССР». Добыча нефти в Поволжье должна быть увеличена за пятилетие в 2,4 раза. При этом должны быть освоены новые нефтяные площади в Татарской АССР, в Саратовской и Куйбышевской областях. В результате к концу пятилетия география советской нефтедобывающей промышленности будет выглядеть по-иному, по сравнению не только с дореволюционным периодом, но даже

[1] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии. Стенографический отчёт, Партиздат, 1939 г., стр. 654.

с довоенным. В 1913 г. на долю восточных районов приходилось немногим более 2% общей добычи нефти в стране, накануне Отечественной войны удельный вес восточных районов поднялся до 12 %, а в 1950 г. он достигнет 36 %.

Таблица 7

Сдвиги в размещении добычи нефти

Название районов	1913 г.		1927/28 г.		1932 г.		1937 г.	
	тыс. т *	Проц. к итогу	тыс. т *	Проц. к итогу	тыс. т *	Проц. к итогу	тыс. т *	Проц. к итогу
Закавказье . . .	7 669	83,1	7 664	65,2	12 688	56,8	2 337	76,3
Северный Кавказ	1 295	14,1	3 797	32,3	9 088	40,6	4 478	14,6
Средняя Азия . .	152	1,6	37	0,3	100	1,5	1 097	2,8
Казахстан . . .	118	1,2	251	2,2	249	1,1	493	1,6
Поволжье и Урал (район Второго Баку)	—	—	—	—	11	0,1	1 067	3,6
Дальний Восток	—	—	—	—	183	0,9	356	1,1
Итого по СССР . .	9 234	100,0	11 749	100,0	22 319	100,0	9 828	100,0

Огромную роль в рационализации размещения нефтяной промышленности и рационализации перевозок нефтетоплива играет создание промышленности искусственного жидкого топлива. Переработка углей, горючих сланцев и торфа в жидкое топливо в районах, удалённых от основных нефтяных баз, как Западная и Восточная Сибирь, Прибалтика, Арктика и др., позволит если не избежать, то во всяком случае намного сократить чрезмерно дальние перевозки нефтетоплива. В 1950 г., согласно пятилетнему плану, выработка искусственного жидкого топлива из угля и сланцев будет доведена до 900 тыс. т, что составит заметную величину в общей выработке моторного топлива в стране. При намеченных масштабах производства искусственного жидкого топлива некоторые районы смогут быть в значительной мере, и даже целиком, освобождены от завоза нефтетоплива. Следует отметить, что, например, Эстонская ССР уже в настоящее время целиком базируется на моторном топливе местного производства из горючих сланцев.

Кардинальные изменения произошли в географии нефтеперерабатывающей промышленности. До революции (в 1913 г.) почти вся (95,8% производства) нефтеперерабатывающая промышленность была сосредоточена на Кавказе. Но такое разме-

* Включая сопутствующую добычу газов.

щение нефтеперегонных заводов непосредственно в районе добычи нефти явно нерационально и являлось следствием хищнического использования мазута в качестве котельного топлива. В своё время Д. И. Менделеев дал исчерпывающую критику подобного нерационального размещения нефтепереработки.

За годы сталинских пятилеток произошли глубокие сдвиги в географии нефтеперерабатывающей промышленности, что было связано, во-первых, со стремлением разместить новые нефтеперерабатывающие заводы, по возможности, в центре районов потребления продукции нефтепереработки. Как правило, перевозка сырой нефти экономичнее перевозки её дестиллатов. При размещении переработки в районах потребления во многих случаях можно использовать для перевозки сырой нефти дешёвый водный транспорт (Волжская система, канал Волга—Москва, Мариинская система и т. д.), а также наиболее дешёвый вид транспорта нефти — трубопроводы. В соответствии с этой установкой в период социалистической реконструкции был выстроен ряд новых нефтеперегонных предприятий, в частности, крекинг-заводов, в центре основных районов потребления моторного топлива: в Москве, Ленинграде, на Украине, в Поволжье, а также в пунктах перевалки нефти с воды на железную дорогу (в ряде пунктов Поволжья, в Одессе, Херсоне и др.).

Перемещение нефтеперерабатывающей промышленности в районы потребления дестиллатов нефти уже само по себе должно было способствовать более равномерному размещению нефтепереработки. Этому же в немалой степени способствовало более равномерное размещение добычи нефти. Перемещение нефтедобывающей промышленности на Восток вызвало необходимость создания в восточных районах также и нефтеперерабатывающей промышленности. За предвоенные десять лет была построена серия заводов в районах, где раньше никогда не было нефтепереработки: в Уфе, Орске, Хабаровске, Фергане, Красноводске и т. д.

В результате произошедших сдвигов, советская нефтеперерабатывающая промышленность размещена значительно более рационально.

* *
*

СССР обладает огромными потенциальными ресурсами природных газов. Между тем, природные богатства этого ценного топлива в прошлом совершенно не использовались. В течение первых двух пятилеток мы достигли больших успехов по утилизации сопутствующих нефтедобыче газов (до революции они выпускались в атмосферу), но самостоятельная газодобывающая промышленность всё же не была создана.

В третьей пятилетке было приступлено к эксплоатации чисто газовых месторождений. Но только во время Отечественной войны реализация директив XVIII съезда партии привела к крупным практическим результатам. Для обеспечения топливом Поволжья во время войны требовалось применить самые решительные меры, так как с оккупацией Донецкого бассейна оно лишилось топлива. Между тем, промышленность Поволжья за годы войны, в результате эвакуации и роста новых производств, резко возросла, а в соответствии с этим увеличилась и потребность в топливе. Война заставила форсировать разработку газовых месторождений, в изобилии имеющихся в районах Поволжья. Сначала была развёрнута добыча природных газов в Бугурусланском районе и был сооружён газопровод Бугуруслан — Куйбышев. Это позволило в разгаре войны обеспечить высококачественным топливом все наиболее важные промышленные предприятия Куйбышева, работавшие ранее на дальнепривозном топливе. Таким образом, несмотря на все трудности военного времени, был сделан первый крупный шаг в области промышленного использования чисто газовых месторождений.

Блестящий результат по освоению природных газов Бугурусланского района позволил уже во время войны таким же образом разрешить проблему топливоснабжения ещё одного важного промышленного центра Поволжья — Саратова. Во время войны было приступлено к разработке Елшанско-Курдюмского месторождения природных газов, послуживших основой для топливоснабжения промышленности и коммунального хозяйства Саратова.

В процессе дальнейших разведочных работ было установлено, что разведанные запасы природных газов в месторождениях района Саратова значительно превосходят местные потребности и могут обеспечить более отдалённые районы. Это послужило основой для решения о строительстве дальнего газопровода Саратов — Москва, протяжением около 800 км. Подача в Москву ежегодно около полумиллиарда кубических метров саратовского газа сильно улучшит газоснабжение столицы и одновременно структуру её топливного баланса, так как позволит заменить около трёх миллионов кубических метров дров в год.

В законе о пятилетнем плане сказано: «развить в крупных масштабах новую отрасль промышленности — **газовую промышленность** на базе природного газа» и довести добычу природных газов в 1950 г. до 8,4 млрд. куб. м.

В текущей пятилетке должна быть развернута добыча природных газов в предгорьях Карпат, и на этой основе будет обеспечено топливоснабжение не только Западной Украины—Дрогобычской, Станиславской и Львовской областей, но и столицы УССР Киева путём сооружения газопровода Дашава — Киев.

Широко должна развернуться добыча природных газов также и в Закавказье и на Северном Кавказе; природные газы в этих районах должны всемерно заменить жидкое топливо и вместе с тем послужат основой для ряда производств.

На базе природных газов должна быть развита газификация в Средней Азии, на Южном и Западном Урале. Значительно должна быть увеличена добыча природных газов и в районе Ухты.

* *
*

По сравнению с колоссальными ресурсами в СССР угля запасы горючих сланцев достигают сравнительно скромных размеров и в масштабе всей страны в целом не играют существенной роли в её топливно-энергетическом балансе. Вместе с тем развитие добычи горючих сланцев, несомненно, имеет большое значение для рационализации топливного хозяйства СССР, так как значение горючих сланцев определяется не столько величиной их запасов, сколько географией этих запасов.

Экономическое изучение и перспективы развития сланцевой промышленности определяются прежде всего наличием крупных ресурсов горючих сланцев в районах, бедных другими топливными ресурсами и вынужденных базироваться поэтому на дальнепривозном топливе.

К числу такого рода районов принадлежат Эстонская ССР, Ленинградская область, Поволжье.

Еще в первой пятилетке было приступлено к добыче горючих сланцев в Ленинградской области и в Поволжье. Сначала было освоено их использование в качестве котельного топлива; Сызранская и Саратовская электростанции были приспособлены специально для использования горючих сланцев.

Горючие сланцы являются топливом особого рода. Выход летучих достигает у них 70—80% горючей массы, что значительно отличает горючие сланцы не только от богатых летучими веществами каменных и бурых углей, но даже и от торфа. Эта особенность горючих сланцев создаёт предпосылки для использования их для газификации и для выработки из них искусственного жидкого топлива.

В Эстонской ССР уже действует один крупный завод по переработке горючих сланцев на жидкое топливо, полностью обеспечивающий всю Эстонию сланцевым моторным топливом. По пятилетнему плану, намечено строительство новых сланцеперерабатывающих заводов в Эстонской ССР и в Ленинградской области производительностью в 715 тыс. т смолы, из которой будет вырабатываться 500 тыс. т мазута и 150 тыс. т моторного топлива.

Но ещё в большем, грандиозном масштабе намечено использование горючих сланцев для газификации. По пятилет-

нему плану, намечено восстановление и строительство новых сланцевых шахт в Эстонской ССР мощностью в 9,4 млн. т, и в Ленинградской области мощностью в 3 млн. т специально для создания крупной промышленности по производству газа из сланцев.

К 1949 г. будет построено 3 сланцевых завода, которые будут ежегодно производить 1 миллиард 200 миллионов кубометров газа. Горючие сланцы должны будут составить базу для газоснабжения не только Эстонской ССР, но и Ленинграда. В текущем пятилетии будет построен газопровод Кохтла — Ярве — Ленинград, протяжением в 262 км.

Снабжение Ленинграда газом из сланцев позволит сократить потребление дров на 3 млн. куб. (до войны потреблялось 5 млн. куб. м) и жидкого топлива на 250 тыс. т.

Создание мощной сланцевой промышленности в Эстонской ССР, в Ленинградской области, а также в Поволжье окажет существенное влияние на рационализацию размещения топливных баз, на замену дальнепривозного топлива местным и на разгрузку транспорта от чрезмерно дальних перевозок топлива в соответствующие районы.

* *
*

Грандиозны результаты социалистической реконструкции географии топливной промышленности СССР, достигнутые в столь короткий исторический отрезок.

Широкое развитие добычи местных углей наряду с созданием и развитием трёх новых угольных баз всесоюзного значения — в Кузнецком, Карагандинском и Печорском бассейнах — коренным образом изменяют прежнюю географию угольной промышленности, рассредоточивая её по всей территории нашей страны. Аналогичным изменениям подверглась и география нефтяной промышленности, размещённой уже не в одном, а во многих районах страны. Более равномерное размещение этих двух основных отраслей топливной промышленности наряду с широким развитием торфяной промышленности, по своей природе рассредоточенной, и созданием в ряде районов добычи природных газов и горючих сланцев, приводит к значительно более равномерному размещению всей топливной промышленности по территории нашего огромного Советского Союза. Сейчас уже нет не только крупных экономических районов, но нет союзных и даже автономных республик, нет областей, в которых в тех или иных масштабах не была бы создана местная топливно-энергетическая база.

Выше были рассмотрены огромные успехи, достигнутые за период социалистической реконструкции в деле создания множества новых топливно-энергетических баз и более их равномерного размещения по территории нашей страны. Эти дости-

жения имеют огромное значение не только с точки зрения рационализации географии топливно-энергетических баз, не только для рационализации энерго- и топливоснабжения страны, сокращения чрезмерно дальних и нерациональных перевозок топлива и т. п. Произошедшие сдвиги в географии топливно-энергетических баз имеют огромное значение для социалистической реконструкции географического размещения всей промышленности, всех производительных сил страны, так как они создают энергетические предпосылки для более равномерного размещения промышленности по всей стране. В результате этих достижений в каждом экономическом районе СССР создана целая сеть местных топливно-энергетических баз, облегчающих индустриализацию всех без исключения районов и более равномерное их экономическое развитие. А тем самым эти успехи были неразрывной частью общих успехов в деле построения социализма в нашей стране.

Огромные успехи в деле реконструкции топливно-энергетических успехов, достигнутые в течение только одного тридцатилетия не имеют аналогии в мировой истории по своим масштабам и темпам и могли быть достигнуты только в условиях единого планового хозяйства, только в стране социализма.

С. В. Бернштейн - Коган

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО И ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Перед империалистической войной царская Россия была страной, уже ставшей на путь развития капитализма и довольно далеко по нему ушедшей, но всё же отсталой и являвшейся в значительной мере полуколониальным придатком сильно индустриализованных империалистических стран Западной Европы. Размещение производительных сил по территории страны было крайне неравномерным и создавало резкие противоречия между старыми промышленными районами с их огромными явными и скрытыми резервами рабочей силы и низкой заработной платой, с одной стороны, и «окраинами» — с другой.

В 1912 г 66% всей валовой продукции промышленности и 67% общего числа фабричных рабочих приходилось на центральные промышленные, южные горнопромышленные и свеклосахарные районы, а на Сибирь — 2,4% и Туркестан — 1,8% валовой продукции.

Развитие капитализма в стране было тесно связано с развитием сети железных дорог, которая к 1913 г. достигла на территории России 70,2 тыс. км. Из них 58,5 тыс. км в границах Союза ССР. Существовавшая железнодорожная сеть ярко отражала неравномерность распределения производительных сил. Достаточно взглянуть на карту железных дорог 1913 г для того, чтобы в этом убедиться. Более густая сеть железных дорог лежит к западу и югу от дуги, которую очерчивает Волга. Железные дороги достигли правого берега Волги в 14 местах [1]. Линии, шедшие от Волги на запад и северо-запад, направлялись к балтийским портам и к западной сухопутной границе, обеспечивая тот огромный вывоз, который связывал колониальную царскую Россию с индустриальным Западом. Центральные промышленные районы были соединены несколькими линиями с горнопромышленным Югом. Значительна была сеть в западной и юго-западной части страны, где она

[1] Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кострома, Кинешма, Нижний-Новгород, Казань, Симбирск, Сызрань, Самара, Вольск, Саратов, Камышин, Царицын.

развивалась в большей мере по стратегическим, чем по экономическим соображениям. Поэтому в пределах более густой части сети железных дорог к западу от линии Москва — Курск — Харьков — Севастополь насыщенность железными дорогами была больше, чем к востоку. Хуже были обеспечены связи приволжских районов с юго-западом и портами Чёрного и Азовского морей.

Но через Волгу, в направлении на северо-восток и юго-восток, железные дороги переходили в очень немногих пунктах. К северу шла только линия на Архангельск, которая от Вологды имела узкую колею. Только во время империалистической войны была построена вторая линия, ведущая на север, — Мурманская железная дорога. На восток, за Волгу, шли только линии, связывающие европейскую железнодорожную сеть с сибирской магистралью. Здесь существовало два направления: северное, от Петербурга через Вятку, Пермь, Тюмень до Омска, — это была линия, в виде исключения целиком лежавшая вне волжской дуги, — и южное, через Москву и Челябинск до Омска. Наконец, для соединения со среднеазиатской сетью железных дорог существовал только один рельсовый путь — через Оренбург до Ташкента.

Следует ещё упомянуть о том, что рельсовая связь с Северным Кавказом и Закавказьем также была очень слаба и ограничивалась одним направлением — через Ростов и дальше в Закавказье через Баку.

Столь же неравномерным было и распределение железнодорожных перевозок. По сумме железнодорожного прибытия и отправления различные части территории царской России имели следующий удельный вес (в процентах):

Запад и Северо-Запад	12,2
Север и Северо-Восток	2,2
Центр (включая центральную и черноземную полосы)	17,7
Горнопромышленный Юг	38,1
Северный Кавказ и Закавказье	12,2
Поволжье	7,6
Урал	5,0
Сибирь и Дальний Восток	2,8
Средняя Азия (включая территорию нынешнего Казахстана)	2,0

Из этих цифр совершенно ясно преобладание горнопромышленного Юга, дававшего для перевозки большое количество минерального топлива и сырья, и Промышленного Центра. Далее идут богатые сельскохозяйственными продуктами и нефтью Северный Кавказ и Закавказье. Следующие, но уже более скромные места занимают хлебное Поволжье, оттеснённый Югом на задний план Урал и, наконец, далеко позади, на последних местах — «окраины»: Сибирь, Дальний Восток,

Средняя Азия и Север Европейской России. Следует при этом отметить, что перевозки по железным дорогам к портовым пунктам и к западной сухопутной границе составили 23 % от всего отправления грузов, а перевозки от этих пунктов внутрь страны — 12 % всего прибытия.

Дело обстояло иначе с распределением по территории страны внутренних водных путей, так как природа щедро разбросала огромные реки как в Европейской, так и в Азиатской части России. Но и при таких благоприятных природных предпосылках, по официальной статистике 1913 г., в Европейской части России числились 726 судоходных путей общим протяжением в 60,5 тыс. вёрст (65 тыс. км), а в Сибири в трёх главнейших бассейнах (Оби, Енисея и Амура) — только 44 судоходных пути общим протяжением 21,3 тыс. вёрст (22,8 тыс. км). Что же касается внутренних водных перевозок, то удельный вес различных речных бассейнов, по количеству перевезённых грузов, был таков (в процентах):

15 бассейнов Европейской России	94,4
в том числе:	
бассейн Волги	47,0
» Невы	14,0
» Северной Двины	6,5
» Днепра	9,5
3 бассейна Сибири и Дальнего Востока	5,6
в том числе:	
бассейн Оби	2,9
» Енисея	0,4
» Амура	2,3
Всего	100,0

Картина неравномерности получается здесь ещё более разительная, чем для железных дорог. Почти половина всех перевозок приходится на Волжский бассейн, обслуживающий экспортные зерновые, старопромышленные и лесные районы, и только 5,6 % — на три огромные сибирские бассейна. При этом на такую реку, как Енисей, приходилось менее 0,5% всех речных перевозок Сибири.

Перевозки по внутренним водным путям в экспортных направлениях составляли до 30 % всего отправления.

Работа морских портов также отражала резкие различия экономики отдельных районов страны и неравномерность распределения производительных сил. Морской грузооборот в 1913 г. распределялся следующим образом по бассейнам (в процентах):

Белое и Баренцово моря	4,4	
Балтийское	16,5	
Чёрное	32,5	45,7
Азовское	13,2	
Каспийское	29,0	
Тихий океан	4,4	

И здесь характерно, что случайно совпадающая цифра удельного веса Дальневосточного и Беломорского бассейнов стоит на последнем месте, первое место занимает морской транспорт Черноморско-Азовского бассейна, через который идёт сельскохозяйственный и отчасти сырьевой промышленный экспорт Юга, Северного Кавказа и Закавказья, за ним идёт Балтийское море с лесным и хлебным экспортом и разнообразным импортом. Отдельно следует говорить о Каспийском море с его огромными внутренними нефтеперевозками и очень скромным внешнеторговым оборотом с Персией.

Различна была роль отдельных морских бассейнов в обслуживании внешнеторговых и внутренних перевозок. Грузооборот их следующим образом распределялся по видам перевозок (в процентах):

Моря	Экспорт и импорт	Большой и малый каботаж
Белое и Баренцово . .	86	14
Балтийское	91	9
Чёрное	59	41
Азовское	55	45
Каспийское	2	98
Тихий океан	40	60

Для редко населённого и мало развитого Беломорского Севера каботаж играл большую роль, но был невелик по сравнению с огромным лесным экспортом. В Балтийском море экспорт — импорт также решительно преобладает над каботажем, так как прибалтийские центры меньше экономически связаны между собой, чем с обслуживаемыми ими экспортными районами. Иначе обстоит дело в Азовском и Чёрном морях, к которым примыкает ряд районов, взаимно между собой экономически связанных и использующих для этой связи наряду с железнодорожными и морские пути (например, уголь из Мариуполя в Одессу, сахар из Одессы в Закавказье, подтягивание хлеба из мелких прибрежных пунктов в крупные экспортирующие порты и т. п.). Каспийское море, как уже отмечено, почти целиком обслуживает внутренние перевозки нефти и лишь в очень слабой степени обмен с Персией. Наконец, на Дальнем Востоке каботаж играет огромную роль, так как морские перевозки для целого ряда пунктов являются единственным видом транспортной связи.

Как отмечено выше, в 1913 г. железнодорожная сеть России достигла 70,2 тыс. км, но, кроме того, в период, предшествовавший 1913 г., который характеризовался несколькими подряд очень высокими урожаями и высокой конъюнктурой, начата была постройка ряда новых железных дорог. Она продол-

жалась частично и во время войны, кроме того, строились дороги, необходимость в которых была вызвана самой войной, так что общее протяжение сети росло. Напомним, что в 1913 г. на территории России было 58,5 тыс. км железных дорог. К 1917 г. эта цифра увеличилась до 68,2 тыс. км.

Несмотря на все трудности, созданные гражданской войной и интервенцией, железнодорожное строительство продолжалось. За 1918—1920 гг. было сдано в эксплоатацию 3 145 км железных дорог; в течение восстановительного периода (1921—1925) сеть увеличилась ещё на 2 331 км, а к 1928 г. она составляла 76,9 тыс. км. В этот период заканчивались постепенно многие железные дороги, начатые до империалистической войны и строившиеся во время войны, но в то же время был построен ряд дорог в тех районах, которые раньше были «окраинами», а теперь превратились в равноправных членов Советского Союза. Это видно из следующих данных о распределении железнодорожного строительства по различным частям территории СССР:

Построено железных дорог в 1918—1928 гг. (км):

В Европейской части Союза к западу от Волги	1 952
Между Волгой и Уралом	1 563
На Урале	226
В Сибири	1 093
В Средней Азии	803

Таким образом, на районы к востоку от Волги приходилось в сумме 2 685 км против 1 953 км к западу от Волги.

В железнодорожном строительстве и этого периода, когда еще действовала некоторая «инерция» ранее начатого строительства железнодорожной сети, уже ясно сказывалось принятие советской властью установки на равномерное распределение производительных сил по стране и на экономический подъём национальных республик и бывших «окраинных» районов.

Что касается грузовых перевозок, то на них эти новые установки к 1928 г. еще не успели сказаться в значительной степени, но зато отразилось другое обстоятельство — сокращение роли перевозок в прежних экспортно-импортных направлениях. Если раньше (1913 г.) перевозки в экспортных направлениях составляли 28% отправления, то теперь их доля упала до 14%, а доля импортных направлений снизилась с 12% в 1913 г. до 3,3% в 1926—1927 гг. С другой стороны, благодаря изменению внешнеторговых отношений, появились совершенно новые внутренние грузопотоки. Так, например, раньше Петербург снабжался каменным углем, подвозимым морем из Англии, — теперь он стал снабжаться отечественным углем из До-

нецкого бассейна, что повело к возникновению нового мощного угольного грузопотока Донбасс — Ленинград и потребовало усиления соответствующих железнодорожных направлений и даже постройки некоторых дополнительных звеньев в железнодорожной сети западной части страны (Ворожба — Орша, Вязьма — Брянск).

С другой стороны, уже в это время наметилась сохранившаяся и далее установка на интенсивное, а не экстенсивное развитие сети железных дорог, т. е. на усиление ряда магистральных и сверхмагистральных направлений и на концентрацию на них грузопотоков, а не только на простое развитие сети вширь с захватом новыми линиями всё новых и новых территорий и с огромным ростом километража железных дорог (как это имело место в развитии железных дорог США и Канады). В дальнейшем эта политика привела к огромному росту густоты движения на железных дорогах СССР. Она достигла в 1939 г. 4,5 млн. тонно-километров на 1 км пути против 1,2 млн. тонно-километров в 1913 г. и опередила в этом отношении многие другие страны с развитой железнодорожной сетью и перевозками.

Одновременно происходило и новое железнодорожное строительство с целью вовлечения в общую экономическую жизнь страны районов, богатых сырьем и топливом и национальных окраин Союза. Определённые указания в этом отношении были даны, в частности, XI съездом ВКП(б), в резолюциях которого было сказано: «в области транспорта следует поставить своей задачей такое расширение сети транспорта и его работы, которое покрывало бы потребности расширяющегося производства и товарооборота, приобщая к народнохозяйственной жизни страны новые районы, открывая новые громадные источники развития производительных сил и обеспечивая нужды обороны».

Эти директивы отразились прежде всего в железнодорожном строительстве. В течение первой пятилетки было сдано в эксплоатацию 5 000 км железных дорог, из которых приходилось:

На районы к западу от Волги . .	1 434 км
К востоку от Волги до Урала . .	544 »
Сибирь и Среднюю Азию	1 896 »
Кавказ и Закавказье	374 »

В первую пятилетку была сооружена такая большая по протяжению и по народнохозяйственному значению линия, как Турксиб, путём постройки линии Троицк — Орск и Карталы — Магнитная и усилением западносибирских железных дорог создан был магистральный путь от кузнецких углей к южноуральской железной руде, построена была новая линия ко второй важнейшей восточной угольной базе — Караганде.

К концу первой пятилетки при огромном общем росте размера железнодорожных перевозок (с 132 млн. т в 1913 г. до 268 млн. т в 1932 г.) сказалось с полной определённостью и усиленное развитие перевозок на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии, что знаменовало полный успех советской политики экономического подъёма и индустриализации прежде отсталых окраинных районов. Увеличение удельного веса этих районов в железнодорожных перевозках видно из следующего сопоставления (в процентах по сумме прибытия и отправления):

	1913 г.	1932 г.
Запад и Северо-Запад	12,2	12,5
Север и Северо-Восток	2,2	4,7
Центр (включая ЦЧО)	17,7	15,6
Юг	38,1	31,8
Северный Кавказ и Закавказье	12,2	10,1
Поволжье	7,6	4,8
Урал	5,0	7,4
Сибирь и Дальний Восток	2,8	7,9
Средняя Азия и Казахстан	2,0	3,7
Не распределено по районам	—	1,5

Здесь мы имеем дело с ясно выраженным ростом удельного веса Севера и Северо-Востока, Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии при одновременном падении удельного веса Центра, Юга, Северного Кавказа и Закавказья, Поволжья.

В смысле дальнейшего изменения географии железнодорожного транспорта СССР вторая пятилетка явилась прямым продолжением первой. Из 3 102 км новых путей, сданных в эту пятилетку в эксплоатацию, приходилось:

На районы к западу от Волги	789 км
» » к востоку от Волги до Урала	326 »
На районы Сибири	804 »

В результате таких географических сдвигов в области железнодорожного строительства удельный вес железнодорожных линий восточной части СССР достигает 32%, в то время как в 1913 г. он составлял только 25%.

В области грузовых перевозок удельный вес разных групп районов изменился следующим образом (в процентах по сумме прибытия и отправления):

	1932 г.	1937 г.
Запад и Северо-Запад	12,5	9,8
Север и Северо-Восток	4,7	5,1
Центр (включая ЦЧО)	15,6	16,3
Юг	31,8	31,6
Северный Кавказ и Закавказье	10,1	8,2
Поволжье	4,8	3,8
Урал	7,4	8,7
Сибирь и Дальний Восток	7,9	11,7
Средняя Азия и Казахстан	3,7	4,0
Не распределено по районам	1,5	0,8

Таким образом, продолжается рост удельного веса Севера и Северо-Востока, Урала, в особенности Сибири, Средней Азии и Казахстана и сокращение его по Западу и Северо-Западу, Югу, Северному Кавказу и Закавказью, Поволжью. Несколько изменяется тенденция только по Центру, для которого находим некоторое увеличение удельного веса.

Согласно плану, принятому на третью пятилетку, железнодорожное строительство должно было получить гораздо более широкий размах, чем во второй пятилетке. В плане была намечена постройка 11 000 км железных дорог (против 8 000 во второй пятилетке). Вторжение германско-фашистских полчищ помешало закончить осуществление этого плана. Однако и в период от 1937 г. до середины 1941 г. было сделано очень много, и размещение этого строительства с несомненностью указывает на дальнейшее проведение в жизнь тех установок, которые были приняты с первых лет советского железнодорожного хозяйства.

В самом деле, беря только важнейшие, построенные за этот период линии, мы увидим, что было открыто для эксплоатации:

В Сибири и на Дальнем Востоке (Акмолинск — Карталы, Томск — Асино, Волочаевск — Комсомольск, Локоть — Усть-Каменогорск)	1 576 км
В Средней Азии и Казахстане (Караганда — Бертыс, линия на Джезказган, Гурьев — Кандагач)	1 459 км
Север Европейской части СССР (Котлас — Воркута, Котлас, Вельск — Обозерская — Сорока) — не вполне закончено	2 130 км
Урал	150 »
Между Волгой и Уралом	173 »
К западу от Волги	262 »
Закавказье	288 »

Часть этих линий в Сибири являлась элементами будущей Сталинско-Магнитогорской магистрали, которая должна дать спрямлённый второй выход кузнецким углям на Южный Урал; часть из них являлась элементами будущей Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Огромное строительство на Севере Европейской части СССР было связано с открытием и использованием Печорского угольного бассейна, который решено было превратить в основную угольную базу всего Севера и Северо-Запада (в том числе и Ленинграда, сократив и затем ликвидировав подвоз к нему донецкого топлива через сильно загруженную западную часть железнодорожной сети Союза). Кроме того, было осуществлено соединение этой печорской угольной линии с старой Архангельской (Котлас — Вельск и ранее построенная для вывоза леса линия Вельск — Коноша), чем создавался выход для печорских углей на Запад к Ленинграду. И, наконец, на севере был осуществлён давнишний план соединения Архангельской линии с Мурманской. В Северном Казахстане была осуществлена постройка двух больших линий до

новых медедобывающих комбинатов на Балхаше и в Джезказгане. На Алтае построена была значительного протяжения линия до Усть-Каменогорского полиметаллического района. Таким образом, в основном железнодорожное строительство шло под знаком усиления обслуживания восточных угольных и металлургических баз и вовлечения в хозяйственный оборот Союза новых мощных месторождений полезных ископаемых на востоке и на севере. Такие линии, как Томск — Асино, вскрывали новые огромные лесные массивы. Этим ликвидировалась прежняя концентрация производительных сил в старых промышленных районах и на угольно-металлургическом юге Европейской части Союза.

Однако, исходя из такой характеристики географических сдвигов в развитии железнодорожной сети, не следует думать, что ничего не делалось на старой сети железных дорог, лежащей к западу от Волги. Если здесь сравнительно более медленно увеличивалось количество километров рельсового пути, то взамен этого значительно усиливались существующие линии и вставлялись между ними недостающие звенья, дававшие спрямление перевозок основных массовых грузов. Выше мы уже привели пример усиления направления Донбасс — Ленинград и постройки здесь добавочного звена в виде линии Вязьма — Брянск. Ещё более ярким примером может служить создание мощной магистрали Донбасс — Москва через Валуйки — Елец за счёт огромного усиления (фактически — перестройки таких недостающих его звеньев, как Венёв — Узловая (1928 г.) и Валуйки — Кондрашовская (1936 г.). Сюда же относится линия Купянск — Красный Лиман (1939 г.). Очень многие направления были значительно усилены за счёт постройки вторых путей, в частности, это относится к некоторым направлениям из Поволжья на юго-запад, раньше очень слабым (см. выше).

Ограничиваясь этими примерами, отметим, что в результате нового строительства сеть железных дорог СССР увеличилась к 1940 г. до 106 тыс. км.

Что касается работы железнодорожного транспорта, то в ней попрежнему отражался ускоренный рост новых промышленных районов и более медленные темпы роста перевозок в старых. Данные об удельном весе различных групп районов в 1940 г. таковы (в процентах по сумме прибытия и отправления):

Северо-Запад и Север	8,15
Запад	2,78
Центр	18,80
Юг	31,20
Юго-Восток	9,90
Урал и Западная Сибирь	15,40
Восточная Сибирь и Дальний Восток	6,75
Средняя Азия и Казахстан	4,55
Закавказье	2,47

К сожалению, в издании, на основании которого составлена эта таблица, группировка районов принята иная, чем в приведённых выше таблицах [1]. Однако из сравнения с приведёнными выше аналогичными таблицами всё же можно установить, что удельный вес Сибири и Дальнего Востока возрос с 20,4% в 1937 г. до 22,15% в 1940 г., удельный вес Средней Азии и Казахстана с 4% в 1937 г. до 4,55% в 1940 г., удельный вес Юга сократился за тот же краткий период с 31,6 до 31,2%.

Большой интерес представляет вопрос о транспортном балансе отдельных групп экономических районов. По статистике железнодорожных перевозок издавна можно было отличить районы с преобладающим отправлением от районов с преобладающим прибытием. К числу первых принадлежали угольные, лесные, в некоторой части зерновые и т. п., к числу вторых — «старые промышленные», ввозившие много сырья, топлива и продовольствия. Ниже приводим сравнение активности и пассивности железнодорожного транспортного баланса отдельных групп районов за 1913 и 1940 г., поскольку такое сравнение возможно по имеющимся статистическим данным, которые приурочивались к несовпадающим границам районов. Однако при оперировании значительными по территории группами районов проистекающие из несовпадения границ неточности должны сглаживаться.

Положительное или отрицательное сальдо железнодорожного транспортного баланса районов (в процентах к прибытию, принятому за 100 %):

Группа районов	1913 г.	1940 г.
Северо-Запад и Север	—24,0	—17,0
Запад	+35,0	—21,5
Центр	—17,0	—29,0
Юг	+22,0	+19,5
Юго-Восток	+10,0	+17,5
Сибирь и Урал	—	+6,0
Средняя Азия и Казахстан	—17,5	+6,5
Закавказье	—10,5	—5,0

Наиболее характерным в этой таблице является переход Уральско-Сибирских районов из «нейтральных» в число имеющих положительное сальдо. Это тем более примечательно, что в данном случае мы берём группу районов, в которую входят и «отправительские» районы Сибири, и корреспондирующие, «получательские», районы Урала. Важно отметить также переход среднеазиатских районов из пассивных в активные и

[1] Она составлена на основании работы: Вольфсон, Ледовской, Шильников. Экономика транспорта, М., 1941.

роет активности баланса Юго-Востока при одновременном сокращении активности баланса Юга; существенен также переход западных районов из активных в пассивные, что связано с их превращением из односторонне лесных в районы с обрабатывающей промышленностью.

Все эти изменения в географии железнодорожных перевозок происходили при одновременном огромном росте их общего размера. Количество перевезённых тонн увеличилось с 132 млн. в 1931 г до 554 млн. т в 1939 г., а количество сделанных тонно-километров с 66 млрд. до 392 млрд. (за тот же период). В 1940 г. было сделано 415 млрд. тонно-километров.

Во время Отечественной войны железнодорожный транспорт подвергся огромным разрушениям и работал в невероятно трудных условиях. Тем не менее, за это время шло новое железнодорожное строительство и усиление некоторых существующих направлений, вызванное самой военной обстановкой. Из важнейших новостроек этого времени следует указать линию Кизляр — Астрахань (348 км), которая создала издавна необходимый второй выход с Кавказа в Европейскую часть Союза и линию по правому берегу Волги (978 км) — первую железную дорогу, параллельную этой основной магистрали водного транспорта. Кроме того, в связи с перемещением ряда предприятий на Урал и необычайным развитием его промышленности, происходило усиление железнодорожного транспорта Урала и связанных с ними линий Сибири. Только в 1943—1945 гг. здесь было построено 360 км вторых путей и уложено 432 км путей в узлах и станциях. Были значительно усилены такие участки, как Челябинск — Златоуст — Кропачёво, Свердловск — Гороблагодатская — Надеждинск, Свердловск — Тюмень — Вагай, Макушино — Петропавловск — Омск — Татарская — Барабинск, Чулымская — Новосибирск, Карталы — Акмолинск — Караганда[1]. Перевозки урало-сибирских железных дорог также значительно выросли, и даже после указанных усилений железные дороги работали очень напряжённо. Это станет вполне понятным, если учесть, что за четыре года войны промышленная продукция в районах Урала увеличилась в 3,6 раза, в Сибири в 2,8 раза, в Поволжье в 3,4 раза, в восточные районы Союза было перебазировано 1 300 крупных предприятий.

Те же направления развития, которые можно констатировать на основе приведённого исторического обзора, заложены и в четвёртом пятилетнем плане. Согласно плану, грузооборот дорог Урало-Сибирской группы и Донбасса составит в 1950 г. 40 % всего грузооборота. На дорогах Донбасса он увеличится в 2,5 раза (при общем росте против 1940 г. в 1,5 раза). Но

---

[1] А. Черный. Перспектива нового железнодорожного строительства. Журнал «Железнодорожный транспорт», № 2—3, 1945.

ещё большее значение будет иметь рост перевозок в восточных районах. В четвёртом пятилетии предусматривается дальнейший рост промышленности и сельского хозяйства на Востоке Союза. В Кузбассе будут введены в действие 30 новых шахт производительностью 18 млн. т угля, в Караганде 17 шахт, производительностью 6,5 млн. т, на Урале 49 новых шахт, производительностью 19 млн. т, на Дальнем Востоке 8 шахт мощностью 1,25 млн. т и т. п. Объём капитальных работ по районам Сибири и Дальнего Востока составит в период 1946—1950 гг. 35,6 млрд. руб., из 250,3 млрд. руб. по всему Союзу.

В пятилетнем плане предусматривается очень быстрый рост грузопотоков на таких направлениях, как Кузбасс — Урал, Караганда — Акмолинск — Магнитогорск, Богословск — Челябинск — Орск и на выходах с Урала в районы Поволжья и Центра. На выходах из Кузбасса запланирован рост грузопотоков вдвое против 1940 г., на выходах из Караганды — в 2,5 раза [1].

В соответствии с этим из 7 200 км, назначенных к постройке в четвёртой пятилетке, 3 550 км приходится на районы Сибири. Основным объектом является продолжение постройки Сталинско-Магнитогорской магистрали, начатой в третьей пятилетке (см. выше), с продолжением её на запад от Магнитогорска до Куйбышева [2].

Будет продолжаться значительный рост перевозок в среднеазиатском секторе и Казахстане. В Средней Азии будет открыто 9 новых шахт общей производительностью 3,2 млн. т, получат дальнейшее развитие нефтяная промышленность и цветная металлургия, разработка местных фосфоритов и т. п. Перевозки на выходах из Средней Азии (Чкаловском и Красноводском направлениях) значительно возрастут. В связи с этим намечена постройка линии Моинты — Чу, которая свяжет с Средней Азией Карагандинский бассейн и несколько разгрузит Оренбургское направление и Турксиб.

Для обеспечения связей Кавказа и Закавказья с остальной частью сети намечено усиление линий Кизляр — Астрахань и Черноморской, а для обслуживания перевозок внутри района — электрификация целого ряда линий.

В четвёртом пятилетии значительно возрастает добыча воркутинских углей, в связи с чем потребуются дополнительные работы на линии Воркута — Котлас. Рост лесных заготовок в карело-финских районах потребует постройки здесь но-

---

[1] А. Галицкий. Транспорт и народное хозяйство в новой пятилетке. Журн. «Железнодорожный транспорт», № 4, 1946.

[2] Онуфриев. Строительство Сталинско-Магнитогорской магистрали. Журнал «Железнодорожный транспорт», № 2—3, 1946.

И. В. Ковалев. Железнодорожный транспорт в новой сталинской пятилетке, М., 1947.

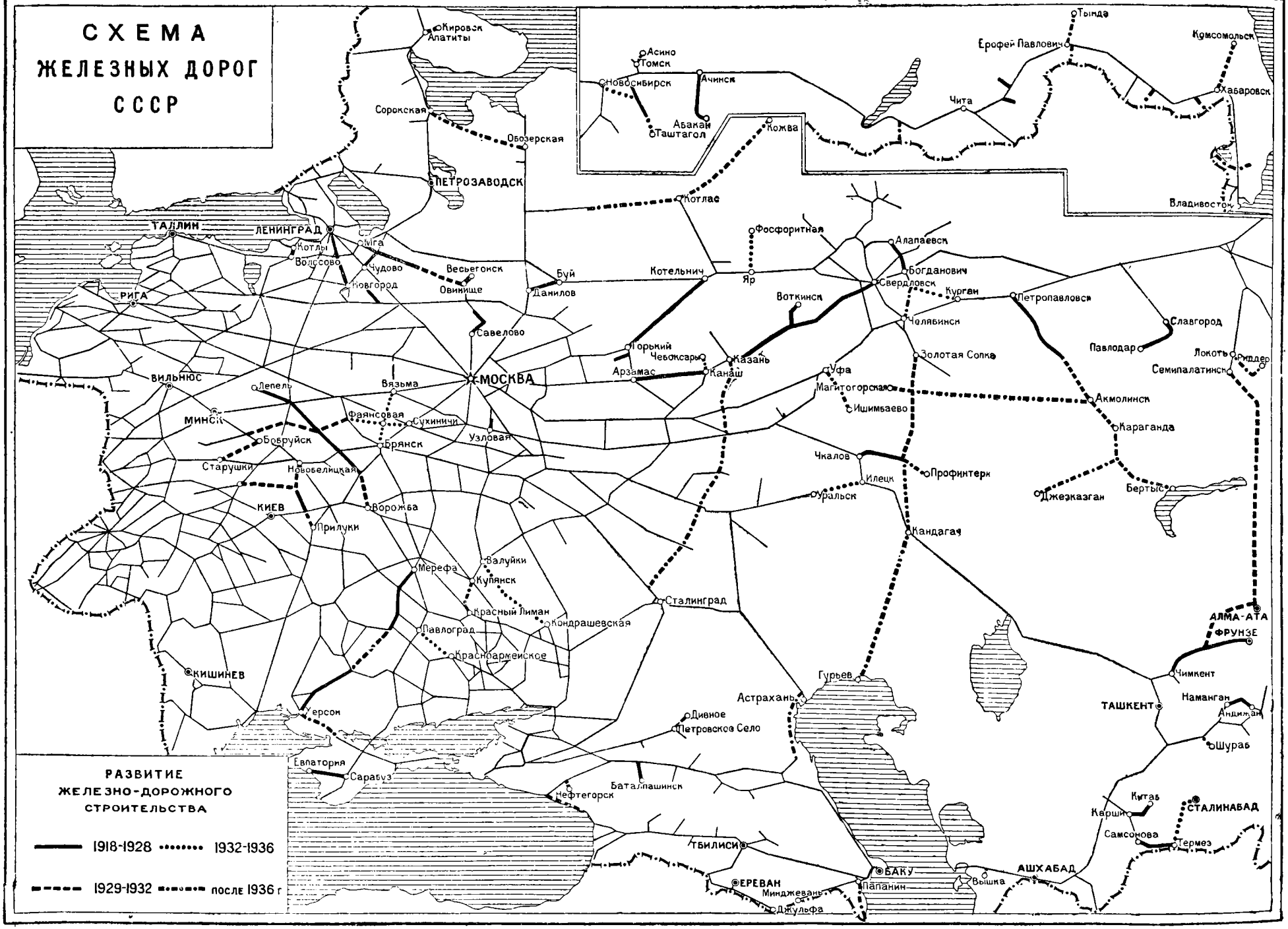


СХЕМА
ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ
СССР
Кировск
Алатиты
Сорокская
Обозерская
ПЕТРОЗАВОДСК
ТАЛЛИН
ЛЕНИНГРАД
Мга
Котлы
Волосово
Чудово
Новгород
Весьегонск
Овинище
Буй
Данилов
РИГА
Савелово
ВИЛЬНЮС
Лепель
Вязьма
МОСКВА
МИНСК
Фаянсовая
Сухиничи
Узловая
Бобруйск
Брянск
Старушки
Новозыбковская
КИЕВ
Прилуки
Ворожба
Мерефа
Валуйки
Купянск
Красный Лиман
Кондрашевская
Павлоград
Красноармейское
Сталинград
КИШИНЕВ
Херсон
Евпатория
Сарабуз
Дивное
Петровское Село
Астрахань
Гурьев
Нефтегорск
Батамшинск
ТБИЛИСИ
ЕРЕВАН
Минджеван
Джульфа
БАКУ
Папанин
Вышка
АШХАБАД
Котлас
Котельнич
Яр
Фосфоритная
Воткинск
Горький
Чебоксары
Казань
Канаш
Арзамас
Свердловск
Богданович
Алапаевск
Курган
Челябинск
Петропавловск
Уфа
Магнитогорск
Ишимбаево
Золотая Сопка
Акмолинск
Караганда
Чкалов
Илецк
Профинтерн
Уральск
Кандагач
Джезказган
Бертыс
Павлодар
Славгород
Локоть
Риддер
Семипалатинск
Тында
Ерофей Павлович
Комсомольск
Хабаровск
Владивосток
Чита
Ожва
Асино
Томск
Новосибирск
Ачинск
Абакан
Таштагол
АЛМА-АТА
ФРУНЗЕ
Чимкент
ТАШКЕНТ
Наманган
Андижан
Шурав
Китаб
Карши
Самсонова
СТАЛИНАБАД
Термез
РАЗВИТИЕ
ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
1918-1928
1932-1936
1929-1932
после 1936 г

вой железнодорожной линии протяжением 200 км. Создание Северо-западного металлургического комбината также предъявит к транспорту огромные требования [1].

Таковы будут дальнейшие изменения в географии железнодорожного транспорта СССР.

* * *

Географические сдвиги в области внутреннего водного транспорта были в некоторых отношениях аналогичны происходившим на железных дорогах. И здесь с большой определённостью сказалось более быстрое развитие речных перевозок на реках бывших «окраин». Как только закончился восстановительный период, на периферии страны началось освоение новых водных путей, на которых раньше совсем не плавали, или плавали в очень ограниченных размерах. Получило большое развитие судоходство на Лене (впоследствии оно появилось на соседних с ней реках Яне, Индигирке, Колыме к востоку от Лены, Оленеке и Хатанге к западу от неё). Организовано было судоходство на озёрах Балхаш и Иссык-куль и на средней части р. Или, значительно усилились судоходство и флот на Аму-дарье, усилились перевозки в бассейне Оби и Енисея. В результате всего этого произошло следующее изменение удельного веса различных речных бассейнов:

Бассейны	Годы			
	1913	1929	1935	1940
	(в процентах)			
Волжский	47,7	57,0	46,5	46,5
Северо-западный	25,1	18,0	18,8	14,5
Северный	7,4	12,5	17,3	14,8
Днепровский	12,0	5,1	7,7	8,35
Доно-Кубанский	1,4	1,5	2,2	2,2
Среднеазиатские	—	0,21	1,04	1,36
Сибирские	3,7	5,0	5,2	8,8
Ленский	—	0,2	0,2	0,45
Амурский	2,7	1,0	2,02	2,86
Закавказье	—	0,04	0,3	0,22

И здесь прежде всего бросается в глаза огромный рост удельного веса сибирских речных бассейнов, Лены, среднеазиатских и северных, причём для северных бассейнов с 1935 г. до 1940 г. сказывается тенденция к сокращению, возможно, в связи с сокращением лесоэкспорта; рост удельного веса можно отметить также для Доно-Кубанского бассейна.

[1] См. акад. Бардин, проф. Пробст и Рикман. «Проблемы северо-западной металлургии», 1946.

Остальные бассейны в большей или меньшей степени теряют в своём удельном весе; это относится и к Волжскому и к Днепровскому и ещё в большей степени к северо-западным бассейнам.

Однако транспортно-географический смысл этого явления, при внешнем сходстве с железными дорогами, несколько иной. В то время как железные дороги представляют собою сплошную сеть, речные бассейны в большинстве остаются замкнутыми и лишь в некоторых случаях соединены между собой (Волжский — Невский, Днепровский — Западно-Двинский — Неманский, Волжский — Северо-Двинский). Поэтому в ряде случаев развитие перевозок в периферийных бассейнах служит для нужд только местного хозяйства, а приобрести значение для межрайонного обмена может только в том случае, когда в данном бассейне к реке подходит или её пересекает железная дорога. Последнее имеет место в особенности по отношению к сибирским большим рекам, которые текут, в основном, с юга на север, между тем как важнейшие грузопотоки имеют широтное направление. Однако интенсивно идущее освоение Сибирского Севера и открытие здесь целого ряда месторождений полезных ископаемых придали особую ценность сибирским рекам не только как меридиональным подъездным путям к широтной железнодорожной магистрали, но и как путям связи с новыми экономически чрезвычайно важными северосибирскими районами. В качестве примеров достаточно упомянуть о роли Енисея для Норильского района, о роли Лены для Алданского (даже учитывая то, что Ленский бассейн всё ещё отрезан от железнодорожной сети). С другой стороны, имея лесные массивы в среднем, а кое-где и в верхнем течении, сибирские реки могут служить путём сплава и экспорта древесины — например, на Енисее через Игарку. Этого рода перевозки, конечно, теснейшим образом связаны с деятельностью Северного морского пути, к которой вернёмся ниже. В других случаях леса служат для снабжения местной промышленности, например, лес с таких притоков Оби, как Чулым, идёт против течения до Новосибирска и в Кузбасс для местных нужд. Наконец, сохраняется и роль сибирских рек как подъездных путей к железным дорогам, например, в отношении хлеба с верхнего и среднего Иртыша и т. п.

В Средней Азии рост перевозок на Аму-дарье связан с развитием хлопководства. Хлопковые оазисы, расположенные на этой реке севернее её пересечения с железной дорогой у Чарджоу, могут вывозить свой хлопок и подвозить нужные им продукты только по реке, либо на север до её устья и затем через Аральское море до железной дороги у ст. Аральск, либо на юг до Фараба (Чарджоу), с дальнейшей перевалкой на железную дорогу. Положение изменится

только после постройки железнодорожной линии Чарджоу — Кунград, которая пройдёт параллельно Аму-дарье и уже начата строительством.

Что касается увеличения удельного веса северных бассейнов (Европейской части Союза), то оно связано, главным образом, с лесными экспортными перевозками, а в последние годы на Печоре — с развитием Воркутинского угольного бассейна.

Общая динамика внешнеторговых оборотов СССР и, в частности, экспорта леса, была такова

Годы	Весь внешнеторговый оборот по ценности	Вывоз леса по физ. объёму
1913	100,0	100,0
1922	13,4	9,8
1925	46,0	35,0
1930	80,0	121,0
1935	23,0	110,0
1937	26,7	79,0

При этом удельный вес Севера в заготовках леса для экспорта возрос с 18,1 % в 1928—1929 гг. до 22 % в 1937 г. Мы видим, что темпы роста лесного экспорта, которые отставали от общего хода внешней торговли в 1922 и 1925 гг., оказываются в 1930—1935 гг. настолько значительными, что лесной экспорт становится больше, чем перед первой мировой войной. Неудивительно, что рос удельный вес Севера в речных перевозках, поскольку экспортные перевозки леса, главным образом, — водные перевозки. В частности, в работе северных пароходств перевозки леса составляли (в процентах):

В 1913 г.	90
» 1925 »	95
» 1929 »	96
» 1935 »	93

Однако, как можно видеть из приведённой выше таблицы и удельного веса различных бассейнов, при наличии значительных географических сдвигов в водных перевозках, в них можно отметить весьма устойчивый элемент — это грузооборот Волги, удельный вес которого, хотя и понизился с 47,7 до 46,5%, но всё же остался резко преобладающим над другими бассейнами. Северо-западные бассейны, которые были тесно связаны с Волгой искусственными водными путями, показывают сокращение удельного веса; он в конечном счёте упал с 25 до 14,5%. Объяснение этого сокращения лежит в значитель-

ной мере в уменьшении хлебного экспорта вообще и, в частности, через Балтийское море, который обслуживался Волгой и Мариинской системой. Экспорт хлеба составлял в 1913 г. 20,4 млн. т., в 1925 г. 1,16 млн. т

Кроме того, в северо-западных районах, по ряду причин, даже лесные грузы уходили с водных путей на железные дороги. Этим и объясняется упадок водного транспорта северо-западных бассейнов.

На Волге резкое сокращение экспорта через Балтийское море также не могло не сказаться, так как хлеб вверх по этой реке, начиная от района Саратова, шёл на экспорт и для потребления северо-западных районов. Однако на такой мощной реке, пересекающей ряд экономически развитых и взаимно связанных районов, сокращение одних грузопотоков компенсировалось ростом других и позволяло Волге сохранять своё первенствующее значение среди других рек. Это видно из следующих данных о составе волжского грузооборота (в процентах):

Грузы	Годы				
	1913	1925	1929 [1]	1932 [1]	1935 [1]
Хлебные	11,4	6,0	6,45	5,5	7,0
Соль	3,3	4,0	5,5	3,04	4,6
Нефтяные	21,0	34,0	37,4	35,3	21,2
Лесные	36,8	45,1	30,9	35,6	48,5
Рыба	0,9	1,48	1,3	0,6	0,5
Каменный уголь	0,3	0,53	0,11	0,14	1,2

Как видно из этих цифр, сокращение перевозок хлеба компенсировалось повышением удельного веса нефтяных и лесных грузов, а в конце периода и каменного угля. Вообще говоря, Волга сохранила своё положение благодаря удачному расположению относительно грузообразующих и грузополучающих районов. Она может обслуживать в малой степени широтные грузопотоки (только своим средним и верхним течением, выше Казани), но зато широко может обслуживать потоки меридионального и юго-восточно-северо-западного направления, благодаря чему и превратилась в торную дорогу для леса, идущего с севера на юг, и нефти, идущей с юга на север и северо-запад, а также и для хлеба в тех же направлениях. В этом отношении радикальных перемен в направлениях волжского грузооборота почти не произошло, изменилось лишь количественное соотношение разных грузов.

[1] Только Госпароходства.

Поскольку нижний Днепр и Дон в значительной мере обслуживали экспортные хлебные грузопотоки, постольку сокращение хлебного экспорта уменьшило значение названных рек. На Днепре вследствие уменьшения запасов древесины в верхней части его бассейна ухудшились также предпосылки для лесных перевозок. Тем не менее, после значительного упадка в период до 1929 г., грузооборот Днепра стал повышать свой удельный вес, в связи с общим экономическим ростом украинских приднепровских районов в период сталинских пятилеток и в связи с ликвидацией порогов после постройки Днепрогэса. В Доно-Кубанском бассейне перевозки увеличились за счёт движения угля по Северскому Донцу и общего развития нижнедонских и прикубанских районов.

Что касается строительства водных путей, то его география в значительной степени обусловлена широким проведением в СССР принципа комплексного использования водных ресурсов. Благодаря этому, география строительства водных путей была тесно связана с энергетической географией и часто не имела самостоятельного характера. Это относится к ряду таких объектов, как Волхов, Свирь, Днепровские пороги. Во всех случаях дело идёт о ликвидации давнишних препятствий судоходству, но в размещении этих объектов нет той закономерности, какую мы выше могли констатировать в развитии сети железных дорог.

Более самостоятельный транспортный характер имела постройка каналов Беломорско-Балтийского и Волга — Москва. Но второй из них также является комплексным сооружением, связанным с водоснабжением Москвы, а первый принадлежит к серии транспортных сооружений, связанных с развитием совершенно новой по стилю и размаху экономики советского Севера Европейской части Союза, и с точки зрения сдвигов в географии водных путей наиболее интересен. Кроме строительства водных путей для перераспределения водных перевозок по бассейнам характерно еще улучшение судоходных условий на существующих водных путях — устройство на них судоходной обстановки, улучшение глубин при помощи землечерпания и т. п. В этом отношении на периферийных бассейнах делается теперь несравненно больше, чем делалось в прежнее время. Далее, условием развития перевозок является снабжение флотом отдельных бассейнов. И здесь можно отметить, что именно на периферийных реках флот был или вновь создан, или сильно пополнен. Примерами первого могут служить Колыма, нижняя Лена, озёра Иссык-куль, и Балхаш, р. Или; примером второго—верхняя Лена, Енисей, Аму-дарья, где, вместо прежних каюков, которые тянулись людьми лямкой с берега, появился флот моторных катеров, буксиров и барж.

Для иллюстрации этого процесса географического перераспределения флота можно привести следующие данные (в процентах).

Группы бассейнов	Грузопассажирский флот по мощности		Буксирный флот по мощности		Сухогрузные баржи по грузоподъёмности	
	1913 г.	1940 г.	1913 г.	1940 г.	1913 г.	1940 г.
Волжский	52,0	61,0	57	43	52,0	44
Север и Северо-Запад	13,5	11,4	19	25	31,0	34
Юг	23,8	10,9	10	11	11,5	8
Восток	11,6	16,7	14	21	5,5	14

Как видим, по всем рассмотренным видам судов удельный вес восточных районов значительно увеличивается [1].

Следует напомнить, что все эти сдвиги в географии внутреннего водного транспорта, в противоположность железным дорогам, происходили на фоне замедленного роста общего объёма водных перевозок и отставания внутреннего водного транспорта от железных дорог. Если по количеству перевезённых тонн на внутреннем водном транспорте произошло увеличение с 34,3 млн. т в 1913 г. [2] до 74—76 млн. т в последние годы перед Отечественной войной, то количество сделанных тонно-километров увеличилось с 31 млрд. в 1913 г. только до 36,1 млрд. в 1940 г.

В четвёртом пятилетии запланировано увеличение количества перевозимых по внутренним водным путям грузов до 91,5 млн. т (на 38% против 1940 г.) и их общего пробега до 49,3 млрд. т/км (на 38% против 1940 г.) со следующим распределением тонно-километров по бассейнам [3]:

Бассейны	1950 г.		1950 г. в проц. к 1940	1940 г. в проц. к итогу
	млрд.	проц.		
Волжско-Камский	35,25	71,2	143	69,0
в т. ч. Кама	7,92	16,0	255	8,7
Северные бассейны	5,81	11,8	113	14,3
в т. ч. Северо-Запад	2,04	4,1	123	4,7
Южные бассейны	2,99	6,2	140	5,7
Восточные бассейны	5,25	10,8	130	11,0
в т. ч. Обь-Иртышский	2,24	4,4	129	4,9
Енисейский	1,11	2,25	160	1,9
Итого	49,3	100	138	100

[1] Наливной флот мы оставляем в стороне, так как его главная часть была и остается на Волге.

[2] Для сравнимости с цифрой 1935—1940 гг. взято без самосплава плотов.

[3] З. А. Шашков. Речной транспорт в новой сталинской пятилетке. М., 1947, стр. 19.

Как видно из этой таблицы, преобладание Волжско-Камского бассейна над всеми другими по тонно-километрам гораздо больше, чем по тоннам. Удельный вес этого бассейна к 1950 г. увеличится против 1940 г., главным образом, за счёт Камы. Здесь отражается усиленное освоение лесных богатств Северо-Востока Европейской части Союза.

С другой стороны, увеличивается удельный вес южных бассейнов, главным образом, за счёт Днепра, по которому будут происходить усиленные перевозки, связанные с восстановлением районов, подвергшихся опустошению и разрушениям во время фашистской оккупации. В восточных бассейнах намечается некоторое снижение их удельного веса, обусловленное тем, что не удаётся в нужной степени пополнить их флот, так как огромные усилия потребуются для восстановления флота в западных бассейнах на Дону и Кубани и отчасти на Волге, где он был в значительной мере уничтожен или повреждён фашистами. Однако, в частности, для Енисея, роль которого для обслуживания северных районов уже отмечена выше, удельный вес увеличивается. Роль северных бассейнов, падает в связи с перемещением в другие районы лесных заготовок.

* * *

Нам остаётся остановиться на морском транспорте. В тридцатилетней истории советского морского транспорта с географической точки зрения наиболее примечательным явлением можно считать освоение Северного морского пути. Многие географы, отмечая значительное протяжение морских границ России, указывали в то же время, что большая их часть— это недоступные для плавания берега Ледовитого океана. Мысль о возможности использования северных морских путей для сношений с Востоком возникла еще в XVI в. и позже привлекла к себе внимание Ломоносова [1].

С 1909 г. иностранные капиталисты с норвежцем Лидом во главе пытались организовать рейсы в устье Оби. Но только при советской власти дело пошло дальше плаваний к устьям Оби и превратилось в сквозное движение вдоль всех северных берегов Азиатского материка, от Мурманска до Владивостока.

---

[1] См. Л. С. Берг Ломоносов и первое русское плавание для отыскания северо-восточного прохода (в «Очерках по истории русских географических открытий», Л., 1946).

В последние годы перед войной многие суда по Северному морскому пути делали сквозной рейс от Берингова пролива до Мурмана или обратно. Вся трасса была обслужена воздушной ледовой разведкой, бункеровочными пунктами или местами связи с речным судоходством.

На XVIII съезде ВКП(б) было принято постановление о превращении Северного морского пути в третьем пятилетии в регулярно действующую морскую трассу В связи с работой Северного морского пути находится и освоение ряда сибирских рек, о котором сказано выше. Для развития экономической жизни в бассейнах этих рек и в особенности Лены, значение Северного морского пути огромно, особенно с учётом отсутствия связи Ленского и других бассейнов с сетью железных дорог.

Что касается остальных морей Союза, то об изменении их роли и произошедших географических сдвигах можно судить по следующим данным:

Размещение грузооборота по морским бассейнам

(в процентах)

	1913 г.	1939 г.
Белое и Баренцово . .	4,4	11,2
Балтийское	16,5	3,3
Черное и Азовское . .	45,7	34,3
Каспийское	29,0	45,0
Тихий океан	4,4	6,2
Итого . .	100	100

Здесь мы находим знакомую картину увеличения удельного веса северных и восточных районов при сокращении удельного веса Балтики и даже Чёрного и Азовского морей, которые уступают своё место Каспию с его огромными нефтеперевозками, приобретающими всё большее значение в экономике страны. Эти географические изменения тесно связаны с перераспределением ролей экспортных и каботажных перевозок, сокращением удельного веса первых, в особенности в последние годы перед второй мировой войной, и увеличением удельного веса вторых.

Насколько резки были эти изменения, видно из следующей таблицы (в процентах):

Виды перевозок	1913 г.	1940 г.
Экспорт	35,3	9,9
Импорт	12,4	1,6
Итого . .	47,7	11,5
Малый каботаж	50,0	88,0
Большой каботаж . . .	2,3	0,5
Итого . .	52,3	88,5
Всего . . .	100	100

Этим именно и объясняется упадок морских перевозок в Балтийском море, для которого экспортно-импортные операции составляли в 1913 г 91%. Каботаж его сократился до ничтожных величин на весь тот период, пока прибалтийские страны были отделены от СССР. В других морях сокращение экспортно-импортных операций компенсировалось развитием каботажных перевозок, связанным с большим ростом экономики прилегающих районов. Это иллюстрируется следующими цифрами (в процентах):

Моря	Экспорт и импорт		Каботаж		Общий итог 1939 г. в проц. к 1913 г.
	1913 г.	1939 г.	1913 г.	1939 г.	
Белое и Баренцово . .	86	41,0	14	59,0	200
Балтийское	91	97,0	9	3,0	15,5
Черное	59	13,5	41	86,5	57
Азовское	55		45		
Каспийское	2	0,2	98	99,8	118
Тихий океан	20	12,5	60	87,5	111

Как видим, на Севере, на Каспии и на Тихом океане рост каботажных перевозок перекрыл сокращение экспорта и импорта, и только в Балтике и на Чёрном море сокращение внешней торговли сопровождалось общим уменьшением перевозок.

В четвёртом пятилетнем плане для морского транспорта увеличение его работы принято гораздо большее, чем для железно-дорожного и речного, а именно в 2,2 раза. Одновременно морской флот должен увеличиться на 600 тыс. т и составит 1,25 от 1940 г. Прирост перевозок предполагается как за счёт развития внешнеторговых связей, так и за счёт внутренних перевозок. Развитие многих районов нашей страны органически связано с ростом морского флота и развитием морских перевозок. Можно не сомневаться в том, что и в четвёртом пятилетии морские перевозки будут особенно интенсивно развиваться на Дальнем Востоке (в частности, в связи с возвращением СССР Южного Сахалина) и на севере Союза. В Балтийском море уже ясно наметилось увеличение перевозок за счёт оборота с Польшей и возрождения каботажного грузообмена между Ленинградом и портами прибалтийских республик. В Чёрном и Азовском морях перевозки будут расти в соответствии с восстановлением снабжения Украины нефтью с Кавказа, углем через Мариуполь — Одессу из Донбасса, марганцевой рудой из Поти и т. п. Наконец, на Каспии размер перевозок попрежнему будет определяться нефтяным грузопотоком. А так как добыча нефти в 1950 г. будет на 14% выше, чем в 1940 г., то можно ждать роста каспийского грузооборота в соответствующих размерах.

Кафедра экономики водного транспорта Ленинградского института инженеров водного транспорта

Е. С. Карнаухова

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СССР ЗА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ[1]

За тридцатилетний период Советский Союз добился всемирно-исторических успехов в сельском хозяйстве. Удалось осуществить то, о чём думали лучшие умы человечества: как приобщить к социализму мелкое крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности. При этом перевод мелкого крестьянского хозяйства на рельсы социалистического сельского хозяйства и создание самого крупного земледелия в мире было осуществлено быстро, без мучительного, тянущегося десятилетиями, разорения крестьянства, свойственного капиталистическому процессу концентрации в земледелии.

«Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом не только потому, что он не требовал разорения крестьян, но и особенно потому, что он дал возможность в течение нескольких лет покрыть всю страну крупными коллективными хозяйствами, использовать все агрономические достижения и дать стране побольше товарной продукции» (Сталин).

Нет сомнения, что без политики коллективизации мы не смогли бы покончить в такой короткий срок с вековой отсталостью нашего сельского хозяйства. Перевод мелкого хозяйства в крупное коллективное проходил на основе роста и укрепления дружбы рабочих и крестьян. Эта дружба особенно сильно сказалась и еще более окрепла в годы Отечественной войны, когда колхозное крестьянство проявило высокое сознание общенародных интересов и выполняло любое задание Советского правительства по обслуживанию фронта.

На основе социалистической индустриализации страны Советское правительство вооружило сельское хозяйство первоклассными сельскохозяйственными машинами. Производ-

[1] Анализ ведется в границах на 1939 г. и не включает западных областей Белоруссии, Украины и прибалтийских республик.

ство машин и тракторов уже к 1938 г. увеличилось по сравнению с 1913 г. в 29 раз; к 1938 г. вооруженность сельского хозяйства машинами возросла по сравнению с дореволюционным уровнем в 11 раз и продолжала нарастать в последующие годы. К крупнейшим заводам сельскохозяйственного машиностроения и тракторостроения уже в годы войны и в послевоенный период прибавились Алтайский, Владимирский, Липецкий тракторные заводы и Красноярский завод комбайнов. В новой пятилетке осуществляется дальнейший рост сельскохозяйственного машиностроения. Следует иметь в виду, что США, наиболее технически вооружённые из капиталистических стран, имеющие большой тракторный парк, в силу капиталистической системы хозяйства и частной собственности на землю и другие средства производства, лишены возможности рационально использовать машины. Свыше 60% хозяйств в США не имеют тракторов; выработка на 1 трактор в США в пять раз меньше, чем в СССР, где вся основная масса колхозов обслужена машинно-тракторными станциями и уже в 1938 г. 93% посевной площади колхозов обслуживалось МТС. Социалистическое сельское хозяйство является наиболее механизированным в мире.

Утверждение социалистического способа производства в сельском хозяйстве, коренное техническое перевооружение, внедрение передовой агротехники обусловили быстрые темпы развития сельскохозяйственного производства. Социалистическое сельское хозяйство развивалось по законам расширенного воспроизводства· посевная площадь к 1940 г. увеличилась по сравнению с 1913 г. на 31 млн. га (без западных областей и республик), или на 30%, в том числе под техническими культурами на 6,5 млн. га, или на 144%, огородно-бахчевыми и картофелем — на 4,7 млн. га, или на 124%, и кормовыми культурами — на 13,9 млн. га, или в 7,6 раза. Валовые сборы зерна возросли на 35%, хлопка в 3,4 раза, льна в 1,5 раза, сахарной свеклы на 87%, подсолнечника в 4,2 раза. Весь этот прирост относится по существу к годам первой, второй и частью третьей сталинских пятилеток, так как до этого периода шёл процесс восстановления сельского хозяйства, разрушенного в результате империалистической и гражданской войн.

Основным звеном подъёма животноводства было развитие общественного стада, развертывание животноводческих ферм в колхозах, строительство животноводческих совхозов и рост поголовья продуктивного скота в совхозах и колхозах, наряду с сохранением и увеличением численности скота в личном пользовании колхозников. Количество животноводческих ферм в колхозах увеличилось с 63,8 тыс. на 1/I 1932 г. до 618 тыс. на 1/I 1941 г. На колхозных фермах к 1941 г. стояло

стадо продуктивного скота в 20 млн. голов крупного рогатого скота, 41,9 млн. овец и коз, 8,2 млн. свиней и 14,4 млн. лошадей. В совхозах уже в 1938 г. насчитывалось крупного рогатого скота 3,7 млн. голов, 2,8 млн. свиней, 7 млн. овец и коз и 2 млн. лошадей. Социалистическое животноводство обеспечило такие темпы роста, что к 1938 г. был превышен уровень поголовья продуктивного скота 1916 г. на 4,3%, в том числе поголовье свиней на 46,4%, несмотря на то, что животноводство, сильно пострадавшее в период империалистической и гражданской войн и в реорганизационный период, пришлось восстанавливать дважды.

В еще большей степени увеличились фонды товарной продукции. Фонды товарного хлеба в 1940 г. увеличились по сравнению с дореволюционными на 80%, товарные фонды мяса увеличились к 1938/39 г. на 44,6%, молока на 41,1%, шерсти на 22,7%. Товарность сахарной свёклы и хлопка приближается к 100%, подсолнечника к 50%. «Высокая товарность совхозно-колхозного производства является его важнейшей особенностью, имеющей серьезнейшее значение для снабжения страны» (Сталин).

В исторически короткие сроки Советский Союз превратился в великую индустриальную и колхозную державу, располагающую мощными продовольственными и сырьевыми ресурсами. Советский Союз к 1940 г. значительно продвинулся по пути решения основной экономической задачи в области основных отраслей и культур сельскохозяйственного производства. Валовые сборы хлеба по расчету на душу населения в 1940 г. составили 130% к уровню 1909—1913 гг.; Советский Союз превратился в самую хлебную страну по производству продовольственного зерна, по сравнению с главными капиталистическими странами, несколько еще отставая от них по производству фуражного зерна. Производство хлопка на душу населения в 1940 г. увеличилось по сравнению с 1913 г. в 2,64 раза, сахарной свёклы почти в полтора раза, подсолнечных семян в 3,3 раза.

В интересах обеспечения экономической независимости и укрепления обороноспособности страны была проведена большая работа по освобождению Советского Союза от иностранной зависимости по сельскохозяйственному сырью. Сборы хлопка увеличены в 3,4 раза; создана хлопковая независимость. Только за 1933—1938 гг. производство шерсти увеличено в 4 раза. Валовые сборы основного масличного сырья — подсолнечных семян — увеличились в 4,2 раза. Повысилось производство клещевины, горчицы, кунжута; баланс маслосемян обогатился благодаря развитию новых масличных культур — сои, арахиса, лаллеманции, периллы и за счет использования семян прядильных культур—льна, хлопка, конопли. СССР превратился в экспортера растительных масел

и семян. Для отечественной пенько-джутовой промышленности организовано производство заменителей джута — кенафа и канатника. В широких масштабах внедрена культура южной конопли — заменителя импортируемых сезаля и маниллы. Посадка чайного куста произведена в размерах полного удовлетворения страны в чае. Уже к 1937 г. импорт сельскохозяйственного сырья и продуктов из него сократился в весовом отношении на 72,5%, а в ценностном — на 82,4%. К 1937 г. импорт риса и чая сокращен на 75%, джута и шерсти на 50%. Существенные размеры ввоза сохранились лишь по натуральному каучуку, хотя и появились новые культуры— каучуконосы — и заново было создано производство синтетического каучука из спирта, для получения которого сельское хозяйство обеспечило необходимую сырьевую базу.

Взамен импорта было увеличено отечественное производство ранее импортируемого сырья, было внедрено в производство много новых культур.

В исторически короткие сроки совершился процесс превращения страны из зависимой в экономически независимую; превращения односторонне развитого зернового хозяйства — в многоотраслевое всесторонне развитое социалистическое сельское хозяйство в масштабе всей страны. Коренным образом изменилась структура земледелия и структура продуктивного стада.

Структура земледелия (посевные площади в процентах к итогу)

	1913 г.	1940 г.
Зерновые культуры	89,9	73,8
Технические »	4,3	8,1
Овоще-бахчевые и картофель	3,6	6,2
Кормовые культуры	2,2	11,9
Весь посев	100,0	100,0

Структура продуктивного стада в процентах (в переводе на крупный рогатый скот)

	1916 г.	1940 г.
Крупный рогатый скот	64,6	65,1
Свиньи	11,1	15,3
Овцы и козы	24,3	19,6
Все поголовье	100,0	100,0

Коренные изменения произошли в географии сельскохозяйственного производства СССР.

Каждому общественному строю свойственны особые законы развития, свои производственные отношения, свой уровень развития производительных сил и особые закономерности их пространственного размещения.

Неравномерное развитие сельского хозяйства царской России по отраслям и районам, более быстрый рост одних от-

раслей и районов, отставание других, специализация в одном случае на производстве одного, в другом на производстве другого рыночного продукта обусловили крайне неравномерное размещение сельскохозяйственного производства на территории царской России. Создавались уродливо односторонние типы сельскохозяйственного производства: районы торговой зерновой монокультуры на юге и юго-востоке с хищнической экстенсивной распашкой земель и периодически повторяющимися неурожаями; районы экстенсивного пастбищного животноводства, не подкрепленного кормодобыванием и производством хлеба и фуража, с катастрофическими падежами скота от бескормицы; районы промышленного бахчеводства, уже в 1896 г. пережившие типичный капиталистический кризис перепроизводства; районы хлопковой монокультуры; районы, специализирующиеся на производстве одного рыночного продукта, к которому приспосабливались все другие отрасли и культуры — районы свекловичного производства, льна, подсолнечника и другие.

Социалистическая революция прекратила действие капиталистических законов развития в сельском хозяйстве.

Утверждение социалистического способа производства вызвало к жизни новые экономические законы развития, свойственные периоду социализма. Стихийное разделение труда между районами сменилось плановым размещением производительных сил, и сельского хозяйства в том числе, и новым географическим разделением труда между районами. К началу Великой Отечественной войны Советский Союз имел новое, более рациональное размещение отраслей и культур. XVIII съезд ВКП(б) выдвинул задачу комплексного развития хозяйства основных экономических районов и всестороннего развития хозяйства колхозов. Поставленная задача создания многоотраслевого, всесторонне развитого сельского хозяйства, в противоположность однобокому развитию сельского хозяйства отдельных районов царской России, являлась в известном смысле, завершающим этапом нового размещения производительных сил социалистического сельского хозяйства на территории СССР.

Сдвиги в географии зернового хозяйства

Зерновая проблема является важнейшей проблемой сельского хозяйства, ключом к решению всех других проблем сельского хозяйства. Разрешение зерновой проблемы И. В. Сталин считал исходным пунктом для решения проблем размещения и специализации сельского хозяйства по областям: «Без разрешения зерновой проблемы, без организации богатой сети складов зерна в животноводческих, хлопковых, свекловичных, льняных, табачных районах невозможно двинуть вперед жи-

вотноводство и технические культуры, невозможно обеспечить организацию специализации наших областей по культурам и отраслям».

В дореволюционной России производство зерна было размещено крайне неравномерно. В. И. Ленин, проанализировав процессы развития зернового хозяйства в пореформенной России по районам, вскрыл смещение главного центра производства зерна сначала на юг, а затем на юго-восток, на окраины, свободные от пережитков крепостничества, в районы со свободными земельными фондами, с низкой рентой и ценой на землю, и свертывание производства зерна в районах нечерноземной полосы. На этой основе сложилось и резко усилилось деление России на районы потребляющие и производящие зерно. В последующий период полностью подтвердился ленинский прогноз об основных тенденциях в размещении производства зерна в царской России: потребляющие районы неуклонно снижали чистый сбор зерна на душу населения, а производящие районы его увеличивали.

Чистый сбор зерна на душу населения в пудах

	1864—1866 гг.	1909—1913 гг.	1909—1913 гг. в процентах к 1864—1866 гг.
Потребляющие районы			
Северо-Западный	11,4	8,4	73,7
Центральный промышленный.	16,2	9,8	60,4
Закавказье	24,5	10,2	41,6
Производящие районы			
Южный степной	18,2	49,0	269,2
Нижне-Волжский и Заволжский	19,1	28,8	150,7
Предкавказье	10,1	56,8	562,3

Размещение производства зерна в социалистическом сельском хозяйстве коренным образом отличается от дореволюционного значительно большей равномерностью. Различными путями достигалось такое более равномерное размещение производства зерна. Прежде всего социалистическая система хозяйства сумела приостановить процесс снижения производства зерна на душу населения в бывшей потребляющей полосе. Этот процесс достигнут в результате напряженной борьбы колхозного крестьянства и огромной организаторской работы партии и правительства по реализации указания И. В. Сталина о создании в районах потребляющей полосы большого массива зерновых культур. На XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин говорил, что в этих районах «можно будет получить громадный район зерновых культур, могущий дать товарного зерна при

обычно большой урожайности в этих местах — не меньше, чем дает теперь Нижняя или Средняя Волга. Это было бы большим подспорьем для северных промышленных центров. Очевидно, задача состоит в том, чтобы обработать в районах потребительской полосы большой массив зерновых культур». В результате проведенной работы был обеспечен рост валовых сборов зерновых в бывшей потребляющей полосе (к 1937 г., по сравнению с 1913 г.) на Европейском Севере на 45%, в Северо-Западном на 8%, Западном на 21%, Центральном промышленном на 44% и Волго-Камском на 67%. Увеличился и чистый сбор товарного зерна на душу населения, что видно из нижеследующей таблицы.

Чистый сбор зерна на душу населения (в пуд.)

Районы	1909—1913 гг.	1933—1937 гг.	1933—1937 гг. в процентах к 1909—1913 гг.
Европейский Север	12,3	20,0	162,9
Промышленный Центр . .	13,1	17,8	135,7
Белоруссия (в границах 1938 г.)	13,8	20,2	146,1
Волго-Камский	21,2	35,0	165,3
Закавказье	10,2	13,1	121,9

Во второй пятилетке чистые сборы зерна на душу населения увеличились на Европейском Севере на 63%, Промышленном Центре на 36%, Западном районе на 46%, и так всюду по бывшей потребляющей полосе. Этим изживалось деление районов на потребляющие и производящие. Потребляющие районы, увеличив производство своего зерна, лучше себя обеспечили хлебом. «Известное деление наших областей на потребляющие и производящие тоже начинает терять свой исключительный характер» (Сталин). Повысилось производство зерна и в основных зерновых черноземных районах страны.

Рост производства зерна по южным районам

Районы	Валовые сборы 1940 г. в процентах к 1913 г.	Чистый сбор зерна на душу населения (пуд.)		
		1909—1913 гг.	1933—1937 гг.	1933—1937 гг. в процентах к 1909—1913 гг.
СССР	135,0	24,2	30,8	127,7
Центрально-Черноземный . .	127,7	27,7	37,5	135,6
Южный	120,1	33,0	33,4	101,1
Средняя и Нижняя Волга . .	131,7	29,6	53,2	179,4
Северный Кавказ	114,0	49,8	46,5	93,5

Более равномерное размещение производства зерновых культур по территории страны не снимает, конечно, вопроса о специализации районов и развитии районов высокосортного производства зерна; наоборот, развивается и укрепляется зерновое хозяйство старых житниц — Южного района, Северного Кавказа, Средней и Нижней Волги; возрождается зерновое производство в таких районах, переживавших кризис земледелия в условиях царской России, как Центрально-Чернозёмный район.

Более равномерное размещение производства зерна находит выражение также в создании новых житниц на востоке: на Урале, в Западной Сибири, Северном Казахстане, Восточной Сибири, наряду с укреплением и развитием старых житниц.

Рост производства зерна в восточных районах

Районы	Валовые сборы зерновых в 1940 г. в процентах к 1913 г.	Чистый сбор зерна на душу населения (пуд.)			
		1909—1913 гг.	1933—1937 гг.	1938—1941 гг.	1933—1937 гг. в процентах к 1909—1913 гг.
Урал	155,2	26,4	47,4	47,2	179,4
Западная Сибирь . .	201,6	21,1	46,8	58,7	221,9
Восточная Сибирь .	415,7	13,2	27,8	37,6	211,0
Весь Казахстан . .	167,8	12,8	27,7	46,5	215,7
В том числе Северный Казахстан	—	9,9	40,4	78,7	407,8

На фоне общего подъёма зернового хозяйства и повсеместного увеличения валового и чистого сбора зерна на душу населения произошло некоторое перемещение производства зерна отчасти на север и главным образом на восток. Увеличился удельный вес в валовом производстве зерна таких районов, как Волго-Камский, Средняя и Нижняя Волга, Закавказье, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Казахстан, Дальний Восток.

Характерной особенностью развития зернового хозяйства в большинстве районов Европейской части СССР являлся рост валовых сборов зерна, при сокращении, или стабилизации, посевов зерновых культур, что, следовательно, обусловлено подъёмом урожайности в зерновом хозяйстве. В восточных районах происходил сильный рост посевов зерновых одновременно с подъёмом урожайности. Повсеместно снизился удельный вес зерновых культур в общей посевной площади.

Районы	1940 г. в процентах к 1913 г.		Удельный вес зерновых в общей площади посева	
	посевные площади зерновых	валовые сборы	1913 г.	1940 г.
Европейский Север	105,1	125,6	90,8	68,8
Северо-Запад	81,7	88,3	79,0	53,2
Западный	96,2	111,1	79,5	62,0
Промышленный Центр	97,3	121,2	80,0	62,4
Волго-Камский	98,6	141,2	92,4	77,5
Центрально-Черноземный	99,5	127,7	86,0	74,8
Южный	82,3	120,1	90,6	66,8
Северный Кавказ	83,0	114,0	92,3	68,1
Средняя и Нижняя Волга	104,5	131,7	94,0	80,8
Закавказье	102,4	151,8	90,0	76,9
Урал	132,9	155,2	95,4	84,1
Западная Сибирь	184,3	201,6	94,9	83,7
Восточная Сибирь	231,6	415,8	93,3	88,6
Дальний Восток	117,1	150,2	90,4	69,8
Казахстан	149,1	167,8	93,3	85,4
Средняя Азия	110,1	128,3	75,1	56,6
СССР в целом	106,4	135,0	89,9	73,8

Следовательно, истекший период характеризуется крупными реконструктивными процессами в зерновом хозяйстве, переходом от зерновой монокультуры к многоотраслевому, всесторонне развитому, квалифицированному земледелию. Из 80 областей и республик в 1913 г. более половины имели в составе всех посевов свыше 90% зерновых культур. В 1940 г. из них лишь 6 областей сохранили еще зерновые посевы свыше 90%. Особенно ярко реконструктивные процессы видны на примере Южного района и Северного Кавказа, которые из районов зерновой монокультуры превратились в районы со структурой земледелия, приближающейся к передовому в этом отношении району — Промышленному Центру. Новая послевоенная пятилетка явится дальнейшим крупным шагом по пути структурных изменений в земледелии во всех экономических районах. Зерновое хозяйство повсеместно явится составной неотъемлемой частью рациональной системы земледелия с травосеянием и чистыми парами, и на этой основе будет обеспечен новый крупный рост урожайности и валовых сборов зерновых культур.

Основной зерновой культурой Советского Союза является **пшеница.** Советский Союз издавна славился своими пшеницами на мировом рынке. Первоклассные сорта русских твердых пшениц, высокое содержание протеина, прекрасные хлебопекарные качества русских пшениц заслуженно завоевали себе мировую славу. Многократные исследования учёных показывают, что по качеству русские пшеницы превосходят лучшие канадские сорта пшеницы, такие, как сорт «Монитоба» и др. Совершенно естественным является большой спрос на русские пшеницы на мировом рынке. Улучшение материального положения трудящихся Советского Союза уси-

лило внутренний спрос на пшеницу. За истекший период произошли следующие изменения в структуре зернового баланса страны: повысился удельный вес пшеницы, бобовых, кукурузы, проса; снизился удельный вес ржи. Процесс замены посевов ржи посевами пшеницы отражал рост материального положения трудящихся.

К 1940 г. из 100 млн. га посевов зерновых было занято посевами озимой и яровой пшеницы 38,5 млн. га. Площадь пшеницы увеличилась по сравнению с 1913 г. на 22%, а валовые сборы на 48%; при этом прирост падает главным образом на озимую пшеницу: в то время как посев яровой пшеницы к 1940 г. увеличился по сравнению с 1913 г. на 5% и валовой сбор на 23%, посев озимой пшеницы за тот же период увеличился на 77%, а валовые сборы более чем удвоились.

Пшеничное хозяйство Советского Союза представлено в посевных площадях на $^2/_3$ яровыми и на $^1/_3$ озимыми пшеницами, а в валовых сборах на 60% яровой пшеницей и на 40% озимой.

Озимая пшеница в дореволюционной России сосредоточена была в юго-западной части Украины, в Крыму, на Северном Кавказе и в Туркестане, где она занимала положение ведущей зерновой культуры. Быстрый рост производства озимой пшеницы в СССР сопровождался перемещением её производства в новые районы — на север и восток от своих первоначальных гнёзд; озимая пшеница превратилась в ведущую зерновую культуру почти всей Украины, за исключением её северной части, всего Северного Кавказа, Средней Азии, вытеснив, в качестве ведущей зерновой культуры юга ячмень, потеснила к востоку и северу яровую пшеницу. Южный район, Северный Кавказ, Закавказье и Средняя Азия превратились в основные озимопшеничные базы Советского Союза; в них было сосредоточено накануне Отечественной войны 86% посевов озимой пшеницы и 88% её валовых сборов; здесь озимая пшеница занимает положение ведущей зерновой культуры. Одновременно с укреплением, развитием и расширением основных озимопшеничных баз происходил процесс продвижения посевов озимой пшеницы в новые, более северные районы, в районы нечерноземной полосы. Здесь, в бывшем «ржаном царстве», по существу заново освоена культура озимой пшеницы; посевы озимой пшеницы увеличились по сравнению с дореволюционным временем более чем в 10 раз. Так, Европейский Север увеличил посевы озимой пшеницы в 7 раз, Северо-запад в 19 раз, Промышленный Центр в 11 раз, Волго-Камский район в 60 раз и т. д. К 1940 г. в нечерноземных районах Запада СССР сеялось озимой пшеницы около 500 тыс. га.

Продвижением озимой пшеницы в новые районы снижен удельный вес основных озимопшеничных баз с 95% в 1913 г. до 86% в 1940 г.

Яровопшеничными базами в царской России были Украина, Средняя и Нижняя Волга, Северный Кавказ, Урал, Западная Сибирь, Казахстан. В них было сосредоточено почти $^9/_{10}$ всех посевов яровой пшеницы.

Посевные площади яровой пшеницы (в процентах)

	1913 г.	1940 г.
СССР	100,0	100,0
В том числе		
Южный район	23,0	3,2
Средняя и Нижняя Волга	20,1	20,6
Урал	13,9	18,8
Северный Кавказ	11,2	4,0
Западная Сибирь	10,7	19,4
Казахстан	9,9	12,7

Главнейшие изменения в размещении производства яровой пшеницы за советский период выразились: 1) в укреплении и развитии яровопшеничных баз в восточных районах; яровая пшеница превратилась в ведущую зерновую культуру во всех без исключения областях и республиках Востока, кроме Средней Азии; 2) в свертывании яровопшеничного хозяйства в Южном районе и на Северном Кавказе, где яровая пшеница уступила место более урожайной озимой пшенице и техническим культурам. Эти районы выбыли из состава основных яровопшеничных баз СССР; 3) вместе с тем посевы яровой пшеницы продвинулись далеко на север, в «ржаное царство», ликвидировав, совместно с озимой пшеницей, белое пшеничное пятно в центре Европейской части СССР. Посевные площади яровой пшеницы составили в 1940 г. в Европейской нечерноземной полосе СССР около 1,5 млн. га вместо 250 тыс. га в 1913 г., увеличившись в 6 раз.

Таким образом произошло значительное перемещение производства яровой пшеницы на север, а главным образом в восточные районы — Урал, Западную Сибирь, Казахстан. Эти районы вместе со Средней и Нижней Волгой, прочно закрепившей у себя яровопшеничное земледелие, являются основными яровопшеничными базами СССР, производя $^3/_4$ яровых пшениц Советского Союза.

Рожь в царской России была наиболее распространенной культурой. Рожь занимала положение главной зерновой культуры в 40 губерниях Европейской части России из 50 губерний. Уже в условиях царской России русское «ржаное царство», охватывавшее всю Европейскую часть, кроме крайнего севера и степного юга, было потеснено пшеницей, ячменём, кукурузой. В условиях Советского Союза посевы ржи в целом по стране и по всем экономическим районам Европейской части СССР сокращались. Расширение посевов ржи имелось на востоке — Урале, Сибири, Дальнем Востоке. Произошло, следовательно, некоторое смещение производства ржи на восток, хотя основными базами производства ржи попрежнему служат Центр, Южный район, Поволжье. В основную базу производства ржи превратился и Урал.

Продвижение зерновых культур в новые районы, создание новых союзных зерновых баз в годы мирного строительства можно проследить на примере почти каждой зерновой культуры. Рисосеянием, например, до революции занимались в Средней Азии, Закавказье, отчасти Казахстане. Работа по продвижению культуры риса в новые районы привела к созданию новых рисосеющих баз. Посевы риса на Дальнем Востоке достигли достаточно крупных размеров, и есть все необходимые условия для дальнейшего рисосеяния на Дальнем Востоке; один Приморский край может стать рисовой житницей всего СССР и обеспечить экспорт риса. Климатические и почвенные условия дельты и поймы Волги вполне пригодны для возделывания риса, и в годы сталинских пятилеток здесь организованы посевы риса. В высокоурожайную и доходную культуру превратился рис на Кубани и в других районах Северного Кавказа. Посевы риса достигли здесь в 1940 г. уже 14 тыс. га. Освоено производство риса и на Украине.

Посевы кукурузы к 1940 г. увеличились почти вдвое, а валовые сборы в 3,2 раза по сравнению с 1913 г. Производство кукурузы продвинуто в Центрально-Черноземный район, на Среднюю и Нижнюю Волгу, Урал; увеличено производство кукурузы в Южном районе, Северном Кавказе и Закавказье, где производится 95% всей кукурузы; особенно возросла роль кукурузы на Северном Кавказе.

Новая география производства зерна, сложившаяся за годы мирного строительства, выдержала суровую проверку в ходе Великой Отечественной войны. Создание новых зерновых житниц на Востоке, развитие зернового хозяйства по всей Волге, усиление производства зерна в бывшей потребляющей

нечерноземной полосе и республиках Средней Азии и Закавказья явились той заранее созданной предпосылкой к активной обороне, благодаря которой Советскому Союзу удалось в период войны без серьёзных перебоев снабжать многомиллионную страну и армию хлебом. В годы войны созданная на востоке вторая житница превратилась в основную базу снабжения страны и армии хлебом. Бывшая потребляющая полоса увеличила в годы войны производство хлеба по расчету на душу населения; её зерновое хозяйство на деле явилось большим подспорьем для промышленных центров страны и поддержания жизненного уровня трудящихся города, стала ближайшим хлебным «арсеналом» для армии.

Вторая группа потребляющих по зерну районов — республики Средней Азии и Закавказья в период войны из года в год увеличивали производство хлеба и в абсолютных размерах и по расчету на душу населения, увеличивали хлебные ресурсы страны.

Вторая мировая война нанесла крупный ущерб зерновому хозяйству Советского Союза. Было разрушено хозяйство основных житниц Советского Союза — Украины, Дона, Кубани; было подорвано производство хлеба в основных озимопшеничных базах Советского Союза. Крупный ущерб был нанесен и яровопшеничному хозяйству. Советскому Союзу предстоит разрешить большие задачи по восстановлению зернового хозяйства и его дальнейшему развитию. Закон о пятилетием плане и решения Февральского пленума ЦК ВКП(б) дали развернутую программу работ по подъёму зернового хозяйства. Главнейшие линии размещения по районам зернового хозяйства в целом и по отдельным культурам заключаются в восстановлении и дальнейшем развитии основных баз производства зерна, как они сложились к началу Отечественной войны, в дальнейшем развитии тех прогрессивных изменений в размещении зерновых культур по районам СССР, которые выявились в довоенный период. Разработанная В. И. Лениным теория размещения зернового хозяйства получила свое дальнейшее развитие в работах И. В. Сталина. Марксистская теория развития и размещения производства зерна, разработанная для периода социализма И. В. Сталиным, освещает пути послевоенного развития зернового хозяйства по районам СССР.

Сдвиги в географии технических культур

Советский Союз получил в наследие от царской России производство сырьевых культур, мало увязанное с размещением промышленности и с районами потребления продуктов их переработки. Достаточно, например, указать, что в погоне за максимальной прибылью крупнейшие предприятия пенько-

джутовой промышленности были сосредоточены в Ленинграде, Одессе, Архангельске, а сырьевая их база — производство сырья и первичная обработка — была расположена далеко отсюда, в Черноземном Центре, в местах громадной резервной армии труда, в местах дешёвой рабочей силы. Текстильная промышленность была сосредоточена целиком в Центре, а ее сырьевая база — в Закавказье и Средней Азии, где не имелось ни одного текстильного предприятия. При огромной протяженности территории России производство сахарной свёклы было сосредоточено свыше чем на 50% в двух губерниях — Киевской и Подольской, где её засевалось 311 тыс. га из общей площади в 613 тыс. га. Основная масличная культура — подсолнечник — по существу была сосредоточена в трёх губерниях — Кубанской, Саратовской, Воронежской, где засевалось 650 тыс. га из 809 тыс. га, или 80% всего посева культуры подсолнечника в России.

За годы мирного строительства существенно видоизменился процесс развития и размещения технических культур по сравнению с царской Россией. Темпы роста технических культур значительно опережали темпы роста всех посевов и зерновых, овоще-бахчевых и картофеля, в результате чего удельный вес технических в общей площади посева повысился с 4, 3 до 8,1%, отражая процесс интенсификации советского земледелия. Характерной чертой является более быстрый рост технических культур в окраинных национальных республиках и районах, что отражает политику партии и правительства на подтягивание отставших в прошлом районов и республик к уровню передовых. Так, в 1913 г. наибольший удельный вес технических культур — свыше 5% — имелся лишь в 8 областях Центра и Северо-Запада, в четырех северных областях Украины, в Закавказье и Средней Азии. В послереволюционный период наибольшие темпы роста технических культур переместились на окраины, в районы, отставшие в развитии технических культур. Так рост технических культур в 1940 г., в процентах к 1913 г., составил в целом по СССР 242, 6% (по сопоставимой территории в границах 1939 г.), в том числе:

Дальний Восток	446%
Западная Сибирь	357 »
Северный Кавказ	324 »
Казахстан	308 »
Средняя и Нижняя Волга	307 »
Южный район	304 »
Европейский Север	252 »
Средняя Азия	248 »

Наибольшей плотности технические культуры к 1940 г. достигли в Средней Азии, на Дальнем Востоке, в Закавказье, на Северном Кавказе, Украине, в Центре и Белоруссии.

Состав технических культур обогатился посевами многих южных культур: сои, кунжута, арахиса, клещевины, судзы, сафлора, масличного мака, чуфы, тунгового дерева, маслины, южной конопли, кенафа, канатника, рами, джута, каучуконосов (кок-сагыза, крым-сагыза, тау-сагыза, хондриллы), гваюлы, эйкомии, цикория, белой горчицы. Освоение эфиромасличных — аниса, кориандра, мяты, герани, шалфея, тмина и других, так же как и введение в культуру лекарственных культур, почти полностью должно быть отнесено к периоду советской власти.

Изменение видового и сортового состава сырьевых технических культур, обогащение сырьевого баланса страны большим рядом новых культур и превращение советского растениеводства в многогранное сопровождались ростом основных сырьевых культур, освобождением СССР от иностранной зависимости. Увеличились посевы, выросли валовые сборы. В 1940 г. Советский Союз собирал с социалистических полей 2 700 тыс. т хлопка-сырца, 21 млн. т сахарной свеклы, 6 млн. ц льно-волокна, 3,3 млн. т подсолнечных семян. Площадь технических культур, по территории в границах 1939 г., увеличилась с 4 550 тыс. га до 11 039 тыс. га, т. е. на 6,5 млн. га. Неузнаваемо изменилась география производства сырьевых культур в СССР.

Рассмотрим новое размещение технических культур на примере хлопчатника, сахарной свёклы, льна и подсолнечника.

Хлопчатник. На первых этапах развитие хлопчатобумажной промышленности в России происходило вне связи с развитием отечественного производства хлопка. Оно опиралось на ввозимые из-за границы хлопок-сырец и пряжу. И лишь много позднее производство хлопка в России сомкнулось с развитием хлопчатобумажной промышленности, однако даже к концу прошлого столетия исследователи в царской России справедливо писали, что «еще далеко то время, когда русские бумагопрядильные и ткацкие фабрики будут перерабатывать свой хлопок». Царской России так и не удалось разрешить эту важную для народного хозяйства проблему. Вплоть до 1913 г. импорт хлопка возрастал.

Разведение хлопчатника ограничивалось районами Туркестана и Закавказья. Здесь он возделывался с древнейших времен на клочках земли, не занятых посевами первой необходимости, был низкого качества и использовался по преимуществу на приготовление местных тканей. Проникновение и развитие капитализма в земледелие в областях хлопководства внесло крупные изменения: хлопок превратился из культуры местного потребительского значения в товарную рыночную культуру с вывозом в промышленные районы; обнаружился бурный рост производства хлопка и приспособление его качества к требованиям промышленности, сложилась специализация сельского хозяйства на производстве хлопка, образовались районы монокультуры хлопка. Достаточно сказать, что к началу первой мировой войны в четырех губерниях Туркестана и трёх губерниях Кавказа было сосредоточено 441 тыс. га, или 98,3% всех хлопковых посевов России. В Фергане из общей площади посевов на поливе и на богаре хлопчатником было занято 45,3%, а на поливных землях и того больше.

Оправившись после разрушений, вызванных империалистической и гражданской войнами, советское хлопководство очень быстро пошло в гору, и посевы хлопчатника возросли с 688 тыс. га в 1913 г. до 2 076 тыс. га

в 1939 г., или втрое, а валовые сборы в 1939 г составили к 1913 г. 374%. На этой основе Советский Союз освободился от импорта хлопка и развернул его экспорт.

В географии хлопководства произошли крупные изменения. В его основных базах — Средней Азии и Закавказье — увеличилось число орошаемых оазисов, улучшилось использование орошаемых земель. Широко известно всенародное движение в борьбе за воду в Средней Азии. Печать трудовой доблести лежит на таких народных стройках, как Ферганский канал. На этой основе укрепились крупнейшие хлопковые базы СССР Посевные площади здесь увеличились против уровня 1913 г. на 778 тыс. га, или в 2,2 раза. Валовые сборы увеличились ещё больше, в 3,3 раза. В хлопкосеяние вовлечены новые районы, новые колхозы Средней Азии и Закавказья.

Одновременно с укреплением и развитием основных хлопковых баз Советского Союза проведена большая работа по продвижению хлопчатника в новые районы: развертывание широкой сети географических посевов, развитие опытной работы по освоению хлопчатника в новых экологических условиях, разработка приемов возделывания, выведение новых сортов, огромная организаторская работа партии и правительства, упорная работа колхозного крестьянства — всё это обеспечило расширение ареала распространения хлопчатника в СССР

Сосредоточенный до революции лишь в Средней Азии и Закавказье, хлопчатник продвинут на запад и северо-запад от своих первоначальных гнезд — на Нижнюю Волгу, Северный Кавказ, Украину и Крым, а в самой Средней Азии в новые районы на север, в Казахстан. Со сказочной быстротой хлопчатник из новой культуры превратился в ряде районов в главную техническую культуру. В хозяйственных масштабах освоено хлопководство на богатых землях Северного Кавказа, Украины, Крыма, посевы на богаре и в новых районах в 1939 г. достигли 23,5% союзных площадей и составили свыше полумиллиона гектаров, почти сравнялись по размерам с дореволюционными размерами посевов хлопчатника основной хлопковой базы — Средней Азии. Во всех районах господства зерновой культуры сформировался новый тип хозяйства с новым соотношением отраслей. Созданием новых районов хлопководства снижен удельный вес среднеазиатских и закавказских республик, хотя они попрежнему остались основными хлопковыми базами Советского Союза и сосредоточивают 74,8% посевов и 91,4% валовых сборов хлопка.

Фашистские захватчики, оккупировав временно Украину, Кубань, Дон, разрушили новую, созданную за годы мирного строительства хлопковую базу Советского Союза. Залечивая раны, нанесённые войной, колхозное крестьянство ликвидирует последствия фашистского хозяйничанья, медленно, но неуклонно восстанавливает посевы хлопка в новых районах, поднимает урожаи хлопка в основных хлопковых базах страны. Советский Союз располагает крупными ресурсами для дальнейшего роста хлопководства и в старых и в новых районах. Прогрессивные тенденции довоенного размещения хлопководства будут развиты в послевоенные годы.

Лен-долгунец издавна являлся важнейшей после хлеба культурой, распространен повсеместно; им и пенькой удовлетворялись все неотложные первые потребности, он был одним из важнейших предметов заграничного торга еще во времена цветущего состояния Новгорода. Уже в 60-х годах прошлого столетия Вильсон выделяет льняное пространство на Балтийском побережье, в бассейне рек Западной Двины, Северной Двины и промышленных губерниях Центра. Пореформенный период характеризовался быстрыми темпами роста производства льна и связан был с развитием экспорта, развитием отечественной льняной промышленности и проникновением капитализма в земледелие. В 90-х годах прошлого столетия вполне сформировался район торгового льноводства в составе девятнадцати губерний, как отмечает В. И. Ленин. В последующий период промышленное льноводство распространилось в восьми новых губер-

ниях. К 1919 г. производство льна было локализовано: в северном гнезде по преимуществу на волокно, в западном и центральном — на волокно и семя и в южном возделывался лен-кудряш — на семя.

Производство льна в СССР характеризуется крупным ростом посевов и валовых сборов и значительными изменениями в географии льноводства. Посевы льна увеличились в 1940 г. по сравнению с 1913 г. (по территории СССР к началу 1940 г.) с 1 015 тыс. га до 1 821 тыс. га, т. е. почти на 80%, а валовые сборы в полтора раза. Наибольшие темпы роста льна дали такие районы, как Сибирь, Европейский Север, Белоруссия. Заново организовано производство льна на Украине, которая по величине сборов льноволокна обогнала и Урал и Западную Сибирь. Следовательно, главнейшие географические изменения в производстве льна выразились в продвижении его на юг, на север, на северо-запад и на восток за Урал, в Сибирь. Однако основными базами производства льноволокна остались Промышленный Центр, Северо-Западный район, Белоруссия. Они производили в 1940 г $^2/_3$ льноволокна.

Для огромного большинства районов нечерноземной полосы лен является ведущей технической культурой, определяет направление хозяйства и является главным денежным доходом колхозов и колхозников. Возможности развития льноводства в нечерноземной полосе Европейской части еще не исчерпаны, равным образом имеются ресурсы для развития льноводства в Сибири. Включение в состав СССР прибалтийских республик с широким развитием в них льноводства, с высоким душевым производством льноволокна явилось пополнением и расширением льноводных баз Советского Союза.

Сахарная свекла. Свекловичное производство царской России, возникнув на базе крепостнического труда в районах господства крепостнических отношений, постепенно развилось в капиталистическое производство и, обнаружив быстрые темпы развития, переместилось в районы, дающие наивысший доход. Накануне первой мировой войны центром свекловичного производства явились губернии: Киевская, Подольская, Волынская, Курская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, отчасти Воронежская. В этих восьми губерниях было сосредоточено 93% посевов сахарной свеклы и 96% валовых сборов её. Сложились специализированные районы свекловичного производства.

На основе социалистической системы хозяйства в СССР за годы мирного строительства к 1940 г. произошли крупные изменения и в свеклосахарном производстве. Крупным ростом посевов сахарной свеклы и превышением довоенного уровня урожайности почти удвоены валовые сборы, увеличена и укреплена сырьевая база сахарной промышленности. Изменилось размещение сахарной свеклы. В противоположность капиталистическому процессу концентрации свекловичного производства в немногих трех — пяти губерниях, в СССР процесс размещения сахарной свёклы на территории характеризуется как процесс рассредоточения её производства. Наибольшие темпы роста посевов свёклы дали Северный Кавказ, Средняя и Нижняя Волга, Центрально-Черноземный район, Промышленный Центр. Посевы сахарной свёклы продвинуты в новые районы — Киргизскую, Казахскую ССР, Сибирь, Дальний Восток, Закавказье, Среднюю Азию. В пределах Южного и Центрально-Черноземного района производство свёклы переместилось к северу. В 1940 г. УССР явилась основным производителем свеклы, имея 68% посевов и 71% валовых сборов свёклы, но она уже перестала быть монополистом свеклосахарного производства. Посевы свёклы в новых районах в 1940 г. достигли 9,2%, а валовые сборы 10,6% союзного производства. За 1930—1940 гг в новых районах построено 11 сахарных заводов.

В годы Великой Отечественной войны, в связи с оккупацией фашистами основной свекловичной базы, усилился процесс перемещения производства сахарной свеклы в новые районы — на север, на юг и главным образом на восток. В свеклосеяние включилось 38 областей и республик, ранее

не возделывавших её. В новых районах свеклосеяния в годы войны было построено 13 сахарных заводов и начато строительство ещё трёх заводов, т. е. больше, чем за 10 лет мирного строительства. Следовательно, годы Отечественной войны внесли дальнейшие крупные изменения в географию свеклосеяния. Продолжался дальнейший процесс рассредоточения свекловичного производства. И в послевоенные годы, наряду с центральной задачей восстановления свеклосахарного производства в освобождённых районах, будет продолжена работа по укреплению и развитию свеклосахарного производства на Востоке, где, как учит опыт Отечественной войны, должна быть создана вторая в Союзе крупнейшая база свеклосахарного производства. Ресурсы для этих целей на Востоке имеются, как то показывают исследования Академии наук по Уралу, Казахстану, Сибири, Волге. В интересах разрешения проблемы приближения районов производства к районам потребления вполне правомерна постановка вопроса о развитии свеклосеяния и свеклосахарного производства в каждом экономическом районе, где возможно возделывание свеклы по экономическим и природным условиям. Свеклосеяние на небольших площадях с переработкой свеклы на небольших предприятиях местной промышленности — новое явление периода Отечественной войны — получило распространение во многих районах и вносит коррективы в географию свеклосеяния.

Подсолнечник. В составе масличных культур подсолнечник занимает основное место, ему принадлежало в 1940 г. 70% всех посевных площадей масличных культур. Подсолнечник имеет довольно короткую, но яркую историю своего развития в России. Впервые в промышленных целях он начал разводиться в 50-х годах прошлого столетия; к 80-м годам он по размерам производства сравнялся с рапсом, репаком и сурепкой, вместе взятыми, начал вытеснять и их и лен-кудряш и к 1913 г. занял в составе масличных культур господствующее положение. В трёх губерниях — Воронежской, Кубанской, Саратовской — было сосредоточено 650 тыс. десятин, или 80% его посевов в России. Сложились районы торгового подсолнечника.

В Советском Союзе посевы подсолнечника быстро увеличивались и к 1940 г. превысили довоенный уровень 1913 г. на 2,4 млн. га, достигнув 3 341 тыс. га, и оказались почти в 3,5 раза выше довоенного, а валовые сборы достигли на сопоставимой территории СССР в границах 1939 г. 31,1 млн. ц. Унаследованное высококонцентрированное размещение подсолнечника в трех — пяти губерниях царской России за советский период существенно видоизменилось. Посевы подсолнечника широко продвинуты на запад, юг, восток и северо-восток от первоначальных гнезд подсолнечника — Саратовского, Воронежского, Кубанского. Подсолнечник занял положение ведущей технической культуры в посевах почти по всему Югу, на Южном Урале и в Северном и Центральном Казахстане, образуя широкий пояс, ограниченный с юга посевами хлопка, а с севера посевами сахарной свеклы, конопли, льна. Сформировалось украинское гнездо посевов подсолнечника. Подсолнечнику уступил свое место лен-кудряш, сместившись на Среднюю и Нижнюю Волгу и в Среднюю Азию; в период войны центром производства льна-кудряша оказалась Средняя Азия.

Ясно выраженная тенденция продвижения посевов подсолнечника на север, восток и юг находит выражение в распространении посевов его в таких областях и республиках, ранее не сеявших подсолнечника, как Горьковская, Чувашская, Татарская, Свердловская, Челябинская, Крымская, Новосибирская, Омская, республики Средней Азии, Закавказья и др.

Наиболее быстрыми темпами посевы подсолнечника увеличивались в новых районах. Так, при среднесоюзном росте посевов подсолнечника в 3,5 раза, в Закавказье они увеличились в 40 раз, на Урале в 29 раз, на Украине и в Промышленном Центре в 10 раз, в Западной Сибири и Казахстане в 9 раз, а в основных аборигенных гнездах Воронежской области лишь на 38%, Краснодарском крае на 10%, Саратовской области на 58%.

Изменения удельного веса районов в производстве важнейших сырьевых культур в СССР в границах 1939 г. (валовые сборы)

Районы	Хлопок		Лен-долгунец		Сахарная свекла		Подсолнечник	
	1913	1939	1913	1940	1913	1940	1913	1940
Европейский Север	—	—	4,2	6,6	—	—	—	—
Северо-Западный	—	—	7,6	7,8	—	—	—	—
Западный	—	—	7,4	7,4	—	—	—	—
Волго-Камский	—	—	15,5	12,3	—	—	0,3	0,2
Промышленный центр	—	—	48,7	45,5	0,5	0,7	0,2	0,2
Центрально-Черноземный	—	—	1,7	1,0	16,8	17,2	32,5	17,0
Южный	—	4,1	—	6,6	82,0	71,5	9,4	32,6
Средняя и Нижняя Волга	—	0,2	—	0,1	—	0,8	18,2	12,5
Урал	—	—	9,3	4,6	—	0,0	0,7	3,4
Северный Кавказ	—	4,3	—	—	0,7	1,9	35,7	30,4
Закавказье	11,1	9,3	—	—	—	0,5	0,03	0,6
Западная Сибирь	—	—	3,5	6,8	—	1,5	1,1	1,2
Восточная Сибирь	—	—	0,4	1,3	—	—	—	0,0
Дальний Восток	—	—	1,7	0,0	—	0,3	0,9	0,1
Казахстан	2,0	4,5	—	—	—	2,4	1,0	1,7
Средняя Азия	86,9	77,6	—	—	—	3,2	—	0,1
СССР	100	100	100	100	100	100	100	100

Посевы горчицы, сосредоточенные в основном на Средней и Нижней Волге, широко продвинулись на север, запад, восток. Вновь освоенная в производстве клещевина размещена на юге и юго-востоке СССР. Заново освоено производство южной конопли на Украине, Северном Кавказе, Казахстане и Средней Азии, кенафа на Северном Кавказе, в Средней Азии, рами в Закавказье, каучуконосов по многим районам Европейской части СССР и в Казахстане. Много других культур не только освоено в производстве, но и в плановом порядке размещено на территории СССР.

Таким образом, сдвиги в размещении технических культур направлены к большему рассредоточению их производства на территории СССР, к созданию новых союзных сырьевых баз, приближению производства технических культур к районам потребления, к промышленности, размещенной теперь более равномерно на территории СССР. На этой основе в новых районах создаются новые типы специализированных, всесторонне развитых хозяйств вокруг промышленных предприятий, работающих на сельскохозяйственном сырье; создаются новые, вторые и третьи, союзного значения сырьевые базы. Так, за годы мирного строительства созданы были новые хлопковые базы на Украине, Северном Кавказе, Поволжье, Казахстане, Киргизии; новые свекловичные базы на Дальнем Востоке, в Закавказье, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Западной Сибири, на Средней и Нижней Волге; новые льноводные базы на Украине, в Сибири; новые базы клещевины на Украине,

Северном Кавказе, в Поволжье; базы подсолнечника на Украине, в Казахстане, Сибири, на Урале; базы новолубяного сырья в Киргизии, Казахстане, Северном Кавказе, Украине и многие другие. И в области производства сельскохозяйственного сырья, следовательно, выступает та же закономерность более равномерного размещения производства сырья на территории СССР, но выступает эта закономерность в другой форме, а именно—в создании, подобно промышленным предприятиям-дублерам, новых сырьевых баз. Великая Отечественная война явилась суровой проверкой и оценкой сдвигов в размещении технических культур. Война показала, что огромные усилия советского народа, колхозного крестьянства по созданию новых сырьевых баз, по освоению культур в новых районах не пропали даром, они оправданы всем ходом войны. Война вместе с тем показала, что эти прогрессивные изменения в размещении технических культур, рассредоточение их производства, создание новых сырьевых баз в новых районах еще недостаточны по темпам и должны быть усилены в перспективе, а восстановление сельскохозяйственного производства и производства технических культур в районах, освобожденных от оккупантов, должно производиться с учетом задач более равномерного размещения производства сырья на территории СССР.

Сдвиги в географии продуктивного животноводства

Послереформенное полстолетие царской России (1864—1914 гг.) характеризовалось крайне медленным ростом продуктивного стада, уменьшением численности его по расчету на душу населения, усилением в составе продуктивного стада доли южных и юго-восточных районов, с одной стороны, и западных и северо-западных районов — с другой.

Районами, наиболее богатыми продуктивным скотом по расчету на душу населения, были южные и юго-восточные районы, и происходил процесс смещения этих районов дальше на восток и юго-восток. В. И. Ленин писал: «Если взять количество всего скота на 100 жителей, то окажется, что в России оно всего больше в степных окраинах, всего меньше — в нечерноземной полосе («Сельское и лесное х-во», 274); окажется, что во времени это количество уменьшается («Произв. силы», III, 6; ср. Ист. Стат. обзор 1). Здесь наблюдается, следовательно, то же самое, что отметил еще Рошер, именно, что количество скота на единицу населения оказывается всего больше в местностях «экстенсивного скотоводства» (Ленин, т. III, стр. 197—198).

Дореволюционное размещение крупного рогатого скота по материалам 90-х годов ярко охарактеризовано В. И. Лениным в его работе «Развитие капитализма в России». Согласно этому анализу, на крайнем юге и юго-востоке России утвердилась самая экстенсивная форма скотоводства, именно — нагульное мясное скотоводство.

Севернее рогатый скот получает значение рабочей силы; в средней черноземной полосе он становится машиной, производящей навозное удобрение. Наконец, севернее, в губерниях прибалтийских, западных, северных, про-

мышленных, частью центральных, животноводство приобретает молочно-хозяйственное направление.

В последующий период эволюция скотоводства полностью подтверждает ленинский анализ размещения крупного рогатого скота, и в 1914 г. районами, наиболее богатыми крупным рогатым скотом, были юго-восточные и восточные. Произошло дальнейшее смещение районов экстенсивного, нагульного скотоводства на юго-восток.

В 1914 г. на 100 душ населения по России приходилось 29,6 голов крупного рогатого скота, а в Степном районе 86,1, Восточной Сибири 74,3, Западной Сибири 61,7, Предкавказье 53,3.

Развились выделенные В. И. Лениным районы товарного молочного хозяйства, и усилилась их специализация на производстве молока. В дополнение к этим районам прибавились новые районы торгового молочного хозяйства — сибирского маслоделия.

Развитие свиноводства несомненно уступало молочному хозяйству и разведению крупного скота. Оно составляет второстепенную, но повсюду распространенную отрасль животноводства. Свинья разводилась в потребительских целях низкого качества. Вывоз за границу был незначительным, сокращался во времени. Рост поголовья свиней был крайне медленным и опережался ростом населения. Начала складываться специализация на производство свинины лишь в западных, юго-западных губерниях и Черноземном Центре, где усилилось внимание к улучшению породы свиньи, откорму свиней на сало и приготовлению колбас, окороков, сала для снабжения промышленных центров.

Для многих районов России овцеводство составляло важнейшую отрасль хозяйства. Большое значение оно имело для южных и юго-восточных областей и среднеазиатских степей. Здесь количество овец по расчету на 100 жителей достигало наибольшей величины и постепенно убывало к северу и западу. В Европейской России поголовье овец не только не увеличилось, а за пореформенное полстолетие сократилось на 13%, и происходил, следовательно, процесс перемещения овцеводства на юго-восток и восток. Происходило перемещение и мериносового овцеводства с юго-запада на юго-восток и резкое его сокращение (с 11,8 млн. голов в 60-х годах до 4,5 млн. голов в 1913 г.).

В целом по Европейской части России в структуре продуктивного стада увеличилась доля крупного рогатого скота и снизилась доля свиней и овец.

Социалистический способ производства внес коренные изменения в развитие животноводства по стране в целом и по отдельным экономическим районам. При рассмотрении вопроса нельзя упускать из виду, что за истекший период животноводство, разрушенное империалистической и гражданской войной, и в реорганизационный период пришлось восстанавливать дважды, и после фашистского нашествия восстанавливается за исторически короткий период уже третий раз; следовательно, для развития животноводства создались трудные условия. Во-вторых, за разрешение животноводческой проблемы наши районы взялись несколько позднее, после того как успешно была разрешена зерновая проблема, а потому все преимущества социалистической системы хозяйства на животноводстве начали сказываться значительно позднее, и результаты нового способа производства в силу особенностей естественного воспроизводства поголовья скота еще не сказались в полной мере.

Важнейшими процессами, характеризующими развитие животноводства в СССР, являются быстрые темпы расширенного воспроизводства стада, высокая товарность животноводства, особенно животноводства совхозов и колхозов, крупный рост фондов товарной продукции животноводства, обеспечивших возросшие продовольственные нужды страны и создание серьезных резервов, интенсификация животноводства, усиление роли крупного рогатого скота молочного направления и свиней в продуктивном стаде.

Структурные изменения в стаде продуктивного скота характеризуются следующими данными (в процентах на летнюю дату)

Годы	Кр. рог. скот	Свиньи	Овцы и козы
1916	64,6	11,1	24,3
1940	65,1	15,3	19,6

Наиболее интенсивные формы животноводства — свиноводство и молочное скотоводство — получили более быстрое развитие и увеличили свою долю.

Важнейшие изменения произошли в географии продуктивного стада. Для анализа нами взяты данные переписи 1916 и 1938 гг., а для сопоставления с летним поголовьем 1916 г. нами исчислено по областям и районам поголовье скота 1938 г. на летнюю дату. Пользуясь этими данными, а также показателями развития молочного хозяйства, маслоделия и сыроварения в царской России, приведенными В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», мы вскрываем следующие главнейшие изменения в развитии и географическом размещении скотоводства.

К 1938 г., по сравнению с 1916 г., Белоруссия увеличила стадо крупного рогатого скота на 60%, Украина на 28%, Закавказье на 23%, Волго-Камский район на 20%, Промышленный Центр на 19% и Центрально-Черноземный район на 14%. Европейский Север, Северо-Запад, Урал, Восточная Сибирь лишь достигли поголовья скота 1916 г. Остальные районы еще не восстановили стадо до уровня 1916 г., Северный Кавказ, Средняя Азия и особенно Казахстан отстали в восстановлении стада. На этой основе усилилась в скотоводстве роль западных, центральных и южных районов Европейской части СССР.

Районами, наиболее богатыми крупным рогатым скотом по расчету на душу населения, как и в дореволюционной России, остались юго-восточные и восточные — Западная Сибирь, Казахстан, Закавказье, Восточная Сибирь, Северный Кавказ. Однако, вследствие медленных темпов восстановления стада, они снизили свой удельный вес в союзном поголовье. Юго-восточные районы — районы по преимуществу мясного скотоводства; произошло, следовательно, некоторое свертывание последнего. Недовосстановление здесь поголовья крупного рогатого скота не является закономерностью для всего СССР; связано оно с наибольшим падением животноводства в реорганизационный период именно в этих районах, с недоиспользованием естественной кормовой базы, а также с необходимостью специфических организационных форм животноводства, связанных с особенностями кормовой базы. Преодоление отставания успешно осуществляется в настоящее время путем организации нагульного отгонного животноводства наряду с укреплением и развитием стационарного животноводства.

Скотоводство нашей страны характеризуется за истекший период усилением молочного направления: ростом удоев, производства молока, масла и сыра по расчету на душу населения, сохранением численности

коров на душу населения и процента коров в стаде. Районы рабочего скотоводства и навозного животноводства дореволюционной России провели серьезную реконструкцию скотоводства. Центрально-Черноземный район обеспечил рост поголовья коров по расчету на душу населения, повысил процент коров в стаде. Усилилось производство молока и масла в Южном районе, на Средней и Нижней Волге, Урале, в Закавказье. Укрепили молочное направление Западный, Промышленный и Волго-Камский районы, где, несмотря на крупный рост населения, сохранилась численность коров на 100 душ населения и высокий процент коров в стаде, повысилась удойность и сборы молока. Следует отметить недостаточное развитие молочного хозяйства в таких старых молочных районах, как Европейский Север, Западная и Восточная Сибирь. Ещё недостаточно развивается молочное направление в Казахстане, на Северном Кавказе, хотя и здесь закладываются очаги молочного животноводства.

С развитием молочного направления в Черноземном Центре, в Южном районе, Северном Кавказе, на Средней и Нижней Волге, Казахстане и Средней Азии производство молока на территории СССР оказалось размещенным более равномерно. Практически реализуется указание товарища Сталина, чтобы каждая область организовала у себя в той или иной степени производство молока, масла, хлеба, чтобы не попасть в затруднительное положение.

Усиление молочного направления находит выражение также в росте маслоделия и сыроварения.

Производство животного масла на маслодельных заводах в СССР в 1940 г. составило по сравнению с 1913 г. 219%. Особенно быстрыми темпами производство масла росло в Средней Азии и Казахстане (в 33 раза больше, чем в 1913 г.), Поволжье (в 23 раза), на Северном Кавказе и в Крыму в 14 раз, в Центре в 6 раз и т. д.

Важнейшее значение имело укрепление и развитие союзных баз маслоделия и сыроварения. В дореволюционной России сформировались районы экспортного масла в Сибири, производства сладко-сливочного масла на Севере, Северо-Западе и Западе, сыроварения на Севере, Западе и на Кавказе. В СССР эти районы сохранили за собой первые места по производству молока, масла и сыра на душу населения. Западная Сибирь производила в 1938 г. на душу населения больше, чем весь Советский Союз в целом, молока вдвое, сыра в 2,5 раза, масла в 5,5 раза. Район сибирского маслоделия расширился на Урал и в Северный Казахстан. Маслоделие продвинулось на Волгу, в Центрально-Черноземный район, на юг, хотя основными базами маслоделия являлись Сибирь и Европейский Север. Сыроварение проникло на Среднюю и Нижнюю Волгу, в Центрально-Промышленный район, хотя основными районами сыроварения остались Западная Сибирь, Закавказье, Запад Союза и Европейский Север. Районы промышленного маслоделия давали стране 57% промышленного производства масла, а районы промышленного сыроварения давали стране 38% промышленного производства сыра. Однако ресурсы районов промышленного маслоделия и сыроварения еще далеко не использованы для быстрого развития этих отраслей. А такие основные районы, как Европейский Север и Сибирь, еще слабо развивают эти важнейшие для народного хозяйства отрасли, не используют своих ресурсов, недодают стране большое количество продукции.

Другим видом интенсивного животноводства является свиноводство. Свиноводство в СССР имело наиболее бурные темпы развития, и уже к 1938 г. поголовье свиней составило 146,4% от уровня 1916 г. В области свиноводства Советский Союз сумел коренным образом изменить вековой процесс неуклонного снижения поголовья свиней по расчету на душу населения как по стране в целом, так и по всем основным ее экономическим районам. Явно отстают в этом процессе Западная и Восточная Сибирь. Повсеместный рост поголовья свиней обусловлен быстрыми темпами его

роста по всем экономическим районам. Уровень 1916 г. был превышен всюду, кроме Восточной Сибири. Особенно быстрыми темпами увеличивалось свинопоголовье в Средней Азии, где оно выросло к 1938 г., по сравнению с 1916 г., более, чем в 8 раз. Северо-Западный район увеличил свинопоголовье в 3,4 раза, Закавказье в 2,2 раза, Южный район в 2 раза, Промышленный и Европейский Север — почти в 2 раза. Сравнительно с другими районами недостаточные темпы роста свинопоголовья отмечаются в Западной Сибири, на Дальнем Востоке, на Урале; отстает от других районов и Северный Кавказ.

Такой процесс роста свинопоголовья, когда более быстрые темпы оказались на окраинах, в районах слабого в прошлом развития свиноводства, естественно способствовал более равномерному размещению его на территории СССР по сравнению с царской Россией, подтягиванию отстававших в прошлом районов. Едва начавшаяся в царской России специализация Западных, Юго-Западных губерний и Черноземного Центра на производстве свинины и свиного сала за годы советской власти развилась и окрепла. Начали формироваться новые союзные базы свиноводства. Районами, наиболее насыщенными свиньями, в СССР являются: Западный, Южный, Центрально-Черноземный, Северный Кавказ и Западная Сибирь. В первых трёх сосредоточена почти половина свинопоголовья Советского Союза. В них же наибольшее количество свиней по расчету на душу населения. Если в целом по СССР на 100 душ населения на 1/1 1938 г. приходилось 15,1 голов свиней, то в Западном районе приходилось 35 голов, в Южном 24,5 головы, в Центрально-Черноземном и Западной Сибири свыше 17 голов, на Северном Кавказе 19,3 головы. Высокий удельный вес в составе продуктивного стада свинопоголовья отчетливо характеризует складывающуюся в этих районах специализацию на свиноводстве.

Основные показатели развития свиноводства по состоянию на 1/1 1938 г.

	Поголовье свиней на летнюю дату 1938 г. в процентах к 1916 г.	Удельный вес в союзном свинопоголовье	Приходится голов свиней на 100 душ населения	Удельный вес свиней (в переводе на крупный рогатый скот) в общем поголовье продуктивного скота
СССР	146,4	100	15,1	16,8
В том числе районы				
Промышленный . . .	197,9	11,3	12,1	21,3
Западный	120,3	7,6	35,0	31,6
Центрально-Черноземный	155,3	8,3	17,6	23,7
Южный	203,3	30,6	24,5	30,9

В составе продуктивного стада (в переводе на крупный рогатый скот) в СССР свинопоголовье составляло 16,8%, в то время как в союзных базах свиноводства: в Западном и Южном районах — почти $^1/_3$ часть стада, а в Промышленном и Центрально-Черноземном — более чем $^1/_5$. При среднесоюзных показателях поголовья свиней на 100 душ населения 15,1 головы, в Западном районе на 100 душ населения приходилось свиней в 2,3 раза больше, а в Южном районе в 1,6 раза. Сложившаяся специа-

лизация районов на свиноводстве не снимает, однако, задач дальнейшего развития свиноводства, укрепления и развития новых союзных баз свиноводства, так как удельный вес свинины в мясном балансе страны продолжает оставаться еще невысоким и в развитии свиноводства СССР еще серьезно отстает от наиболее развитых капиталистических стран. Новый пятилетний план является новым крупным шагом в развитии свинопоголовья в СССР, восстановлении, укреплении и росте разрушенных немецкими фашистскими захватчиками основных свиноводческих баз Советского Союза, в создании и укреплении новых союзных баз свиноводства в восточных районах страны.

Овцеводство Советского Союза, как и другие отрасли продуктивного животноводства, понесло крупный урон в результате первой мировой войны, гражданской войны и реорганизационного периода. Восстановление и развитие его протекало по районам различными темпами. Ряд районов, несмотря на огромный ущерб, нанесённый в них животноводству, не только сумел восстановить стадо овец до уровня 1916 г., но и значительно превысить его. Северо-Западный район к 1938 г. дал прирост поголовья овец по сравнению с 1916 г. на 23%, Северный Кавказ на 13%, Закавказье на 12%, Западная Сибирь на 42%, Восточная Сибирь на 21%. Другие районы сумели восстановить стадо овец до уровня 1916 г. Таковы Промышленный, Западный, Волго-Камский. А некоторые серьезно отстали в восстановлении стада, как Казахстан, Средняя Азия, Центрально-Черноземный район. Такое развитие овцеводства по районам обусловило сдвиги в его размещении, увеличилась роль Северного Кавказа, Закавказья, Сибири. Основные овцеводческие районы — Казахстан, Средняя Азия, Средняя и Нижняя Волга — уменьшили свое значение в развитии отечественного овцеводства. Большое значение в развитии овцеводства приобрели неовцеводческие районы. Все это обусловило более равномерное размещение поголовья овец на территории СССР. Однако сокращение его в Казахстане и Средней Азии к 1938 г. по сравнению с 1916 г. должно привлечь особое внимание. Оно не является закономерным явлением и вызвано: во-первых — более сильным падением поголовья овец в этих районах в реорганизационный период, во-вторых — недостаточным использованием для развития овцеводства естественной кормовой базы, специфические особенности которой, резко выраженная сезонность, требовали специальных форм организации использования кормовой базы в виде отгонного животноводства, организация которого в крупных масштабах начата лишь в годы войны.

В ближайшие годы следует ожидать крупного роста стада овец в юго-восточных основных овцеводческих базах Советского Союза, еще не восстановивших довоенного уровня поголовья. Районами, наиболее богатыми овцами, по расчету на душу населения в СССР попрежнему остались Средняя Азия, Казахстан, Северный Кавказ, Закавказье. Следовательно, и в области овцеводства мы вскрываем тот же процесс более равномерного, повсеместного развития овцеводства, с одной стороны, и формирование, укрепление и развитие сложившихся союзных баз овцеводства на Северном Кавказе, в Закавказье, на Средней и Нижней Волге, в Сибири, Казахстане и Средней Азии — с другой.

Особо следует отметить процесс развития тонкорунного овцеводства. В царской России оно развивалось на юго-западе и юге и, отступая перед распашкой земель, сместившись на юго-восток, резко сократилось. В СССР окрепла и прочно закрепилась база тонкорунного овцеводства на Северном Кавказе; на основе племенной работы повсеместно на юге увеличилось поголовье тонкорунных и полугрубошерстных овец. Численность их уже к 1939 г. достигла 22 млн. голов вместо 2 млн., имевшихся к началу первой мировой войны в царской России.

Обобщение итогов развития продуктивного животноводства по районам в сводном показателе всего продуктивного скота

в переводе на крупный приводит к следующим главнейшим выводам.

Ряд районов — Западный, Южный, Волго-Камский, Центральный, Промышленный, Северо-Западный и Закавказье — дали быстрые темпы восстановления и развития продуктивного стада, превысил на 20—40% поголовье продуктивного стада 1916 г. Ряд других районов — Сибирь, Урал, Европейский Север, Северный Кавказ и Центрально-Черноземный к 1938 г. лишь сравняли свое поголовье с поголовьем 1916 г.; они явно задержались в развитии животноводства, перекрывая недобор по одному виду скота более быстрым ростом других видов скота. Такие районы, как Казахстан и Средняя Азия, сильно отстали в восстановлении стада, в результате чего в целом по стране снижаются показатели в развитии продуктивного стада. Всё это привело к повышению роли в продуктивном животноводстве страны западных, центральных, южных районов и Закавказья и к уменьшению роли восточных и юго-восточных районов, хотя по расчету на душу населения наиболее богатыми скотом были именно эти районы.

В размещении животноводства мы обнаруживали ту же тенденцию повсеместного, более равномерного размещения товарного животноводства на территории СССР, но проявляется она в других формах: а) в повсеместном развитии свиноводства, более бурном в отставших районах, б) в более равномерном размещении производства молока на территории СССР, замене навозного и рабочего скотоводства усиленным развитием молочного скотоводства, повсеместном распространении сети маслодельно-сыроваренных и прочих предприятий по переработке молока, в росте овцепоголовья в неовцеводческих районах.

На фоне более равномерного размещения животноводства сложилась и окрепла территориальная специализация. Ярко выраженными районами развития овцеводства оказались Казахстан, Средняя Азия, особенно Киргизия и Туркменская ССР, Закавказье, Северный Кавказ, Поволжье. По свиноводству всесоюзное значение приобрели Белоруссия, Украина, Центрально-Чернозёмный район.

Районами широкого разведения крупного рогатого скота молочного направления стали Европейский Север, Северо-Западный, Промышленный Центр, Центрально-Черноземный район, Урал, Сибирь. Мясное скотоводство сосредоточено в Средней Азии, Казахстане, на Юго-Востоке и в Закавказье. Такое развитие и размещение животноводства по районам отчасти находит себе объяснение и находится в неразрывной связи с особенностями сложившейся кормовой базы. Районные особенности кормовой базы могут быть характеризованы ниже помещенной таблицей, исчисленной нами в кормовых единицах по урожаю 1937 г по экономическим районам.

Структура кормов (в процентах к итогу)

Районы	Грубые	Зеленые	Сочные	Концентраты
Промышленный центр	45,0	29,6	3,3	22,1
Центрально-Черноземный	36,3	18,6	7,7	37,4
Волго-Камский	40,5	20,4	2,9	36,2
Европейский Север	17,3	76,9	0,8	5,0
Северо-Запад	48,1	38,1	3,1	10,7
Белоруссия	46,4	31,3	7,9	14,4
Южный	29,5	18,8	12,1	39,6
Средняя и Нижняя Волга	41,7	30,8	1,9	26,3
Северный Кавказ	26,6	38,9	1,9	32,6
Закавказье	13,0	68,2	0,5	18,3
Урал	41,7	30,5	1,9	25,9
Западная Сибирь	29,4	60,2	1,1	9,3
Казахстан	15,9	82,5	0,2	1,4
Средняя Азия	8,4	86,5	0,3	4,8
Восточная Сибирь	10,7	85,9	0,2	3,2
Дальний Восток	9,2	89,7	0,0	1,1
СССР	25,3	57,7	2,3	14,7

При оценке кормовых ресурсов для целей размещения животноводства следует иметь в виду, что разные виды продуктивного скота требуют различных кормов. При зерновом типе кормления свиней (в переводе на кормовые единицы) зерно занимает до $^3/_4$ всех кормов, при картофельном — картофель до 40%. В кормовом рационе овец основную часть корма составляют пастбищные корма — 40—80%, и грубые — 14—40% в зависимости от района. В кормовом рационе молочного скота, по данным Института животноводства, грубые корма составляют 22—41%, зелёные 28—54%, сочные 6—23%, концентраты 8—27%.

Развитие животноводства по районам, структура продуктивного стада теснейшим образом связаны с состоянием и развитием кормовой базы. Как показано выше, в структуре продуктивного стада в СССР произошли существенные изменения, развились интенсивные формы животноводста — свиноводство, молочное скотоводство. Они базировались на изменениях в кормовой базе: травосеяние за период 1913—1940 гг. увеличилось в 7,6 раза, посевы фуражных зерновых увеличились на 9%. Следует иметь в виду также рост урожаев фуражных зерновых, а также и тот факт, что возросшие фонды фуражных зерновых и жмыховых в основной своей массе использовались внутри страны, в то время как царская Россия десятки миллионов пудов отрубей, ячменя, жмыха вывозила за границу. Увеличилось в СССР производство картофеля и использование его на корм скоту.

В нашей стране 75% молока и 75% мяса получается в пастбищный период.

В кормовых ресурсах Советского Союза крупное место принадлежит естественным кормовым ресурсам. Так, по исчисленному нами кормовому запасу по урожаю 1937 г. в общем запасе кормов, выраженном в кормовых единицах, естественные сенокосы дают 16,6% кормов, а выпасы — 56,1%. СССР располагает огромными пространствами пастбищ и сенокосов. На 1/X 1938 г. числилось по экспликации земельных угодий, естественных сенокосов 60 млн. га и выпасов 281 млн. га.

Размещение естественных кормовых угодий на территории СССР не было равномерным. Естественные сенокосы имеют значительный удельный вес в составе сельскохозяйственных угодий в таких районах как районы нечернозёмной полосы Европейской части СССР, Урала, Сибири и на Дальнем Востоке. В этих же районах достаточно высокий удельный вес пастбищ.

Состав сельскохозяйственных угодий по районам

Районы	Сельскохоз. угодия составляют в общей площади земель (в процентах)	В составе с.-х. угодий процент		Удельный вес отдельных экономических районов в общей площади угодий СССР		
		сенокосов	выгонов	сенокос	выгон	неиспольз. пашни
Промышленный центр . .	54,1	22,0	13,9	8,6	1,2	1,0
Центрально-Черноземный .	79,8	7,2	8,6	2,1	0,5	1,5
Волго-Камский	45,3	13,9	9,2	2,7	0,4	0,6
Европейский Север	5,3	32,6	37,6	3,7	0,9	0,3
Северо-Запад	15,4	35,7	19,4	2,6	0,3	0,3
БССР	53,8	28,1	10,8	3,2	0,3	0,8
Южный	78,6	5,2	9,5	3,2	1,3	3,3
Средняя и Нижняя Волга.	80,9	7,0	34,1	5,0	5,2	7,0
Северный Кавказ	76,7	10,0	32,3	4,6	3,1	2,8
Закавказье	54,0	5,2	53,8	0,9	1,9	3,2
Урал	45,0	14,7	24,3	19,2	3,2	11,8
Западная Сибирь	16,8	24,2	27,1	16,4	53,9	14,0
Казахстан	74,8	6,3	77,4	9,8	22,0	36,7
Средняя Азия	56,1	2,2	84,6	2,5	0,6	9,2
Восточная Сибирь	3,1	25,6	43,0	10,5	3,7	4,7
Дальний Восток	3,3	31,0	43,9	5,0	1,5	2,8
СССР	25,5	10,7	50,4	100	100	100

Высокий удельный вес в составе сельскохозяйственных угодий занимают пастбища в Средней Азии, Казахстане, Закавказье. Такое размещение естественных кормовых ресурсов налагало известный отпечаток на структуру кормовой базы и на характер размещения животноводства.

Почти $^3/_4$ всех союзных выпасов сосредоточено в Казахстане и Средней Азии. Значителен удельный вес пастбищ также на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге. Здесь же размещены основные массивы неиспользованных пахотопригодных земель, которые служили дополнительным источником кормовых ресурсов. Совершенно ясно, что высокий удельный вес естественных сенокосов и пастбищ в районах нечерноземной полосы Европейской части СССР, Урала, Сибири и на Дальнем Востоке создавали условия для разведения крупного рогатого скота. Сосредоточение в Казахстане и Средней Азии почти $^3/_4$ всех выпасов СССР и значительный удельный вес выпасов на Северном Кавказе, Средней и Нижней Волге создавали более благоприятные условия в этих районах для развития овцеводства и нагульного скотоводства.

Однако не естественная кормовая база была решающей в размещении животноводства. Работники социалистического сельского хозяйства вносили решающие коррективы в объем и структуру кормов, развитие земледелия, в размеры и характер использования естественных кормовых ресурсов в зависимости от хозяйственных задач и особенностей экономики районов. Приведенная выше структура кормов — продукт человеческой деятельности. Внедрение травосеяния, развитие посевов кормовых корнеплодов, силосных и других сочных кормов, развитие посевов фуражных зерновых, использование соломы, половы и других отходов зернового хозяйства, использование отходов мукомольной и маслобойной промышленности на развитие животноводства — все это укрепляло кормовую базу, изменяло её структуру и заметно меняло условия и характер развития животноводства по районам.

Приведённая выше исчисленная нами структура кормовых ресурсов по урожаю 1937 г. указывает на значительный удельный вес концентрированных кормов в районах Центрально-Черноземном, Южном, Промышленном, Волго-Камском, Средней и Нижней Волги и на Урале. Рациональное размещение имеет в виду наилучшее и наиболее полное использование имеющихся ресурсов. И мы видим, что здесь размещены союзные базы свиноводства, нуждающегося в концентратах. В районах Закавказья, Казахстана, Средней Азии, Восточной Сибири 70—90% общего запаса кормов составляли выпасы; здесь создавались условия для развития овцеводства и нагульного мясного скотоводства. Здесь размещены союзные базы овцеводства и мясного скотоводства. Направление животноводства в основном соответствовало сложившейся структуре кормовой базы, хотя имеющиеся ресурсы кормов во многих районах еще далеко не были исчерпаны и создавали условия для нового роста стада, в то время как в ряде других районов — Юга и Центра — проблема развития кормовой базы стала неотложной задачей. Важнейшее значение для

роста продуктивного стада в районах, богатых пастбищами, приобрела проблема наиболее полного использования естественных кормовых ресурсов, в сочетании с искусственным кормодобыванием, его дополняющим. Проблема организации нагульных операций и отгонного животноводства в этих районах приобрела крупнейшее народнохозяйственное значение.

Нашествие гитлеровских орд нанесло крупный ущерб продуктивному животноводству страны.

Фашистами были захвачены и разрушены основные базы свиноводства, молочного животноводства и тонкорунного овцеводства Советского Союза. В годы мирного строительства в этих районах были сосредоточены крупные племенные стада продуктивного скота, всемирно известные племенные государственные конные заводы. Неотложной задачей является восстановление союзных свиноводных баз, восстановление и дальнейшее развитие баз цельномолочного хозяйства, баз маслоделия и сыроварения, тонкорунного овцеводства и мясного скотоводства, сложившихся за годы мирного развития Советского Союза, и не только восстановление численности скота, но и повышение его продуктивности, восстановление и развитие племенного дела и создание полновесной кормовой базы применительно к районным особенностям.

Ход исторического развития человеческого общества характеризуется ростом способностей человека овладевать силами природы. На первых стадиях своего развития человек был беспомощен перед лицом природы. «Природа первоначально противостоит людям, как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и перед которой они беспомощны как скот» (Маркс, Энгельс. Соч., т. IV, стр. 19).

По мере развития человеческого общества, роста производительных сил, науки и техники увеличивается степень овладения человека природой. Человек «переносит культурные растения и домашних животных из одной страны в другую и изменяет таким образом флору и фауну целых частей света»; «человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил растительные и животные миры, но изменил также вид и климат своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего земного шара» (Маркс, Энгельс. Соч., т. IV, стр. 460—487). Так характеризует Фр. Энгельс воздействие человека капиталистического общества и предшествующих экономических формаций на природу. А теперь, когда у нас в СССР человечество вступило в свою подлинную историю, возможности воздействия на природу социалистической страны возросли неизмеримо, в сотни раз. На наших глазах, за советский период, произошло преобразование земледелия во всех районах Со-

ветского Союза, перемещение культур, животных, сортов; раздвинуты границы земледелия.

В царской России никогда серьезно и не ставились вопросы сельскохозяйственного освоения Севера. Осуществление советской национальной политики, прокладка трассы Северного морского пути, закладка крупнейших промышленных центров на Мурмане, у Воркуты, в Игарке, Алдане и т. п. превратили проблему сельскохозяйственного освоения Севера в экономическую необходимость. Забота о материальном положении трудящихся Крайнего Севера, борьба с цынгой, трудности и дороговизна доставки продовольствия, особенно малотранспортабельного, всё это обусловило крупный размах работ, которые развернуло советское правительство по развитию сельского хозяйства на Севере. Опытная работа сочеталась с опытно-хозяйственными и хозяйственными посевами. Мелиорация и культура болот, освоение всех главных огородных растений, посевы картофеля, ячменя, культура кормовых растений — всё это стало достоянием не только советской науки, но и хозяйственной практики.

Параллельно с ростом промышленности на Севере идёт создание обслуживающих её отраслей. Сельское хозяйство должно дать овощи, молоко. Здесь имеются необходимые ресурсы для земледелия и огромные кормовые ресурсы для развития молочного хозяйства. Полярный север вполне может быть обеспечен питанием, кроме хлеба и растительных жиров, за счет собственных ресурсов; необходимо лишь шире освоить достижения науки в практике, усилить механизацию работ. Итоги работ показывают, что в настоящее время трудно установить границу между приполярной неземледельческой и северной земледельческой зоной. Советский человек отвоёвывает у Севера всё новые и новые пространства. Пример тому крупные хозяйства в районе Игарки — Норильска, образцовый совхоз Ухто-Печерского треста у Полярного круга.

В условиях короткого вегетационного периода и летней засухи развертывает сельское хозяйство Якутия. В 1913 г. она имела посевов 15,8 тыс. га, в том числе зерновых 15,3 тыс. га и овощей и картофеля 0,5 тыс. га. В 1940 г. она засевала 115 тыс. га, или в 7,3 раза более; при этом резко изменился состав культур.

Не занимавшаяся земледелием заполярная Мурманская область засевала и убирала урожай в 1940 г. с площади 3,6 тыс. га; в составе посевов имелись овощи, картофель, овес, кормовые корнеплоды, однолетние и многолетние травы, силосные культуры.

Темпы сельскохозяйственного освоения Севера могут и должны быть усилены.

Аналогичную борьбу ведёт советский человек в горах и пустынях, преодолевая их естественные зональные и верти-

кально-поясные пределы земледелия. Свыше 40% земельной территории Узбекистана составляют пустыни. В. И. Ленин справедливо говорил, что техника развивается с невероятной быстротой и земли, еще не пригодные сегодня, станут пригодными завтра. Проблема освоения пустынь развертывается широким фронтом: пескоукрепительные работы, пустынное лесоводство, насаждение лесных полос в виде бордюра, окаймляющего культурные оазисы и защищающего их от песков, освоение пустынь под пастбища, посевы кормовых трав, развертывание пустынного траншейного овощеводства, восстановление погребенных песками земель, обводнение и ряд других плановых мероприятий направлены на разрешение поставленной задачи.

Проблема освоения Севера перекликается с проблемой продвижения земледелия вверх в районах вертикальной поясности природы. Социалистическое земледелие не только продвинулось за полярный круг, в знойные пустыни Средней Азии, но и преодолевает высотные границы культурных растений в горах Алтая, Памира, Кавказа. Дагестан в борьбе за внедрение полеводства в горные районы лишь в одном 1940 г. увеличил посевы в горных районах, по сравнению с 1939 г., на 17%. В высокогорной зоне Ойротии посевы за 20 лет более чем утроились. На высоте 1 800 м удалось возделывание овса, ячменя. Доказана возможность культуры ячменя, гороха, картофеля на высоте более 3 000 м на Памире. Проблема горного земледелия имеет для СССР общегосударственное значение. Горы занимают $^1/_{10}$ территории СССР, в значительной части расположены в приграничной полосе, и проблема их экономического укрепления имеет первостепенное значение.

Великая Отечественная война явилась величайшим испытанием социалистической системы хозяйства, суровой проверкой силы и жизненности социалистического способа производства в сельском хозяйстве. Бесперебойное снабжение страны и армии продовольствием и промышленности сырьём в годы войны было лучшим доказательством жизнеспособности нового способа производства в деревне, правильности осуществленного в годы сталинских пятилеток нового размещения производительных сил сельского хозяйства на территории СССР.

Война, навязанная немецкими захватчиками, нанесла крупный ущерб социалистическому сельскому хозяйству. Трудности военного времени в тыловых районах — отвлечение трудовых ресурсов, живого и механического тягла, сокращение снабжения машинами, горючим—несомненно задержали развитие социалистического сельского хозяйства. Значительная территория подверглась оккупации. Временно захваченные немцами районы являлись крупными базами произ-

водства хлеба, особенно пшеницы, сахарной свёклы, масличных культур, льна, картофеля, свиноводства, молочного скотоводства и тонкорунного овцеводства. Фашисты разрушили здесь производительные силы, угнали скот, вывезли машины. К трудностям, вызванным войной, прибавились новые трудности, связанные с сильнейшей засухой, охватившей значительную территорию СССР. По силе и размерам охваченной ею территории засуха 1946 г. превосходила засуху 1921 г. и напоминала сильнейшую засуху 1891 г.; такого засушливого года не было за последние 50 лет. Она надвинулась на сельское хозяйство, еще не окрепшее после военных испытаний, и в основном на районы, которые были только что освобождены от фашистских захватчиков и только еще восстанавливали социалистический способ производства в сельском хозяйстве. Совершенно естественно, что в результате всего этого в районах засухи посевы сократились, урожайность упала, поголовье скота уменьшилось.

Перед Советским Союзом встала неотложная задача восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства. Закон о пятилетнем плане и решения Февральского пленума ЦК ВКП(б) наметили конкретную программу борьбы за восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства по всем основным отраслям и культурам, по всем экономическим районам и по областям и республикам Советского Союза. Основные линии размещения сельского хозяйства, согласно этим решениям, сводятся к восстановлению, укреплению и развитию сложившихся к началу Отечественной войны важнейших зерновых сырьевых, животноводческих баз Советского Союза, к укреплению и дальнейшему развитию тех прогрессивных изменений в размещении сельского хозяйства, которые ярко вырисовывались в предвоенный период. Проблема комплексного развития основных экономических районов и создания многоотраслевого колхозного сельского хозяйства, поставленная в числе важнейших задач на XVIII партийнем съезде, получит в послевоенный период своё дальнейшего разрешения.

Н. Н. Колосовский

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СОЧЕТАНИЕ (КОМПЛЕКС) В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Некоторые вопросы типологии

С начала крупных реконструктивных работ, т. е. со времени первой сталинской пятилетки, в советскую экономическую и экономико-географическую литературу вошёл новый термин «производственный комплекс», отразивший собой новое явление в нашем строительстве. Ещё ранее в работах Госплана по экономическому районированию Советской России было введено в употребление представление о районе как о «производственном комбинате». Последний термин, по мысли авторов, должен был обозначать глубокое производственное (технико-экономическое) сочетание различных отраслей хозяйства в районах, в первую очередь, вокруг того стержня, каким является энергетика. Однако этот термин оказался мало удовлетворительным для обозначения производственно-территориальных сочетаний, как они возникали в советской действительности, и не привился отчасти, повидимому, из-за недостаточной гибкости для улавливания различных оттенков экономических связей, которые обозначают нечто совершенно другое по своей природе, чем комбинат. Однако в ограничительном смысле термин «комбинат» всё же вошёл в употребление (не для всякого сочетания производств). Надо думать, что эти обстоятельства и послужили причиной появления термина «производственный комплекс». Он употребляется и в настоящее время для обозначения группировок производств, как связанных общностью территории, так и не связанных. Говорят: «комплекс производств чёрной металлургии», безотносительно к месторасположению отдельных частей этого комплекса, наряду с «Уральским комплексом» всех отраслей промышленности на обширной территории Уральского экономического района, или

наряду с «Новотагильским комплексом», или «Лысвенско-Чусовским комплексом», расположенными на более ограниченных территориях. С самого начала точное содержание термина не было установлено, да и вряд ли это возможно было сделать по новизне дела проектирования и строительства взаимно связанных группировок различных производств, а также по причине новизны возникавших экономических и технических проблем. Поэтому естественно, что у разных авторов термин стал употребляться для обозначений различных представлений. Под наименованием «производственно-территориальных комплексов» стали понимать, с одной стороны, группировки предприятий, органически связанные между собой, а с другой—также группировки, которые почти никаких видимых производственных связей между собой не имели, кроме общности территории, использования одинаковых природных условий и общности «сервиса», т. е. возможностей иметь, скажем, общее водоснабжение, электроснабжение или общий рабочий посёлок. Стали говорить «о комплексе отраслей народного хозяйства» или «комплексе производительных сил» наряду с «комплексным использованием сырья и энергии» и т. д. Иногда по контексту трудно установить, что́ данный автор под подобными наименованиями подразумевает. Словом, как порой трудно различить надписи и знаки на монете от длительного её хождения, даже если они имелись ранее, так и термины «комплекс», «комплексность» к настоящему времени не обладают должной определённостью. В то же время знания и опыт социалистического строительства и эксплоатации предприятий значительно возросли, что вызывает потребность достаточно точно различать всё многообразие форм взаимообусловленности и соподчинённости связей и отношений для различных по существу производственно-территориальных группировок. Отсюда, естественно, возникает потребность, особенно в научной литературе, более точного словоупотребления. Если для обозначения наших расширившихся представлений по тем или иным причинам всё же необходимо сохранить привычные термины иностранного происхождения, то они, очевидно, должны быть пояснены русскими словами.

В моей статье «К вопросу об экономическом районировании» [1] была сделана попытка определения взаимно соприкасающихся понятий социалистического комбината и комплекса. «Под производственным комбинатом разумеется (глубокое) [2] производственное сочетание, объединение (комбинация) технологических или энергетических процессов, при котором получаются два или несколько видов полезных продуктов (или результатов труда) из одного и того же вещества. По сравне-

[1] «Проблемы экономики», № 1, стр. 41, 1941 г.

[2] Пояснения в скобках добавлены или расширены мною при составлении настоящей статьи. — Н. К.

нию со специализированными (раздельными) производственными процессами при этом достигается определённый экономический эффект за счёт экономики сырья, энергии, труда, работы транспорта и сокращения производственных потерь. Простейшими примерами комбинирования являются одновременное получение пара, горячей воды для нагревательных процессов и электричества в теплоэлектроцентралях и метод «Оркла», применяющийся для одновременного получения меди и элементарной серы».

В этом определении, данном в статье, посвящённой другому вопросу, допущен ряд неточностей и имеется неполнота, ввиду чего оказались вне границ определения важные вопросы комбинирования не только процессов на одном заводе, но и комбинирование процессов на нескольких заводах и предприятиях, расположенных в непосредственной близости друг от друга (локализированных на небольшой территории), находящихся в одном экономическом районе. Добавим, в развитие сказанного, что главным признаком комбинирования (объединения) является появление дополнительного продукта (или результата труда) одновременно как в материальной, так и в ценностной форме. Комбинирование специализированных заводов и предприятий, как очень близко расположенных, так и более отдалённых, обычно бывает связано с устройством сложных транспортных сетей разного назначения для транспортирования сырья и продукции, с совместным использованием так называемых «отходов» специализированных предприятий или с совместным использованием источников энергии. Комбинирование представляется важным средством борьбы с расточительством ресурсов, имеющим место в производственных процессах даже новейших капиталистических предприятий. Этими производственными процессами, к сожалению, мы вынуждены во многих случаях пока пользоваться и на наших советских заводах, так как еще только начался процесс массового преодоления рамок производственного капиталистического опыта. Следует заметить при этом, что опыт строительства за истекшие три сталинских пятилетки не сопровождался массовым применением глубокого комбинирования заводов, располагающихся даже на одной или смежных заводских площадках, если только эти заводы не принадлежали одному и тому же «ведомству». Более того, иногда заводы, числившиеся по планам и проектам как комбинированные, в процессе строительства приходилось «раскомбинировать». Здесь есть две причины: «по существу» и «по форме». «По существу» — заметим, что при комбинировании нескольких различных процессов на раздельных заводах необходимо считаться с количественной и пространственной сторонами дела. Если расстояния взаимных передач невелики и заводы небольшие по масштабу продукции, — все возможности для комбинирования

оказываются обычно налицо, и дело становится технически осуществимым и экономически выгодным. Если же мы имеем дело с совокупностью заводов современного крупнейшего масштаба, каждый из которых занимает площадь в 50—150 га и более («обычный» размер территории нашего металлургического завода — 170 га), то расстояния между комбинирующимися заводами и цехами оказываются иногда во много километров, при протяжении промышленных площадей этих «комбинатов» до 10—15 км. Одновременно и транспортируемые массы отходов, побочных продуктов, пара, горячей воды, газов и других веществ оказываются огромными. Организация транспортирования этих масс, иногда со встречными и пересекающимися движениями, оказывается технически необычайно сложной задачей, иногда сомнительной по экономическим результатам, а иногда и прямо убыточной, не оправдываемой выгодами технологического комбинирования. Эффективным средством, облегчающим комбинирование заводов, является поточное их расположение, как это было, например, принято при проектировании угле-химического комбината в Черемхове по схеме: станция обогащения углей — электростанция на отходах обогащения — завод коксования — завод полукоксования и гидрогенизации — станция глубокого охлаждения и сепарации газов — синтетическая органика на газах. Такого рода расположение в пространстве, облегчающее последовательное транспортирование продуктов и отходов разных стадий производства, может быть рекомендовано для ряда случаев. Вторым примером рационального комбинирования может служить современный металлургический завод, который состоит в сущности из нескольких заводов-цехов, могущих существовать, и действительно существующих, в некоторых местах раздельно: обогащение углей — коксование — электроцентраль — доменный цех — мартеновский цех — прокат. Материальная и ценностная экономия от комбинирования имеет энергетическое «происхождение». Она обусловливается единым энергетическим хозяйством с использованием всех тепловых отходов (коксик, мелочь, газы доменный, коксовый и пр.) и экономией тепла (на разогрев металла) в разных формах.

Однако всё сказанное ранее отнюдь не снимает необходимости данное ранее понятие производственного комбината дополнить и включить в него случай рационального комбинирования нескольких близко расположенных заводов, учитывая указанные выше ограничения. Далее, к разряду пространственных форм комбинирования относятся различные объединения районной энергетики, связанные с соответствующими сетями: объединение электрического хозяйства в районных масштабах, объединение газоснабжения и т. д., сопровождающиеся, как известно, экономией в расходах горючего на получение электроэнергии и повышением общего коэфициента

полезного действия (к. п. д.) системы против изолированных хозяйств отдельных предприятий и их групп.

Госплановский термин «районный комбинат», как не трудно заключить, может иметь значение энергетическое и транспортное. По отношению к остальным элементам производственных процессов районов он имеет весьма ограничительное толкование для настоящего этапа развития народного хозяйства. В то же время для широких перспектив социалистического строительства, скажем, на этап решения основной экономической задачи, термин может быть сохранён в более широком понимании, но опять-таки при известных технических и организационных условиях.

Для значительно более широкого круга территориальных группировок может быть сохранён термин комплекс, а иногда— территориальная группировка, узел.

В цитированной уже ранее статье в № 1 «Проблемы экономики» (стр. 41) читаем такое определение комплекса.

«Производственным комплексом называется такое экономическое (взаимообусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или в целом районе, при котором достигается определённый экономический эффект за счёт удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением».

Указанное определение поясняет термин «комплекс» русским термином: взаимообусловленное (соподчинённое) сочетание в отличие от простого сосуществования производств на определённой территории; последнее лучше передавать словом «группировка» [1]. Само собой разумеется, что при этом подразумевается исторический подход к вопросу, и в состав производственно-территориального сочетания (комплекса) с полным правом в отдельных случаях можно относить, с одной стороны, хозяйственные образования прошлых исторических эпох, особенно реконструированные советской властью, если они хорошо «сочетаются» с хозяйством района, а с другой — новообразования, хотя бы еще не успевшие обрасти всеми «спутниками», «смежниками» и всеми «этажами» производственных процессов, а также всеми технико-экономическими связями с существующим хозяйством данного района, но явно имеющие некоторые элементы необходимых связей.

В противоположность этому, сосредоточение на одной территории тех или иных производств, без взаимной связи между ними, без связи с ресурсами района, с его экономико-географическим положением (даже в перспективе), либо оставшихся от прошлого, либо возникших в советскую эпоху, с указанной

---

[1] Термин «комплексность», мне кажется, хорошо передаётся по-русски словами «взаимообусловленность», «взаимосвязанность». — **Н. К.**

точки зрения не могут быть называемы сочетанием (комплексом). Это простая территориальная группа производств. Такие случаи появления «простых» группировок могут иметь место и в плановом социалистическом хозяйстве; они возникают в силу природных или экономических особенностей данной промышленной точки, или в силу конъюнктурных причин, или преднамеренно как начало будущих промышленных формирований, еще не завершённых.

Разработка нового экономического районирования СССР, предложенная правительством Академии наук СССР, как раз и имеет целью установить научные обоснования для рационального сочетания производительных сил экономических районов и союзных республик с целью приближения промышленности к источникам сырья и энергии и достижения наивысшей производительности труда по СССР в целом (Ленин. «Набросок плана научно-исследовательских работ», «Очередные задачи советской власти», «Великий почин» и др.), а также для достижения полного экономического равноправия национальностей как основы для развития хозяйства в национальных республиках (Сталин. X съезд РКП(б) и др.). Всё разнообразие форм производственно-территориальных связей при этом должно быть изучено и учтено.

Представление о производственно-территориальном сочетании, при условии достаточно глубокого научного его изучения, оказывается чрезвычайно плодотворным для экономико-географических исследований. Оно не подменяет и не может подменить собой учения об экономических районах и не «отменяет» самих районов, но позволяет органически ввести в экономическую географию и районирование представления о производственно-организованных силах и формах общественного труда, непосредственно и последовательно воздействующих на процесс формирования районов, могущих видоизменять как внутреннюю структуру района, так и его внешние границы и межрайонные отношения. Каковы бы ни были таксономические единицы, которые будут установлены советской наукой для внутреннего экономического районирования, невозможно обойтись без представления о «ядрах», «очагах», «центрах» (разумеется, не геометрических), формирующих районы, как невозможно свести процесс районирования только к установлению границ районов формальными методами или только к изучению географического разделения труда между районами, установленными чуть ли не произвольно (так называемые «экономико-географические ареалы», избранные для изучения по тем или иным обстоятельствам). Производственно-территориальное сочетание, т. е. организованный в определённых технических формах общественный человеческий труд с энергетическим и машинным его вооружением, приложенный к определённому сочетанию природных ресурсов, как раз и является

основой географического районообразующего процесса, о котором много говорится в географической науке нашего времени.

Представление о производственно-территориальных группировках и сочетаниях (комплексах) в одинаковой мере может быть использовано для изучения процесса формирования как больших экономических районов госплановского порядка, так и для более мелких таксономических единиц внутреннего районирования, вплоть до анализа конкретных группировок производств вокруг одного небольшого городского посёлка. Различие будет заключаться лишь в степени генерализации производственных процессов, составляющих существо хозяйства данного сочетания (комплекса), т. е. в методическом приспособлении к масштабам задачи.

Как известно, генерализация тогда допустима и оправдана, если при её помощи возможно обобщить процесс изучения. Она бывает полезна и для тех случаев, когда необходимо определять процессы не только качественно, но и количественно, в то время как интересующие нас процессы слишком сложны для «непосредственного» их математизирования. Этими соображениями придётся воспользоваться и в данном случае, так как связи сочетаний (комплексов) — предмет нашей статьи — действительно разнообразны до чрезвычайности.

Как видно из предыдущего, комбинат можно рассматривать как частный случай комплекса, а последний, в свою очередь, как частный случай группировки. Производственные и общеэкономические связи для районных комплексов (сочетаний) могут распространяться на использование транспорта, энергии, сырья, полуфабрикатов, строительных материалов, частей машин и изделий, рабочей силы, на использование общих источников и устройств водоснабжения, жилья, продовольствия, культурных и научных сил и средств, словом, они очень многообразны. Особое место среди них занимают производственные связи «по вертикали», следуя вверх от сырья до готового изделия от какого-либо «исходного» производственного процесса: железная руда — чугун — сталь — прокат — литьё — машины — металлоизделия; или: уголь — коксование — коксо-бензольная химия — краски — пластмассы и т. д.

Связи возникают и «по горизонтали», между ветвями «вертикальных» рядов (коксование — газы коксования — мартеновское производство; цветная металлургия — обжиговые сернистые газы — серно-кислотная химия — химия удобрений и т. д.). Далее, спускаясь сверху вниз от готового изделия (готовой машины или сложного химического продукта и др.), возникают производства по изготовлению вспомогательных частей материалов, химикалиев, реактивов, аппаратуры, приборов и т. д., так называемые «смежники», «спутники», заводы, возникающие в порядке «производственной кооперации», и пр.,

в силу необходимости иметь поблизости весь «комплекс» частей и аппаратуры для изготовления того или иного изделия «вертикальных» рядов.

Постановления наших партийных органов давно и неуклонно указывают на важность всестороннего учёта всех видов и форм производственно-территориальных связей и отношений при организации управления советским социалистическим хозяйством.

Например, еще XI съезд РКП(б) так формулировал организационную задачу в области управления социалистическим хозяйством: «от централизма трестов к социалистическому централизму». «Организационная задача заключается в том, чтобы, развивая вертикальный централизм по линии главков, сочетать его с горизонтальным соподчинением предприятий по линии хозяйственных районов, где предприятия разных отраслей промышленности и разного хозяйственного значения вынуждены питаться одними и теми же источниками местного сырья, транспортных средств, рабочей силы и пр.» [1]. О важности построения работы наркоматов по «производственно-территориальному признаку» говорят и постановления многих других съездов партии. Наконец, XVIII съезд и поручения правительства Академии наук СССР сразу же после съезда прямо поставили в очередь дня новое экономическое районирование СССР, теснейшим образом связанное с решением проблемы производственно-территориальных отношений.

Многообразие производственных связей районного хозяйства объясняет, почему при изучении конкретного хозяйства получается в каждом отдельно взятом случае, и особенно при сравнении между собой районов, даже родственных по типу хозяйства, внешне чрезвычайная пестрота производственных сочетаний в каждом районе, лишённая, на первый взгляд, какой-либо закономерности. Тем более это обнаруживается при сравнении районов разных по типу сочетаний. Взгляд географа, привычный более всего к схватыванию характерных особенностей, индивидуальности районов, на первых порах может затрудниться найти в этой пестроте районных производственных образований какие-либо основы для научной их классификации и для решения типологических задач. Приходится прежде всего произвести аналитическую работу, обращаясь к сущности самих производственных процессов.

Во всём многообразии экономических явлений в современном и индустриальном хозяйстве есть некоторые устойчиво повторяющиеся элементы. Это — тип производственного процесса. Так, например, производственная сущность получения рядового чугуна на современном заводе одинакова в Донбассе

[1] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, стр. 331, 1940.

и на Урале и в Кузбассе. Для этого «типового» процесса требуются всегда коксующийся уголь и железная руда определённых кондиций, далее, требуются раскислители и ферросплавы для получения сталей, огнеупоры, фиксирующие материалы; технологически с этим процессом удобно сочетаются цементные заводы, стекольные заводы, а с коксовым хозяйством всегда удобно сочетать коксо-бензольную химию, анилокрасочное производство, иногда производство азота, искусственного жидкого топлива, иногда содовое производство. Для металлургического производства в известной части удобно сочетание с машиностроением, особенно с тяжёлым машиностроением и с производством металлоконструкций.

Устойчиво повторяющийся, массовый тип производственного процесса и может быть положен в основу при отыскании закономерностей районообразования. Определённый исходный тип производственного процесса вызывает потребность в подборе районов, обладающих наилучшим для него сочетанием природных ресурсов: углей, руд, флюсов и т. п., для комплексной организации промышленного хозяйства.

В капиталистической системе процесс создания угольно-металлургического хозяйства, выбора и формирования соответствующих районов происходит, как известно, антагонистически, противоречиво, с хорошо известными примерами резкого нарушения рациональности размещения. В социалистическом обществе промышленность размещается «так, как это наиболее удобно для её собственного развития» (Ф. Энгельс. «Антидюринг»), а последнее приводит к комплексному развитию районного хозяйства с приближением к источникам сырья и энергии и появлением обрабатывающих отраслей — этих самых верхних «этажей» данного производственного цикла.

Итак, для социалистического хозяйства устойчив не только исходный (ведущий) производственный процесс (скажем, угольно-металлургический), но устойчива для общего, типического случая и чрезвычайно обширная сфера производственных сочетаний, группирующаяся вокруг основного процесса. По мере своего развития естественное сцепление становится всё более сложным и полным, образуя целые «гроздья» и «гирлянды» производств. Нам кажется это настолько привычным, что если советский исследователь-географ не найдёт в каком-либо основном угольно-металлургическом районе всегда указанного обширного цикла процессов производства, то он будет специально отыскивать объяснение этому «противоестественному» явлению либо в специфических условиях района, либо в незавершённости процесса реконструкции. Сочетание производств района как бы закон для нашего строя.

Просматривая весь «портфель» современных производств, мы можем убедиться, что, помимо металлургического цикла, имеются и другие «исходные» процессы для других видов мас-

сового сырья и энергии. Анализируя эти исходные (ведущие) производственные массовые процессы, мы неизбежно будем подходить к установлению других обширных сочетаний производственных процессов, которые по тем же самым основаниям должны обусловливать возникновение других типов производственно-территориальных сочетаний (комплексов) в отдельных районах нашей страны.

Таков путь, по которому мы подходим к генерализации представлений о производственных процессах, необходимый для анализа районных комплексов и их частей. Она нам нужна для последующего анализа районных сочетаний (комплексов) при экономическом районировании. Типическую, устойчиво существующую совокупность производственных процессов, возникающих взаимообусловленно (соподчинённо) вокруг основного процесса, для данного вида энергии и сырья назовём для краткости речи условно «энергопроизводственным циклом» или просто «циклом». Заметим, что переход исходного процесса от одного вида энергии на другой (например, электрометаллургия железа вместо пирометаллургии) влияет на изменение состава производств цикла. Следовательно, цикл зависит не только от исходного сырья, но и от вида энергии, используемого в процессе и влияющего на технологию процесса.

Итак, под энергопроизводственным циклом понимается вся совокупность производственных процессов, последовательно развёртывающихся в экономическом районе СССР на основе сочетания данного вида энергии и сырья, от первичных форм — добычи и облагораживания сырья — до получения всех видов готовой продукции, которые можно производить на месте, исходя из приближения производства к источникам сырья и энергии и рационального использования всех компонентов сырьевых и энергетических ресурсов. В соответствии с конкретными условиями района и этапами развития хозяйства СССР в целом, в отдельных районах данный цикл может быть полным (законченным) и неполным (усечённым); каждый полный цикл в смысле номенклатуры продуктов, в свою очередь, может давать либо только законченные готовые изделия, либо частично в виде готовых, частично в виде незаконченных изделий, частей их, или в виде полупродуктов; пропорции между теми и другими устанавливаются в соответствии с экономическими заданиями и технологическими требованиями в плановом порядке. Цикл надо понимать как историческую категорию, развёртывающуюся во времени.

Для изучения вопросов типологии районов и системы районирования возможно установить следующие генерализированные циклы:

а) Пирометаллургический цикл чёрных металлов, включающий в себя добычу коксующихся углей и железных руд, их облагораживание, процесс коксования, доменный процесс, пе-

редельные процессы с получением сталей, процессы проката, стального и чугунного литья, металлообработку, машиностроение (тяжёлое — в первую очередь, отчасти — среднее); одновременно: использование продуктов коксования — коксо-бензольная химия, анилокрасочная химия, синтетическая углехимия на газах и жидких погонах коксования — пластики, моторное топливо, азотистые и водородосодержащие соединения, растворители, спирты, органические кислоты, каучук, высокооктановые добавки к жидкому топливу и т. д.; часто неорганическая химия, неорганические кислоты, щёлочи, удобрения.

б) Пирометаллургический цикл цветных металлов, включающий добычу и облагораживание руд цветных металлов (медь, цинк, свинец, золото, серебро и их спутники), добычу углей или газов, весь комплекс пирометаллургических процессов передела руд, селекции металлов и их рафинажа, получения «редких» и «рассеянных» спутников цветных металлов, получение серы, серной кислоты, химических продуктов на базе использования серной кислоты на месте её получения; металлообработка цветных металлов и получение сплавов, производство металлоизделий и машиностроение, связанные с массовым расходом цветных металлов: кабельное производство, электропромышленность и пр.

в) Нефте-энерго-химический цикл, включающий в себя добычу и переработку нефти, газов и солей. Сюда входят: перегонка, крекинг и гидрогенизация нефтей, мазутов с целью получения моторного топлива различных марок, смазочных масел, органический синтез высокооктанового топлива и добавок из газов (натуральных, крекинг-газов), органический синтез различных каучуков, спиртов, эфиров, органических кислот, пластиков, растворителей, получение водорода, азотистых соединений, искусственного волокна, переработка различных неорганических солей, получение сложных азото-фосфорных и азото-калийных удобрений, щёлочей, а также другие разветвления химической промышленности, развивающейся на основе нефтей, газов, солей.

г) Совокупность гидро-энерго-промышленных циклов на основе дешёвой, массовой электроэнергии с глубоким внедрением электроэнергии в процессы как основные, так и вспомогательные (нагревы). Эта совокупность циклов может включать в себя одновременно или порознь: электрометаллургию чёрных, цветных, лёгких металлов, электрохимию (в том числе гидро-электро-металлургию), электротермику (производство карбид-кальция, электрофосфора, цианамидов, алюмо-цемента и пр.). Современная техника и практика строительства в районах с массовой дешёвой гидроэнергией показывают, что возможно построить большие энергетические и производственные системы на обширных территориях (пять северо-западных шта-

тов США, три провинции Канады) с крайне небольшим, против обычных норм, участием тепловой (угольной) энергии, с получением самых различных продуктов и с резким общим сокращением расхода рабочей силы против угольно-металлургических циклов [1]. Следует заметить, что не всякая гидростанция способна вызвать такого рода изменения в технологии. Гидростанции с сезонной отдачей энергии или играющие подсобную роль (по количеству отпускаемой энергии) в тепловых электросистемах не способны произвести подобные изменения в масштабах и характере всего экономического района.

д) Совокупность циклов перерабатывающей индустрии, развивающейся вдали от источников сырья в районах с большим количеством населения, с большим внутренним рынком и выгодным экономико-географическим и транспортным положением, т. е. в районах потребления. Эти циклы могут развиваться отчасти на местных видах сырья и энергии, но по большей части на привозном топливе, транспортабельном сырье и полуфабрикатах. В эту группу входят: энерго-механическая, энерго-химическая, энерго-термическая переработка минерального и органического сырья и полуфабрикатов, в том числе машиностроение — среднее, лёгкое, точное, керамическая промышленность; производство стройматериалов; пищевая промышленность; текстильная промышленность и другие отрасли лёгкой промышленности со всеми сопутствующими «смежниками» и промышленностью по переработке отходов. Так называемая «вторичная металлургия» часто возникает при этом в качестве такого «спутника». Считать эту совокупность циклов или обрабатывающий цикл в отдельности только частью ранее названных циклов, вынесенную в другие районы, невозможно, так как по самому существу своего образования (удобство экономико-географического положения) районный цикл обрабатывающей промышленности опирается, обычно, не на один какой-либо район сырья, а на несколько сразу (пример — Москва опирается на Урал, Донбасс, Среднюю Азию и пр.) и вместе с тем образует, обычно, ясно выраженное территориальное «единство многообразия», имеющее в основе высококвалифицированный труд. В «неполных» формах эти циклы могут появляться в качестве сопутствующих и в районах развития основных циклов (Донбасс, Урал и пр.).

е) Лесо-энергетический цикл имеет существенное влияние на формирование хозяйства в ряде районов СССР. Он включает в себя лесо-эксплоатацию, лесо-переработку (механическую), процесс получения древесной массы, целлюлозы, фанеры, шингловое производство, производство изоляционных плит, прессованной, клеёной древесины, разнообразную химическую переработку древесины, с получением спиртов, эфиров,

[1] Подробнее эти вопросы разработаны в проекте Ангарстроя.

лаков, органических кислот, дубителей, смазочных масел, канифоли, скипидара и пр. В состав цикла входит также получение необходимой тепловой и электрической энергии на отходах производства; древесно-угольная металлургия может рассматриваться как одно из разветвлений этого цикла.

ж) Совокупность индустриально-аграрных циклов включает в себя различные отрасли социалистического сельского хозяйства: полеводства и животноводства, а также индустрии, перерабатывающей сельскохозяйственное сырьё: обработку волокна (растительного и животного), кожевенную промышленность, переработку пищевого и вкусового сырья—мукомольно-крупяную, винную, маслодельческую и маслобойную, сахарную, кондитерскую, табачную, мясную, рыбную, мыловаренную промышленность и т. д. В состав цикла включена также вся сельская индустрия, работающая на привозном и местном сырье и полуфабрикатах, использующая сезонные излишки сельскохозяйственного труда. В состав цикла входят также соответствующие стационарные и подвижные энергетические базы.

з) Гидромелиоративный индустриально-аграрный цикл выделен в особую группу ввиду характерных отличий от предшествовавших. Он включает в себя гидромелиоративные сооружения с сопутствующей энергетической базой, сельское хозяйство орошаемого типа с широким распространением технических культур и перерабатывающую индустрию.

Все описанные выше циклы отличаются друг от друга характерными соотношениями расходов энергии, сырья, транспортной работы, капиталовложений, рабочей силы для всех процессов, вместе рассматриваемых. Будучи зависимыми от достаточно устойчивых технологических основ ведущих процессов, полные циклы являются достаточно устойчивыми, т. е. относительно медленно изменяются во времени в связи с улучшением технологии, а балансовые соотношения основных производственных процессов, составляющих циклы, количественно достаточно хорошо характеризуют их экономичность.

Таким образом, характеристика экономических районов при помощи метода циклов (полные циклы плюс усечённые) может быть сделана не только качественно, но и количественно.

Так как указанные выше восемь энергопроизводственных циклов исчерпывают по самому своему замыслу все разновидности процессов, то при их помощи можно характеризовать, качественно и количественно, любой районный комплекс СССР, как бы ни был он многообразен и своеобразен [1]

---

[1] Теоретически возможно предвидеть в будущем возникновение девятого цикла — атомной энергии, получающейся, как показывают литературные данные, в основном в формах тепловой и лучистой энергии, которую возможно превратить в электричество.

Однако здесь необходимо принять во внимание новое обстоятельство. Дело заключается в том, что при взаимном сочетании производств разных циклов между ними могут возникать, и действительно возникают, новые связи и новые формы взаимных сочетаний, не учтённые в предыдущем изложении.

Далее, вся природная обстановка реального комплекса, а не его «модели», построенной на основании изложенного метода, реальный состав сырья, особенности энергетических ресурсов, ход и этап исторического процесса реконструкции района, трудовые и национально-культурные особенности населения — всё это видоизменяет типовую структуру хозяйства, которую возможно логически получить на основании типических производственных процессов и их комбинаций. Таким образом, создаётся то особенное, индивидуальное, не повторимое нигде в другом месте, что и является типичным для подлинно живого, непрерывно развивающегося экономического района.

Итак, между «моделью» комплекса и действительностью не только возможны, но и обязательно будут существовать значительные отличия. Можно ли сказать вместе с тем, что вышеприведённое сложное построение, анализ устойчиво существующего, закономерного для структуры хозяйства комплекса произведено напрасно? Отнюдь нет. Нас интересовала типологическая задача районных комплексов (сочетаний) прежде всего, а не столько индивидуальная характеристика каждого комплекса, взятого в отдельности. К этой типологической задаче мы приблизились вполне достаточно. Нужно ещё принять во внимание, что не все производства всех циклов являются ведущими в комплексе. Одни из них имеют местное значение, другие же имеют общесоюзное значение. Последние и определяют «специализацию» комплекса в общесоюзном географическом разделении труда. Далее, обязательно надо принять во внимание этап развития комплекса, влияющий на полноту циклов и на возникновение новых циклов, иногда создающих переходы — скачки из одного качественного состояния в новое качественное состояние.

Так как весь необходимый подготовительный анализ, приведший к установлению связей и их закономерностей в пределах так называемых циклов, уже дан выше, то возможно перейти к изложению вопроса о производственно-территориальных комплексах районного масштаба.

Советская экономическая география уже с 20-х годов отказалась от одностороннего описательного направления и простого созерцания явлений и фактов, как их можно наблюдать в прошлом или в настоящем. Развивая исторический научный метод в географии социалистического общества, советская географическая наука ввела в поле своего внимания изучение явлений в процессе их развития, включая и будущее. В процессе борьбы с буржуазными школами советская география

утвердила, что введение в науку оценки перспектив развития районов принципиально вполне допустимо без нарушения объективности научных исследований, в силу того, что при советской системе план развития народного хозяйства, построенный на научной основе, поддержанный массами и выполняемый организованным в государственную форму централизованным хозяйственным аппаратом, становится объективной силой. Поэтому при знании общих закономерностей социалистического развития управляемым становится также процесс формирования экономических районов. Изучение последних является основной задачей районной советской школы экономической географии, и она, как наука, поставила своей целью не только познание действительности в её пространственном, районном выражении, но и закономерностей её планового преобразования. Указания Ленина и Сталина об основных закономерностях размещения производительных сил при социализме (принцип наивысшей производительности труда; экономическое и политическое равноправие национальностей и др.) прочно вошли в экономическую географию социализма. Методика экономического районирования для огромной территории СССР, после трудов Госплана, Комиссии М. И. Калинина, первого и последующих сталинских пятилетних планов, была разработана именно на этой основе. Однако с современной точки зрения степень разработанности методики районирования в его конкретике оставляет желать лучшего, и те приёмы, которые были пригодны на заре советской власти для сравнительно несложной структуры хозяйства, — через 25 лет, со времени появления проекта экономического районирования Советской России (1922 г.), при огромных масштабах и многостороннем развитии индустриализации, а также при учёте перспектив ещё более широкого роста хозяйства на этапе решения основной экономической задачи, — оказываются недостаточными, как это можно видеть хотя бы на основании анализа темы о производственно-территориальных комплексах.

Покажем недостаточность применяемой сейчас методики на примерах и попытаемся устранить отмеченные недостатки. При установлении перспектив развития хозяйства какого-либо районного комплекса можно вести исследование либо «сверху» — от общих заданий союзного хозяйства, либо «снизу» — от возможностей развития производительных сил данного района, стремясь к оптимуму его в смысле комплексности. Последний путь в его крайнем выражении (т. е. без контрольных заданий по СССР) не может привести к положительному результату хотя бы потому, что количество различных вариантов, отличающихся направлением и масштабами, может быть очень велико; вспомним, что природные условия и природные ресурсы еще ничего не определяют сами по себе, важно переломить их сквозь призму общественных отношений и потребностей, а последние

определяются не только внутренними нуждами, но и отношениями различных частей государства и внешним его политическим, хозяйственным, военным окружением. Исследования «сверху» производятся путём распределения контрольных цифр — заданий по отдельным отраслям хозяйства, а в последующих фазах при проектировании заводов и других предприятий — ведомственными плановыми и исследовательскими органами, также «по отраслям». Для решения типологических задач и других научных целей автор настоящей статьи проделал соответствующую работу первоначально по первому методу (сверху). При этом были просчитаны уровни развития народного хозяйства СССР по методу душевых норм по 84 продуктам (т. е. весьма широко) с учётом тех заданий, которые дал товарищ Сталин в его выступлениях на XVIII съезде ВКП(б) и 9 февраля 1946 г. на перспективу (уголь, чугун, сталь, нефть). Далее были просмотрены данные о природных ресурсах по официальным публикациям, отчётные материалы по развитию хозяйства отдельных районов и, в меру возможности, оценены данные монографических исследований по крупным проектам реконструкции отдельных районов. На этом основании, т. е. далеко не механическим, не «цифровым» путём, было оценено значение отдельных районных комплексов в народном хозяйстве СССР по ведущим отраслям народного хозяйства. В некоторых случаях при этом методе специализация и тип комплексов определялись достаточно отчётливо, особенно комплексы тяжёлой индустрии на энергии углей и гидроэнергии. В большинстве же случаев задача оказалась настолько сложной, что пришлось после ряда попыток отказаться от этого метода и перейти к тому способу циклов с предварительной группировкой производств взаимосвязанными «гроздьями», о котором шла речь ранее. Для примера приведём табличную характеристику комплексов тяжёлой индустрии на энергии углей и гидроэнергии, как они были получены по первому методу (см. таблицу 1 на стр. 150—151).

Итак, перспективная специализация и структура районных комплексов по указанному методу для группы комплексов тяжёлой индустрии представляются в следующем виде:

1. Южно-Украинский комплекс. К производствам межрайонного значения относятся: добыча углей, выплавка чёрных металлов и ферросплавов, машиностроение, основная химическая и коксо-бензольная промышленность, получение лёгких металлов. В число производств внутрирайонного значения входит металлургия полиметаллических руд, добыча редких металлов, нефтепереработка и органический синтез.

2. Уральский комплекс. Межрайонное значение здесь имеет выплавка чёрных металлов (особенно качественного), ферросплавов, меди, цинка, лёгких и редких металлов, золотодобыча, машиностроение, нефтедобыча, нефтеперера-

ботка, основная химия, лесная промышленность; к производствам местного для Урала значения следует отнести добычу углей и органический синтез.

3. Кузнецко-Енисейский комплекс. К производствам межрайонного значения относятся: добыча углей, выплавка чёрного металла, ферросплавов, лёгких и редких металлов, добыча золота, основная химия, органический синтез, лесная промышленность. Крупное значение имеет гидроэнергия. Не характерны для района — получение меди, цинка, свинца, нефтепереработка.

4. Восточно-Сибирский комплекс. Производствами межрайонного значения являются: добыча углей, использование гидроэнергии р. Ангары, получение чёрного металла, цинка, свинца, редких металлов, золота, основная и органическая химическая промышленность, лесная промышленность, машиностроение; особо крупное значение имеют электроёмкие производства; выплавка лёгких металлов, электрохимия, электротермика. Добыча меди и нефтепереработка не характерны для района.

5 Центрально-Казахстанский район. К производствам межрайонного значения относятся — добыча углей, выплавка меди, цинка, свинца, редких металлов. Не характерны для района получение лёгких металлов, машиностроение, основная химия, нефтепереработка.

6. Волго-Донецкий комплекс. Производства межрайонного значения: металлургия чёрных металлов, добыча углей, машиностроение, основная химия, нефтепереработка (кавказской нефти), органический синтез на нефти и газах. Не характерны ферросплавы, цветные и редкие металлы.

Итак, для всех комплексов типической чертой является добыча углей в массовом масштабе для себя и на вывоз (исключение—Урал), выплавка чёрных металлов, тяжёлое машиностроение (кроме Казахстана), основная химия, цветная металлургия (в Донбассе — более узкое значение), лёгкие металлы (в большей или меньшей степени), органический синтез — лишь для трёх комплексов: Кузнецко-Енисейского, Восточно-Сибирского, Волго-Донецкого.

Наименее сложна структура Южно-Украинского и Центрально-Казахстанского комплексов. В противоположность этому — Уральский, Кузнецко-Енисейский и Восточно-Сибирский рисуют как чрезвычайно сложные.

Вот те выводы, которые могут быть получены привычным методом анализа. Они могли бы нас удовлетворить лет восемь-десять назад. Теперь же они нас не удовлетворяют, и вот по каким причинам.

Взаимообусловленность и взаимосвязанность производств, указанных в таблице, никак не показаны. В таком виде, как

Структура хозяйства районных комплексов тяжелой индустрии на

(+) производства общесоюзного
(0) нехарактерные отрасли и
(—) отсутствие данной отрасли

Районные комплексы	Добыча углей и коксование	Гидроэнергия	Чёрный металл	Ферросплавы	Медь	Цинк и свинец	Лёгкие металлы	Редкие металлы	Машиностроение
1. Южно-Украинский	+	+	+	+	—	0	+	0	+
2. Уральский	0	0	+	+	+	+	+	+	+
3. Центрально-Казахстанский . .	+	—	+	0	+	+	0	+	0
4. Кузнецко-Енисейский[1]	+	+	+	+	0	0	+	0	+
5. Восточно-Сибирский[1]	+	+	+	+	0	+	+	+	+
6. Волго-Донецкий[2]	+	+	+	0	—	—	—	—	+
Частота повторения данного производства в структуре районов	(+)5 (0) 1 (—)—	4 1 1	6 — —	4 2 —	2 3 2	3 2 1	4 2 —	4 1 1	5 1 —
Процент повторения + к общему числу	82,3	66,5	100,0	61,6	33,4	50,0	66,6	66,6	82,3

[1] Кузнецко-Енисейский район обладает огромными природными
В перспективе 15—20 лет в его энергетическом балансе могут сыграть
станция, в районе г. Енисейска. Следовательно, для более широких
Еще в более яркой степени это относится к В. Сибири с её ресурсами
цессов, влияя на тип района.

[2] В Волго-Донецком районе также две энергетические «души»:

Таблица 1

энергии углей и гидроэнергии по отдельным отраслям хоз-ва

и межрайонного значения;
производства районного значения;
производства.

Основная химия	Нефтедобыча	Нефтепереработка	Органический синтез	Лесопромышленность (сырьевая)	Пшеница	Мясо	Текстиль	Золото	Частота повторения производства разного значения			% повторения + к общему числу производства
									(+)	(0)	(—)	
+	—	0	0	—	+	0	—	—	8	5	5	44,5
+	+	+	0	+	0	0	0	+	12	6	—	66,5
0	+	0	0	+	0	+	—	+	7	7	4	38,8
+	—	0	+	+	+	0	+	+	13	4	1	72,3
+	0	0	+	+	0	+	0	+	13	5	—	72,3
+	—	+	+	—	+	+	—	—	9	2	7	50,0
5	1	2	3	3	3	3	1	4	62			57,4
1	1	4	3	—	3	3	2	—	—	29	—	26,8
—	4	—	—	3	—	—	3	2	—	—	17	15,8
82,3	16,7	33,4	50,0	50,0	50,0	50,0	16,7	66,6	57,4	26,8	15,8	1 000

ресурсами водной энергии: Обь — Томь, В. Енисей, Нижняя Ангара крупнейшее значение водные силы, в частности, Енисейско-Ангарская перспектив это не только район угольного типа, а углеводной энергии. р. Ангары, которые явятся главной основой производственных про-

угли Восточного Донбасса и природные газы,

даётся в таблице, комплекс представляется простым «набором» производств, возникающих или существующих в районе более или менее независимо друг от друга. Тем более не видны какие бы то ни было закономерности социалистического хозяйства и отличительные черты планово построенных районных комплексов от капиталистического хозяйства аналогичных районов, например, Рура, или американских угольных бассейнов.

В приведённой характеристике находят себе место только некоторые отрасли хозяйства, а многочисленные другие отрасли хозяйства, развивающиеся в районе, как бы забыты. Даже если автор подобных построений их учёл, то для читателя они исчезли совсем. В типологической характеристике тем самым допускается как бы произвольный момент в отборе производств-показателей, что не может не вносить сомнения в научной полноценности метода. Если вспомнить, что забота о комплексном полнокровном развитии хозяйства районов составляет справедливо особую заботу социалистического государства, то станет понятным важность этой стороны. В то же время совершенно очевидно, что нельзя составить такую таблицу, которая охватывала бы поименно 85—100 производств, тем более все производства.

И, наконец, характеризовать однозначной системой количественных показателей экономику комплекса при этой системе изучения совершенно невозможно, даже грубо приближённо, без специальных и громоздких исследований монографического характера по каждому комплексу. Тем более невозможно дать сравнение нескольких вариантов развития одного и того же комплекса, что может потребоваться, например, при оценке данных районных комплексов в системе экономического районирования Союза в целом.

Указанные дефекты, по мнению автора, могут быть, если не устранены, то сильно смягчены при методе генерализованных энергопроизводственных циклов, в самом замысле которых заложены основы обязательного сочетания для взаимосвязанных производств и предпочтительность расположения их в одном комплексе (за исключениями, особо мотивированными).

Характеристика хозяйства тех же комплексов по методу циклов даёт следующую картину (см. табл. 2 на след. стр.).

Всем, кто, внимательно вдумавшись, сравнит таблицы 1 и 2, станут ясными следующие выводы в отношении второго метода:

1. Метод пригоден только для изучения развития экономических районов социалистического государства; для стихийно развивающихся капиталистических районов он не пригоден.

Таблица 2

Структура хозяйства районных комплексов тяжелой индустрии на энергии углей по методу энергопроизводственных циклов

Районные комплексы	Пирометаллургич. чёрной металлургии	Пирометаллургич. цветной металлургии	Нефтехимической	Совокупность гидроэнергопромышл. циклов	Совокупность циклов перерабатывающей индустрии	Лесоэнергетический	Совокупность индустриально-аграрных циклов	Гидромелиоративный индустр.-аграрный	Частота повторения циклов разного значения: +	0	—	% повторяемости + к общему числу циклов
1. Южно-Украинский .	+	0	0	+	0	—	+	0	3	4	1	37,5
2. Уральский	+	+	+	0	+	+	+	—	6	1	1	75,0
3. Ц.-Казахстанский . .	+	+	—	+	0	0	+	0	4	3	1	50,0
4. Кузнецко-Енисейский	+	0	—	+	+	+	+	—	5	1	2	62,5
5. Восточно-Сибирский .	+	+	0	+	+	+	0	—	5	2	1	62,5
6. Волго-Донецкий . .	+	—	+	0	+	—	+	0	4	2	2	50,0
Частота повторяемости циклов +	6	3	2	4	4	3	5	—	27	—	—	56,2
0	—	2	2	2	2	1	1	3	—	13	—	27,1
—	—	1	2	—	0	2	0	3	—	—	8	16,7
Процент повторения + к общему числу . .	100	50,0	30,3	66,7	66,7	50,0	83,4	0	56,2	27,1	16,7	100

Примечание. В отношении Кузнецко-Енисейского, В.-Сибирского и Волго-Донецкого комплексов те же, что указаны в таблице 1

2. Количество гипотетических допущений при оценке тенденций, направлений развития комплексов в будущем при втором приёме резко сокращается; следовательно, достоверность утверждений увеличивается. Типологические признаки, а равно и различия выступают более ярко.

3. Достигается общий охват структуры хозяйства, вместо выборочного. Таблица 2 представляет собой как бы подобие алгебраической формулы районов, охватывающей закономерности всякого рода связей и взаимную соподчинённость производств районов.

4. Пользуясь укрупнёнными средними показателями для циклов в целом, возможно давать примерные типологические количественные оценки для элементов народного хозяйства данного типа — балансы потребностей сырья, топлива, электроэнергии, рабочей силы, воды, транспортных услуг, а также учёт запросов по промышленным площадям для заводов, площадям для лесоэксплоатации, сельского хозяйства и т. д. Далее, при достаточном знании общих географических условий района возможно внести необходимые (укрупнённые) поправки на местные условия и получить в первом приближении, в случае надобности, известное представление о различиях в средней порайонной общественной производительности труда по сравнению со средними условиями по СССР и знать, за счёт каких именно участков народного хозяйства их можно ожидать. При этом проверка расчётов по балансам может быть сделана методом душевых норм.

5. Имея подобного рода характеристики возможно, не ломая логики исследования, переходить к следующей, более глубокой фазе типологического изучения структуры для отдельных составных территориальных частей районного комплекса, распределив общие размеры производства каждого цикла в отдельности по территории данного района в полном соответствии с географическими (природными и экономическими) условиями этого района без нарушения комплексности и структуры целого и последовательного перехода к изучению всё более локализованных комплексов (сочетаний), географических группировок (узлов), а по ходу исследования и комбинатов разного характера. Несомненно, что при второй внутрирайонной фазе исследования степень генерализации должна быть меньше, а распределение производства по территории должно преследовать цели сокращения, насколько это возможно и целесообразно, затрат на перемещение сырья, энергии, готовой продукции и других расходов, зависящих от географического распределения хозяйства на территории районов, а также сокращения общих затрат на освоение территории, районную планировку, строительство жилья и предприятий. Выбор подрайонов и узлов должен производиться, в первую очередь,

исходя из санитарных, культурных и эстетических требований в отношении расположения населённых мест.

Для того, чтобы показать применение метода циклов к какому-либо типу районов, мы избираем группу районных комплексов, развивающихся на основе использования нефти, газов и гидроэнергии. Случайно или неслучайно, но эти комплексы оказываются одновременно гидромелиоративными, в которых развитие сельского хозяйства происходит с применением искусственного орошения земель путём создания бо́льших или меньших сооружений, а последние, как известно, тесным образом связаны с гидроэнергией. Исключением здесь является Западная Украина (см. табл. 3 на след. стр.).

Сравнивая таблицу 3 с таблицей 2 по частоте повторения циклов, мы видим, что типические стороны выступают здесь с неменьшей яркостью, чем в предыдущем случае, и в то же время обращает на себя внимание разносторонность хозяйства комплексов данного направления и связанность его с сельским хозяйством.

Таким образом, перспективная специализация и структура районных комплексов нефте-гидро-энергетической группы по методу циклов определяется так:

1. Закавказский. К циклам межрайонного значения относятся: цикл цветной металлургии — медь, редкие металлы; цикл нефтехимический: добыча и переработка нефти, нефтехимия, в том числе синтетическая органика; из циклов гидроэнергетических: ферросплавы, алюминий, карбидное производство и его производные, в частности каучук; индустриально-аграрный, представленный производством и переработкой субтропических культур, чая, цитрусовых и пр. мелиоративный: посевы на поливных землях риса, хлопчатника и др. Внутрирайонное значение имеют циклы перерабатывающей индустрии, например, текстиль, керамика, машиностроение, и лесоэнергетический — горные леса.

2. Северо-Кавказский. Выступает ярко, как очень родственный по структуре Закавказскому районному комплексу, с той разницей, что вместо меди появляются цинк и свинец, а вместо субтропических культур появляются более северные сельскохозяйственные культуры.

3. Средне-Азиатский. Выступает не менее ярко как аналог Закавказья, но с гораздо более важным значением мелиорации и с менее ярким значением нефтедобычи (надо думать, впредь до надлежащих разведок).

4. Средняя Волга. Для этого района обнаруживается важное значение нефте-химического цикла и газа и широкое развитие химии на нефтяных производных и на солях (также на калийных), в том числе органического синтеза. Кроме того, важна гидромелиорация Заволжья, а также гидроэнергетика.

Таблица 3

Структура хозяйства районных комплексов, развивающихся на основе использования нефти, газов, гидроэнергии по методу циклов

Районные комплексы	Пирометаллургическ. чёрной металлургии	Пирометаллургическ. цветной металлургии	Нефтехимический	Совокупность гидроэнергопромышлен. циклов	Совокупность циклов перерабатывающей индустрии	Лесоэнергетический	Совокупность индустр.-аграрных циклов	Гидромелиоративный индустр.-аграрн. цикл	Частота повторения циклов разного значения: +	0	−	% повторяемости + к общему числу циклов
1. Закавказский . . .	0	+	+	+	0	0	+	+	5	3	—	83,4
2. Северо-Кавказский .	—	+	+	+	—	0	+	+	5	1	2	83,4
3. Средне-Азиатский .	0	+	+	+	0	—		+	5	2	1	83,4
4. Средне-Волжский .	—	—	+	+	0	0	+	+	4	2	2	66,7
5. Западно-Казахстанский	—	—	+	—	—	—	+	+	3	—	5	50,0
6. Западно-Украинский	—	0	+	0	0	+	+	—	3	2	3	50,0
Частота повторения: (+)	—	8	6	4	—	1	6	5	25	—		52,1
(0)	2	—	—	1	4	3	—	—		10	—	20,8
(−)	4	3		1	2	2	—	1		—	13	27,1
Процент повторения + к общему числу . .	0	50	100	66,7	0	16,6	100	83,4	52,1	20,8	27,1	100

Этот комплекс с полным правом можно отнести к родственному типу районов. Несомненно, имеющиеся различия с другими более южными районами объясняются двумя причинами: другим географическим положением в более северных широтах и зонах и другим геологическим происхождением: Поволжье — часть Русской платформы, а ранее названные районы расположены в складчатых зонах континента. Эти обстоятельства влияют на индивидуальное лицо, а не на тип

5. Западно-Казахстанский. С производственной точки зрения — крайнее выражение, обострение качеств, свойственных Среднему Поволжью; нефть и соли обусловливают крупное развитие нефтехимического цикла и переработки солей, в том числе калийных; орошение земель здесь единственное средство земледелия (см. проекты орошения за счёт вод р. Урала). Сельскохозяйственный цикл пока представлен отгонными формами скотоводства.

6. Западно-Украинский. Географически, казалось бы, полная противоположность Западному Казахстану. Однако у этого представителя группы имеются важные формы родства с ним в области индустрии — нефтедобыча, газодобыча, переработка нефти и газов, водные ресурсы горных рек, горно-рудные ресурсы, использование солей, с развитием на этих основах соответствующих циклов. Имеются черты сходства и с Кавказскими районами, объясняемые в известной мере сходством геологической подосновы (молодая складчатая зона). Экономико-географические различия с Западным Казахстаном коренятся в условиях для сельскохозяйственного производства, которое представлено полярно-различными его ветвями (интенсивное земледелие и отгонно-пастбищное скотоводство), что влияет на плотность заселения и индустриальную «верхушку» сельского хозяйства — пищевую и лёгкую индустрию комплексов, которые, естественно, также очень различны.

Из рассмотрения данного примера характеристик структуры районных комплексов нефте-гидро-энергетической группы, а также на основании ранее приведенного примера для комплексов тяжёлой индустрии, вытекает много важного с теоретической точки зрения о природе таких сложных образований, какими являются районные комплексы. Они выступают перед нашими глазами не как механическая сумма производственных циклов или процессов (вспомним, что понятие цикла введено нами как вспомогательное); районные комплексы следует рассматривать и изучать как единство многообразия, как явление, развивающееся по всем общественно-историческим законам. Понимание таких явлений возможно только на основе диалектических приёмов мышления. Точно так же типологические задачи, приведшие нас

к указанным выше логическим построениям, могут быть разрешены до конца только на основе философии марксизма.

Мы до сих пор в наших построениях как бы игнорировали природную, географическую среду. Она входила в наши рассуждения в скрытой форме: как ресурс промышленного сырья, получаемого в данном месте; как энергия производственного процесса из природного источника, расположенного поблизости; как ресурс для индустриально-аграрных процессов на основе сельскохозяйственного сырья, получаемого в данном районе со всеми его особенностями климата, почв, растительности. Но в явной форме природная среда до сих пор в наших построениях отсутствовала. Когда мы говорили о комплексах тяжёлой индустрии, этот недостаток построения не бросался так резко в глаза, но когда мы перешли к комплексам второй группы, то нам потребовались текстовые комментарии для объяснения ряда обстоятельств, побуждающих считать правомерным отнесение всех шести районов к данной группе. Силы природы, географической среды как таковые властно ворвались в наше теоретическое построение и заставили о себе говорить. Ранее мы справедливо отвели первое место в нашем построении производственным, т. е. экономическим и техническим вопросам, влияющим на структуру районных комплексов, но забыли о таких силах природы, как солнечная энергия, ветер, почва и пр., которые, неся даровую службу человеку, достаточно сильно влияют на производственную структуру районных комплексов. Их органическое включение в типологическую схему наряду с силами технологических процессов (электричество, тепло, пар, химическая энергия и пр.), т. е. с такими же силами природы, лишь непосредственно поставленными человеком себе на такую же службу, очевидно, совершенно необходимо для должной полноты и правильности экономико-географических выводов.

Далее необходимо учесть, что, как легко предвидеть на основании элементарной алгебры, число различных сочетаний из наших условных восьми-десяти генерализованных циклов может быть очень велико. Количественные соотношения между производствами разных циклов могут быть почти бесконечно разнообразны. Поэтому внутри одной и той же группировки районов (тяжёлая индустрия, нефте-гидроэнергетическая и др.) может быть достаточно широкий диапазон количественно-качественных отклонений в ту или другую сторону. Могут появляться (и появляются) формы промежуточные, так сказать «гибридные», которые будет затруднительно отнести к тому или другому типу.

Так, например, в нашей первой группировке комплекса «тяжёлой индустрии» совершенно отчётливо выделяется как «классический» Донецкий (Южно-Украинский), основанный

на энергии углей. Мало в энергетическом отношении от него отличается Центрально-Казахстанский (уклон в цветную металлургию); Кузнецко-Енисейский только теперь представляется как бы «подобием Донбасса в Сибири», а в перспективе, например, при введении в действие гидростанции на р. Енисее, способной дать по эквиваленту столько энергии, сколько дают ныне добывающиеся угли в Кузбассе, обстановка должна резко измениться: произойдёт создание новых процессов не на тепловой форме энергии, а на электрической, т. е. появятся равноправно новые циклы; комплекс выступит перед нами как угольно-гидроэлектрический.

Восточно-Сибирский комплекс с первых шагов его возникновения представляется как гидроэнергетический по преимуществу.

В ином направлении отклоняется от Донецкого угольного «эталона» Волго-Донецкий комплекс тяжёлой индустрии. Это тоже переходный тип к комплексам нефте-газо-гидроэнергетического ряда. С одной стороны, это тот же Донбасс, в его восточной части, а с другой — это солевая, газовая и нефтяная Волга в ёе новом, современном облике. Таким образом, намечаются некоторые взаимно сближающиеся переходы внутри «семейства» (группы типов) комплексов тяжёлой индустрии и само собой, как мы видели ранее, и внутри «семейства» нефте-гидроэнергетического.

Возможно при внимательном изучении структур расположить комплексы обоих «семейств» в последовательно изменяющийся ряд, образующий при переходе от одного районного комплекса к другому некоторые «скачки» от одной меры вещей (количества — качества) к другой мере вещей, в зависимости от соотношений «дирижирующих» форм энергии (и сырья) и связанных с ними форм производственных циклов разного состава. Различие форм природной (стихийной) энергии, влияющей на производственные процессы (например, в сельском хозяйстве, в лесном хозяйстве, в гидроэнергетике), при этом также должно быть принято во внимание. При этом указывается, что размерность «скачков» перехода от одного района к другому внутри одного «семейства» оказывается в общем случае не больше, чем при переходе от одного крайнего к другому крайнему члену двух «семейств». Называя для сокращения «дирижирующие» виды энергии: (г) — гидроэнергия, (у) — угольная энергия, (н) — нефте- и газоэнергия и располагая районы в ряд в соответствии с переходами от одной дирижирующей энергии к другой, получаем этот ряд в следующем виде:

1) Восточно-Сибирский — (г); переходный к Дальне-Восточному и Северо-Енисейскому;
2) Кузнецко-Енисейский — (у + г);
3) Центрально-Казахстанский с Алтаем — (у + г); без Алтая — (у);
4) Южно-Украинский — (у);

5) Волго-Донецкий — (у + н), переходный к Средне-Волжскому и Западно-Казахстанскому;
6) Уральский — (у + н), переходный к Средне-Волжскому и Западно-Казахстанскому;
7) Западно-Казахстанский — (н);
8) Средне-Волжский — (н + г);
9) Западно-Украинский — (н + г);
10) Северо-Кавказский — (н + г);
11) Закавказский — (и + г);
12) Средне-Азиатский — (н + г), переходный к Южно-Казахстанскому.

Аналогично приему, примененному для выделения двух «семейств» комплексов — тяжелой индустрии и нефте-гидроэлектрических, все остальные районные комплексы возможно сгруппировать в три новых «семейства», отличающихся теми же свойствами взаимных последовательных переходов структуры и состава циклов. Перечислим все «семейства» полностью:

1. Тяжёлая индустрия.
2. Нефть — гидроэнергия.
3. Индустрия — земледелие.
4. Обрабатывающая индустрия.
5. Северная индустрия.

Вкратце охарактеризуем все эти «семейства».

1. Тяжелая индустрия. Комплексы специализированы на добыче углей и выплавке черного и цветного металлов пирометаллургическими методами. В переходных формах более сложного состава районы включают массовую металлургию на гидроэнергии электрометаллургическими методами. Комплексы обладают разветвленной системой машиностроительных и химических производств, которые возникают в них на основе принципа приближения к базам сырья и энергии и сокращения издержек на транспорте и энергии. Комплексы имеют большие индивидуальные отличия, в зависимости от количества и качества исходного сырья, вовлекаемого в разработку. Внутри группы различаются комплексы преимущественно угольно-металлургические, комплексы преимущественного развития цветной металлургии, комплексы, примерно, равного значения чёрной и цветной металлургии, комплексы преимущественного развития массовой гидроэнергетики (с обеспеченным регулированием) и электропроцессов. Химическая промышленность комплексов варьирует в зависимости от наличия или отсутствия на их территориях нефти и природных газов и лесного сырья, а также от степени разнообразия минерального химического сырья.

2. Нефть — гидроэнергия. Эти комплексы специализированы на добыче и переработке нефти, газов и получения гидроэнергии. В современном индустриальном хозяйстве нефть и натуральные газы занимают одно из ведущих мест в качестве источников энергии и как химическое сырьё. Ныне всё сельское хозяйство, авто- и авиатранспорт имеют

нефть в качестве источника движущей силы. Электроэнергия, полученная на газах, занимает по стоимости среднее место между угольной и гидроэнергией. Газ дёшево передаётся на дальние расстояния по трубопроводам. Нефть и газы дают огромное количество органических синтетических продуктов. С другой стороны, гидроэнергетика создаёт исключительно благоприятное сочетание с нефтересурсами, расширяя диапазон электроёмких процессов как на область органического синтеза, так и на область смежных электрохимических, электротермических и электрометаллургических производств. Количество производственных разветвлений здесь очень велико, причём оно всё растёт В условиях СССР соответственные комплексы природных ресурсов (нефть — гидроэнергия) совпадают, как правило, с местностями, богатыми сельскохозяйственными фондами союзного значения, требующими гидромелиорации. Гидромелиорация и гидроэнергетика требуют единства водного хозяйства в целом, а следовательно, производственно тесно связаны друг с другом как при создании гидросооружений, так и при их эксплоатации. Комплексы этой группы также сильно отличаются друг от друга в зависимости от соотношений циклов и от характера сельскохозяйственного производства, от типа и интенсивности физико-географических процессов.

Крайние члены этого семейства приближаются по своему типу, с одной стороны, к группе тяжёлой индустрии, а с другой — к группе индустриально-земледельческой.

3. Индустрия — земледелие. Характерной чертой комплексов является наличие крупной индустрии, перерабатывающей пищевое, техническое сырьё сельскохозяйственного производства (зерно-корнеплоды, фрукты, волокно, мясо, кожи, шерсть и пр.). Как известно, в США первое место по стоимости продукции занимает пищевая индустрия. Отсюда значение разветвлений этой индустрии в народном хозяйстве индустриально-аграрных стран. Однако этими формами индустрии не ограничивается индустрия этих комплексов. В ряде комплексов, расположенных в лесостепной полосе, появляются лесные циклы местного значения; в приморских районах, т. е. рыболовецких, появляется рыбопереработка. Далее, в комплексах, удачно расположенных по отношению к комплексам тяжёлой индустрии, лёгкое и среднее машиностроение; в приморских комплексах — судостроение и т. д. Итак, приближаясь, с одной стороны, к комплексам нефть — гидроэнергия (через сельскохозяйственное производство, гидроэлектрические циклы, мелиорацию), данные комплексы являются переходными (через машиностроение) к следующей группе — обрабатывающей индустрии, которая также в большой степени потребляет сырьё сельскохозяйственного происхождения.

4. Обрабатывающая индустрия. Группа ком-

плексов перерабатывающей индустрии, как правило, располагающихся в более северных широтах с меньшей интенсивностью энергии климата, характеризуется высоким значением перерабатывающих отраслей промышленности, в том числе производств средств производства на полуфабрикатах районов тяжёлой индустрии. Здесь могут быть представлены самые разнообразные «верхние этажи» циклов металлургии, циклы механической, термической и химической обработки изделий, а также текстиль, лесная и пищевая индустрия. Как известно, с особым успехом перерабатывающая индустрия развивается в местностях с густым населением и крупными размерами местного потребления, а также в местностях, отличающихся выгодами экономико-географического положения, позволяющими экономить на транспортировании готовой продукции. Современная техника облагораживания (обогащения) некоторых видов сырья сокращает «баласт» в составе сырья, давая транспортабельные «концентраты». С другой стороны, той же цели достигает комбинирование производственных процессов с получением полезных продуктов из «баласта» вчерашнего дня, что также увеличивает сферу снабжения. Эти обстоятельства определяют целесообразность и выгодность развития обрабатывающих циклов в центральных районах страны с их преимуществами экономико-географического положения, а кроме того, также выгодность развития некоторых «исходных» производств, создающих маневренность (чёрная металлургия под Москвой и Ленинградом и пр.). Ясно, что всякое изменение экономико-географического положения должно сказываться на интенсивности развития этих районных комплексов. Например, для районов Волги — Камы важное стимулирующее значение приобретает рост на Востоке Урала и Сибири, что улучшает их снабжение восточными полуфабрикатами; установление хозяйственных связей со странами новой демократии на Западе улучшает экономико-географическое положение Белоруссии и Прибалтики. Отметим, что для успешного развития всех районов этой группы важное значение имеет хорошая увлажнённость и густая гидрографическая сеть для снабжения водой промышленности и крупных городов.

5. Северная индустрия. Комплексы этого типа располагаются в лесной и даже тундровой зонах северных районов. Население здесь, как правило, редкое, в связи с трудными климатическими условиями. По условиям освоения территории возможен, как правило, лишь выборочный метод освоения земель отдельными оазисами, ареалами, часто лишь отдельными точками и редко крупными массивами. Иногда необходимо опираться не только на постоянно живущие кадры местного населения, но и на периодический завоз (на определённые сроки) рабочей силы из других, более южных районов страны. Главная цель создания комплекса — разработка особо

ценных минеральных ресурсов, лесов, рыбных и морских промысловых богатств. Современная техника и экономика позволяют вести освоение этих северных богатств при особо высокой механизации процессов и при переводе процессов на такие формы энергии, как водная и нефтяная, позволяющие резко сократить расходы особо дорогой рабочей силы. В составе группы имеются значительные индивидуальные отклонения комплексов, так что можно установить переходные формы к районам обрабатывающей индустрии, с одной стороны, и к районам тяжёлой индустрии — с другой.

Всё нами сказанное помогает составить следующую сводную типологическую таблицу (№ 4) районных производственных сочетаний (комплексов) на этап решения основной экономической задачи СССР. В эту таблицу вводится как классификационный признак подмеченная выше группировка комплексов в пять «семейств», а с другой стороны, изменчивость комплексов одного и того же «семейства», сближающая разные «семейства» друг с другом так, что получается как бы непрерывный ряд переходов, включающий 30 районных комплексов СССР.

В приведённой таблице 4 слева и справа против названия каждого комплекса помещены некоторые характеристики действующих в комплексах сил производственных процессов и сил природных процессов, взятых под углом зрения значения их для хозяйства комплексов. В качестве показателей производственных сил приняты: добыча углей (в процентах к общесоюзной), потребление электроэнергии (в процентах к общесоюзному), душевые нормы электровооружения труда (при 100 — средней в СССР) и дирижирующие виды энергии (уголь, нефть, гидроэнергия). В качестве показателей сил природных процессов взяты: тип воздушных масс и зональность для солярных сил и основные формы тектонических типов (платформы, щиты, складчатые зоны) — для плутонических сил, влиявших на формирование рельефа, стратиграфию, на создание магматических «очагов», геохимические процессы, на закономерности концентрации и рассеяния элементов в земной коре и пр. Привлечение к анализу этих показателей основано на следующем допущении. Если расположение в последовательно изменяющийся ряд наших комплексов основано только на логической основе, т. е. является абстракцией, не имеющей никаких оснований в действительности и в закономерностях порайонной структуры социалистического хозяйства для такой обширной и разнообразной страны, как СССР, то наши энергетические показатели для природных и технологических сил должны обнаружить это в форме совершенной случайности и непоследовательности рядов этих показателей. Если же мы обнаружим в какой-либо форме закономерное изменение этих вспомогательных рядов, то получим новое важное доказательство

Таблица 4

Таблица районных производственно-территориальных сочетаний (комплексов)

Характеристика на этап решения основной экономической задачи

Силы производственных процессов				Группы комплексов («семейства»)	Наименование районных сочетаний (комплексов)	Силы природных процессов		
добыча углей в проц. к общесоюзной	потребление электроэнергии в проц. к общесоюзному	душевые нормы электровооружен. при 100-средней общесоюзной	дирижирующие виды энергии			тип воздушных масс	зональность	тектоника
—	1,5	250	(г)	Северная индустрия	Карело-Мурманский (переходный) . . .	п+а	т+л	пл
2,0	0,5	400	(г+у)		Северо-Енисейский	п	т+л+вз	пл
0,5	0,8	200	(г+у+н)		Якутский	п	т+л+вз	пл+сз
4,9	1,2	150	(у+н)		Двинско-Печорский (переходный)	п+а	т+л	пл+сз
—	0,3	100	(у)		Северо-Обский	п+а	т+л	сз
0,5	0,3	100	(у+н)		Чукотско-Камчатский	п+т	т+вз	сз
4,2	4,0	200	(у+н+г)	Тяжёлая индустрия	Дальне-Восточный (переходный)	п+т	л+вз	сз
6,3	7,3	300	(г+у)		Восточно-Сибирский	п	л+вз	пл+сз
16,6	10,3	250	(у+г)		Кузнецко-Енисейский	а+п	л+лс+вз	сз+пл
6,7	2,5	250	(у+г)		Центрально-Казахстанский с Алтаем . .	а	с+п+вз	сз
29,2	8,1	150	(у)		Южно-Украинский	а	с	пл
6,7	3,9	150	(у+н)		Волго-Донецкий (переходный)	а	с	пл
6,7	8,7	150	(у+н)		Уральский (переходный)	а	с+лс+л+вз	сз
0,5	0,6	100	(н)	Нефть — гидроэнергия	Западно-Казахстанский	а+тр	с+п	сз
—	3,7	75	(н+г)		Средне-Волжский	а	с+лс	пл
1,3	1,9	60	(н+г)		Западно-Украинский	а	л+лс+вз	пл+сз
1,7	3,5	110	(н+г)		Северо-Кавказский	а	с+вз	сз
1,7	4,4	150	(н+г)		Закавказский	а+тр	вз	сз

Продолжение — Таблица 4

Силы производственных процессов				Группы комплексов («семейства»)	Наименование районных сочетаний (комплексов)	Силы природных процессов		
добыча углей в проц. к общесоюзной	потребление электроэнергии в проц. к общесоюзному	душевые нормы электровооружен. при 100-средней общесоюзной	дирижирующие виды энергии			тип воздушных масс	зональность	тектоника
2,5	4,8	90	(г+н)		Средне-Азиатский	тр	п+вз	сз
0,5	0,8	50	(г)		Южно-Казахстанский (переходный)	тр+а	п+вз	сз
—	1,2	40	(г)	Индустрия	Причерноморский с Молдавией	а	с+вз	сз+пл
1,7	2,8	50	(г+у)	Земледелие	Центрально-Украинский	а	с+лс+л	пл
—	0,4	60	(у)		Северо-Казахстанский	а	п+с+лс	сз
—	1,9	70	(у)		Западно-Сибирский	а	с+лс	сз
—	3,1	70	(у)		Центрально-Чернозёмный (переходный)	а	с+лс	пл
—	5,8	100	(у)	Обрабатывающая индустрия	Волго-Камский	а	лс+л	пл
5,8	8,5	100	(у)		Московский	а	лс+л	пл
—	1,6	60	(у)		Белорусский	а	л	пл
—	1,6	60	(у)		Прибалтийский	а	л	пл
—	4,0	100	(у+г)		Ленинградский (переходный)	а	л	пл
100%	100%	100	(у+г+н)					

Сокращения:

I. Дирижирующие виды энергии
- у — уголь
- г — гидроэнергия
- н — нефть и газы

II. Типы воздушных масс
- п — арктический
- а — атлантический
- т — тихоокеанский
- тр — тропический

III. Зональность
- т — тундра
- л — лес
- лс — лесостепь
- с — степь
- п — пустыня
- вз — вертикальная зональность

IV. Тектоника
- пл — платформа
- сз — складчатая зона

того, что структура районных комплексов подчинена какому-то закону развития.

Как видим из таблицы 4, есть ряд оснований считать, что такой закон существует, несмотря на крайне еще несовершенный путь, и который привёл к таким выводам:

1. Наивысшее электровооружение труда (интенсивность производственных процессов) получается для комплексов северной индустрии (Северо-Обский; Чукотский — не исключение, а только более поздняя фаза включения в процесс индустриализации, который еще не успел развернуться к расчётному этапу).

2. Следующие места, как и следовало ожидать, занимают районы тяжёлой индустрии, причём наивысшее место энерговооружённости занимают новые, малонаселённые, сибирские районы.

3. Следующие места занимают нефте-гидро-энергетические комплексы — новые виды тяжёлой и средней индустрии, сочетающиеся с ирригационными сельскохозяйственными устройствами.

4. Четвёртое и пятое места занимают комплексы индустриализированного земледелия и обрабатывающей промышленности, по природе свой требующие значительных затрат живого труда.

5. Типы воздушных масс изменяются достаточно последовательно, чтобы не усмотреть в этом ряду подтверждения правильности принятого чередования комплексов. Не встречается существенных противоречий и при рассмотрении столбца «Зональность».

6. Столбец «Тектоника» не даёт материалов для суждений без параллельного рассмотрения закономерностей геохимических, для которых трудно дать пока обобщающий показатель. Однако в ряде случаев он помогает проверить расположение комплексов внутри «семейства» (Восточно-Сибирский предпочтительно помещать рядом с Кузнецко-Енисейским, а не иначе; Волго-Донской — рядом с Южно-Украинским; Средне-Волжский — рядом с Западно-Украинским; Причерноморский — рядом с Центрально-Украинским и т. д.).

7. Следует ожидать, что дальнейшее изучение вопроса с точки зрения физико-географического, геологического и геохимического районирования, продолжающее научные традиции В. И. Вернадского и А. Е. Ферсмана, помогут установить многие еще не ясные стороны излагаемого нами типологического вопроса.

* *
*

Обобщим всё изложенное в настоящем очерке.

30 лет назад под руководством В. И. Ленина и И. В Сталина создано первое в мире советское социалистиче-

ское государство, поставившее своими задачами освобождение трудящихся всех племён и народов от эксплоататорской власти капитала и организацию общественного процесса производства на научных основах.

25 лет назад был разработан первый научный план преодоления узких рамок капиталистического производственного опыта — ленинский план ГОЭЛРО.

19 лет назад, с началом первой сталинской пятилетки, была начата широкая плановая индустриализация нашей страны.

В результате, всего в течение 12 лет мирного труда, был настолько поднят технический и экономический уровень страны, что она оказалась сильнее гитлеровской Германии в экономическом отношении.

В процессе этого строительства и критического, творческого освоения технического опыта капиталистических стран возникло новое явление в нашей экономической географии, в экономике и технике: плановые производственно-территориальные сочетания (районные и локализованные комплексы) — следствие планирования социалистического хозяйства.

Эта система в известной мере была предвосхищена теоретически в работах ГОЭЛРО и Госплана в 1920—1922 гг. и нашла своё отражение в виде первого проекта экономического районирования Советской России, в котором выяснено значение электрификации и «комбинирования» производств для формирования экономических районов.

Однако действительность социалистического строительства оказалась более богатой условиями для дальнейшего повышения производительности труда через районные сочетания по сравнению с тем, что могло быть учтено прямым образом в проектировках Госплана в 1921—1922 гг. Точно так же в мировой научной технике произошли сдвиги, очень важные с точки зрения применения их в социалистическом строительстве.

Не будет преувеличением сказать, что весь исторический ход мировых событий после войны складывается так, что СССР приходится изыскивать всё новые, более короткие дороги для решения основной экономической задачи — догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении, спрямляя зигзаги исторического процесса и опираясь на марксистскую науку. С этой точки зрения представляет большой интерес учёт всех резервов и преимуществ нашего строя, в том числе и экономического районирования, связанного в свою очередь с учением о плановых производственно-территориальных сочетаниях (комплексах).

До сих пор мы отыскивали и испытывали здесь новые советские пути и средства, творчески осваивая опыт техники и организации производства передовых капиталистических стран. Сейчас речь идёт о всё более систематическом применении наших собственных достижений и о преодолении рамок

технического опыта капитализма. Возможности, открывающиеся здесь, поистине огромны. Среди других средств немаловажным средством ускорения роста общественной производительности труда является применение системы производственно-территориальных сочетаний, которая позволяет достигнуть:

1 Комплексности в использовании природных ресурсов по районам в их наивыгоднейших сочетаниях.

2. Комплексности в производственных процессах по циклам и районам.

3. Правильного, планового географического разделения труда внутри района и в межрайонных отношениях.

4. Комбинирования в использовании сырья, энергии, транспортных средств, рабочей силы, инженерных устройств и оборудования заводов и территорий районов (районная планировка)

5. Преодоления на этих основах технических рамок и типов предприятий капиталистических стран.

6. Дальнейшего развития основ ленинского плана электрификации.

7. Преодоления капиталистических типов железнодорожного транспорта с выделением системы дорог основного каркаса железнодорожной сети для удешевления и ускорения межрайонных сообщений и железнодорожных сетей для внутрирайонных сообщений, тщательно приспособленных к условиям природы и хозяйства каждого района.

Планомерное осуществление этих целей в жизни требует прежде всего обобщения и теоретической обработки нашего советского технического и экономического опыта в свете ленинского учения и создания настоящей теории советских производственно-территориальных сочетаний.

Соответствующее участие в этом важном деле должны принять разнообразные ветви советской науки в силу многогранности вопроса, в частности экономическая и физическая география.

Настоящий очерк задуман в целях постановки некоторых теоретических проблем перед географами в форме известной гипотезы к решению задачи. Внимательный читатель достаточно легко откроет ряд допущений в теоретических построениях очерка, которые еще недостаточно доказаны, чтобы говорить о сколько-нибудь полной теории вопроса. Ныне это лишь гипотеза. Теория — дело будущего. Однако автор надеется, что он не сделал всё же произвольных допущений, лишающих работу научного смысла. Если это так, и работа натолкнёт других исследователей на новые идеи, пусть отличные от изложенных, — цель гипотезы уже будет достигнута.

Научно-исследовательский институт географии
Московского государственного университета

БИБЛИОГРАФИЯ

О СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ СССР

Учёные записки Ленинградского Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Том 47 Кафедра экономической географии и кафедра методики географии. Редактор проф. М. Б. Вольф. Ленинград, 1947, 196 стр. Тираж 450 экз. Ц 17 р.

В 1947 году кафедры экономической географии и методики географии Ленинградского педагогического института им. Герцена выпустили в свет очень интересный и содержательный том «Учёных записок». Этот том показывает, что ленинградские экономико-географы ставят на обсуждение существенные вопросы советской экономической географии и в какой-то степени их решают. Важность и спорность многих поставленных авторами «Учёных записок» вопросов вызывает необходимость сразу же откликнуться на выход в свет этого тома и разобрать его, статья за статьёй.

В томе «Записок» помещено десять статей, из которых четыре посвящены региональной экономической географии СССР (статьи: М. Б. Вольфа «Очерки развития и размещения металлургии Урала», Г. С. Невельштейна «Кыштым как центр промышленности нерудных ископаемых», А. М. Мошкина «Кустарная промышленность Горьковской области», Э. В. Кнобельсдорфа «Отходничество в Ярославской области»), две — вопросам экономического районирования СССР (Г. С. Невельштейн «Экономическое районирование и экономико-географическое изучение Советского Союза» и М. Б. Вольф «Построение сетки районов для районной части курса экономической географии СССР»), одна статья (Г. С. Невельштейна) посвящена вопросу изучения промышленных центров СССР. Наконец, одна статья относится к работам по методике географии (П. В. Гуревича) и две статьи (М. Б. Вольфа и Л. Г. Чертова) представляют собой обширные рецензии.

Статья М. Б. Вольфа «Очерки развития и размещения металлургии Урала» очень интересна как пример историко-географического исследования развития и размещения промышленности в крупном районе нашей страны. М. Б. Вольф рассматривает причины дважды повторявшегося в дореволюционное время сильного территориального расширения металлургии Урала — во второй половине XVIII в. и в конце XIX — начале XX вв. — на запад, северо-запад и на север, и затем анализирует дальнейшую судьбу новых для своего времени районов металлургии Урала: 1) бассейнов нижней Камы и нижней Вятки, 2) Вятско-Чепцовского междуречья (Омутнинского края), 3) бассейна Вычегды, 4) бассейна Сосьвы, 5) бассейнов Вишеры и Печоры. Автор детально рассматривает производственные связи

между существовавшими в этих районах заводами, характер их географического положения, рудной и топливной базы и делает выводы о причинах появления и закрытия каждого из заводов. Интересно рассмотрение связей заводов под углом зрения принадлежности их различным, конкурировавшим между собой крупным заводчикам, стремившимся осуществлять производственные связи внутри своей группы заводов. М. Б. Вольф в результате анализа развития металлургических заводов севера горнозаводского Урала приходит к практически важному выводу, что многие из них закрылись в дореволюционное время не из-за того, что истощились или были плохи рудные и топливные возможности этих заводов, а из-за отсутствия комплексного подхода к освоению богатств Северного Урала, недостатка рабочих рук, плохих транспортных условий и, главное, из-за конкуренции других районов чёрной металлургии, пользовавшихся железнодорожным транспортом. В настоящее время снова расширяется район металлургии Урала, в том числе снова в северном направлении, но в социалистических условиях это расширение района металлургии является прочным, а не временным, как в условиях феодально-крепостнического и капиталистического хозяйства.

Метод историко-географического анализа, применённый М. Б. Вольфом, имеет значительный теоретический интерес. Автор рассматривает процесс развития металлургии Урала в связи с общим процессом развития экономики страны и района, но в то же время это работа не историческая, а экономико-географическая, так как автор все время показывает в развитии процесс размещения промышленности, анализируя пространственные связи отдельных предприятий, изменение их экономико-географического положения и их отношения к районам расселения, к сельскохозяйственным районам и природной среде — рекам как источникам энергии и средствам транспорта, рудным базам, лесным массивам и, наконец, рассматривая те группировки — промышленные районы, которые возникали и развивались вместе со строительством металлургических заводов. Это важно отметить, так как приходится иногда слышать, что главное, что изучает экономическая география, — это «экономико-географический процесс», т. е. процесс развития хозяйства на той или иной территории; причём неизвестно, чем же отличается в таком случае поле деятельности экономической географии от поля деятельности экономической истории. Работа М. Б. Вольфа, по нашему мнению, фактами отвечает на этот вопрос.

Статья Г С. Невельштейна «Кыштым как центр промышленности нерудных ископаемых» имеет несколько меньший интерес, чем статья М. Б. Вольфа, именно потому, что её автор рассматривает небольшой район вне того экономико-географического комплекса, который характеризует этот район, выделяя, главным образом, одну отрасль — промышленность нерудных ископаемых. Уже показательно, что если очерк М. Б. Вольфа сопровождается рядом очень интересных карт, то статья Г С. Невельштейна не имеет ни одной карты, и они не особенно нужны для неё, так как автор не разбирает пространственных особенностей взаимного расположения природных ресурсов и условий хозяйства и взаимного расположения объектов хозяйственной деятельности населения. Отсутствие, в должной для экономико-географа степени, комплексного подхода к изучению хозяйства района делает и не особенно убедительным объяснение развития в Кыштыме ряда производств промышленности нерудных ископаемых, ориентирующихся на дальнепривозное сырьё: сибирский графит, казахстанский корунд и другие виды сырья.

Статья А. М. Мошкина «Кустарная промышленность Горьковской области» интересна по своему замыслу — рассмотреть развитие и размещение кустарной промышленности в дореволюционное время и в наших социалистических условиях. Для обоих периодов автор особо рассматривает территориальные группировки кустарной промышленности — её районы.

При анализе предпосылок для развития кустарной промышленности

области в дореволюционное время автор больше останавливается на причинах общего характера, меньше обращая внимание на причины регионального характера, вызывавшие в теперешней Горьковской области более сильное развитие кустарной промышленности, чем в других местностях страны. Между тем задача исследователя экономико-географа заключается в том, чтобы после рассмотрения закономерностей развития и размещения той или иной отрасли хозяйства в данное время для страны в целом перейти к изучению региональных различий, или местных особенностей в развитии и размещении этой отрасли, к выявлению причин, которые сделали развитие данной отрасли более ранним и сильным в одном месте, чем в другом. Метод географического сравнения одних местностей с другими позволяет особенно рельефно выявить региональные особенности развития и размещения хозяйства.

Из региональных особенностей развития кустарной промышленности в Горьковской области автор недостаточно оценивает ее приволжское положение и не столько с точки зрения сбыта промышленной продукции, сколько с точки зрения доставки по Волге с юга дешёвого хлеба, который делал невыгодным товарное земледелие в лесных частях и малоземельных районах Нижегородской губернии. При прочих равных условиях кустарная промышленность в капиталистической России развивалась сильнее в тех местностях, где в силу изменения экономико-географического положения, развития новых индустриальных и сельскохозяйственных районов, в силу изменения территориального разделения труда делались невыгодными прежние важные занятия населения, главным образом сельскохозяйственные. Дешёвый хлеб, который шёл с юга по Волге из новых земледельческих районов страны, сделал невыгодным ранее местное товарное зерновое земледелие в Нижегородской губернии; развитие земледелия в предгорных равнинах Южного Урала и в Сибири сделало невыгодным земледелие в Вятской губернии, которая долгое время была «житницей» Урала и Сибири, и в Вятской губернии, как и в Нижегородской, развитие кустарной промышленности шло сильнее, чем в других губерниях России.

Автор совершенно верно пишет, что «физико-географические условия создают известную основу для объединения земледелия с подсобными промыслами, которые с развитием капиталистических отношений ставят крестьянина всё в бо́льшую от них зависимость» (стр. 57). В экономико-географической работе как раз и должно быть обращено внимание на рассмотрение конкретных связей, в их развитии и видоизменении, между физико-географическими условиями и различиями в степени развития кустарной промышленности от места к месту.

Очень интересно сопоставление современной кооперативной промышленности с дореволюционной кустарной промышленностью. Жаль только, что автор никак не показал современную связь промыслов с сельским хозяйством. Между тем именно в ряде местностей Горьковской области наблюдается интересное явление, прямо противоположное развитию промыслов в дореволюционное время — увеличение сельскохозяйственных занятий промыслового населения в связи с укреплением колхозов, усилением доходности сельского хозяйства в нечернозёмной полосе и выгодностью колхозного сельскохозяйственного производства. Было бы интересно проследить, чего автор не сделал, какие и где отрасли промысловой деятельности населения сохранились больше, какие меньше, какие отрасли больше уступили место крупной промышленности или сельскому хозяйству и какие меньше, и насколько степень устойчивости промыслов связана с длительностью формирования промысловых трудовых навыков. Промысловые трудовые навыки населения Горьковской области, процесс их формирования, степень устойчивости, ценность для настоящего времени — это всё существенные вопросы географии кустарной промышленности, которые, к сожалению, не нашли должного отражения в работе А. М. Мошкина, между тем эти навыки представляют собой важную производительную

силу общества, развитие которой в свое время внесло изменения и в самый строй хозяйства области.

Автор отметил совершенно новые промысловые гнёзда, появившиеся в Горьковской области в советское время — Барнуковское гнездо художественных камнерезных производств и гнездо токарно-посудных производств с хохломской окраской в Вознесенском районе, на юге области, вдали от Хохломы. Значит, и в наше время промысловые трудовые навыки распространяются вширь, завоёвывают новые районы, появляются новые навыки.

Статья А. М. Мошкина, несколько неровная по своему содержанию и несколько «экономичная» в том отношении, что автор главное внимание уделил производствам, а не людям, которые занимаются этими производствами, всё же представляет значительный интерес для изучения хозяйства Промышленного центра.

Статья Э. В. Кнобельсдорфа «Отходничество в Ярославской области» посвящена одному из важных вопросов географии населения Промышленного центра. Автор сравнивает отходничество крестьян области в дореволюционное время и в советское время (1931 г.); к сожалению, для нашего времени автор использовал гораздо более бедные и неполные материалы. Сопоставление данных показывает, что в советское время уменьшился процент отходников по отношению ко всему сельскому населению и увеличился процент отходников, вовлекаемых на работу в промышленность внутри Ярославской области.

Одно из центральных мест в томе «Записок» занимает статья Г. С. Невельштейна «К изучению промцентров СССР (общая характеристика промцентров Союза)».

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин указывал, что «...для того, чтобы дать точное представление о размещении крупной промышленности, необходимо взять данные по отдельным центрам, т. е. по отдельным городам, фабричным поселкам или группам фабричных поселков, расположенных на близком расстоянии друг от друга...» (Сочинения, т. III, стр. 423). Это указание Ленина очень важно и для анализа современного размещения социалистической промышленности. К сожалению, наша статистика совершенно не даёт материалов для такого анализа и Г. С. Невельштейн, стремясь пойти по пути изучения размещения промышленности, указанному Лениным, воспользовался не первичным статистическим материалом, а экономическими картами Большого Советского Атласа Мира, на которые нанесены тунсоны промышленных центров по данным 1913 и 1935 гг.

Даже использование вторичного материала, каким являются карты Атласа, позволило Г. С. Невельштейну, проделавшему огромную по объёму и точную по методу работу, притти к очень интересным экономико-географическим выводам.

В дореволюционной России (1913 г.) было 1 154 промцентра (без мелких, или, вернее, мельчайших промпунктов); в СССР в 1935 г. было 6 893 промцентра с продукцией цензовой промышленности более 100 тыс. руб., но эти данные не совсем сравнимы. Если взять сравнимые данные: число промцентров с продукцией более 1 млн. руб. (в ценах 1926/27 г.), то окажется, что в 1913 г. их было (в границах СССР 1935 г.) 943, а в 1935 г. — 2 132.

24,3% всех промцентров Союза размещалось в районах Востока (Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия) — в районах главным образом нового социалистического строительства. Сравнение числа промцентров с продукцией более 1 млн. руб. показывает, что в 1913 г. в районах Востока было 15,5% всех промцентров страны, а в 1935 г. удельный вес промцентров Востока вырос до 22,3%. Это свидетельствует о сильном промышленном развитии районов Востока в годы первых двух Сталинских пятилеток. Однако было бы неправильно думать, что новые промцентры возникли главным образом в районах Востока. Г. С. Невель-

штейн сопоставляет количество промцентров по районам с их территорией, плотностью населения, соотношением городского и сельского населения и приходит к выводу, что распределение промцентров между районами страны почти полностью соответствует распределению между ними всего населения, и особенно сельского, и что бо́льшая часть промцентров Европейской части Союза ориентируется в своём размещении на трудовые ресурсы и районы потребления. Основная часть новых промцентров возникла все же в Европейской части страны.

Для нашего времени характерно сильное укрупнение промцентров по сравнению с дореволюционным временем. Причём роль крупных промцентров возросла во всех районах Советского Союза — в большей степени в старопромышленных, в меньшей степени — в молодых индустриальных. В Центральном промышленном районе доля продукции крупных промцентров (с продукцией более 100 млн. руб.) поднялась с 51 до 84%, в УССР с 19 до 71%, в Ленинградской области с 89 до 93%, на Урале, в Западной Сибири, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — от нуля соответственно до 54, 44, 35 и 33%, так что чем дальше итти на восток страны, тем меньше становится процент продукции от крупных предприятий. Однако и в районах Востока (Урал, Сибирь, Дальний Восток) доля крупных промцентров по отношению к общему их числу в стране сильно повысилась: в 1913 г. на Востоке не было ни одного крупного промцентра, а в 1935 г. их там оказалось 6,7% к общему числу крупных промцентров СССР, 16,7% средних промцентров против 7,6% в 1913 г. и 18,2% мелких промцентров против 11,8% в 1913 г. Интересные статистические таблицы, приведённые Г. С. Невельштейном, позволяют сделать и ряд других экономико-географических выводов о размещении промцентров по территории страны и сдвигах в их размещении за годы двух пятилеток.

Нам кажется, что автор статьи чрезмерно увлекся статистическим анализом данных, в то время как тот своеобразный материал, которым он пользовался (экономические карты Атласа), позволял соединить статистический метод анализа с географическим. Карты позволяли подсчитать по районам число новых промцентров и, сравнивая их со старыми, вычислить темпы роста промцентров по районам Союза. Далее, для 1913 г. Г. С. Невельштейн приводит данные о том, что из 1 154 учтённых промцентров только 286 были городами и заводскими посёлками, а все остальные были сельскими населёнными пунктами. Возникает естественный вопрос о том, сколько в 1935 г. из 6 893 промпунктов было городов, рабочих посёлков, сельских населённых пунктов и как соотношение между этими типами населённых пунктов различалось по районам страны. Затем весьма интересно для экономико-географа знать, сколько промцентров и в каких районах возникло в населённых пунктах разных типов, существовавших до революции и совершенно «на чистом месте». Все эти данные рельефнее бы показали процесс промышленного освоения молодых районов Востока.

Наконец, советский метод индустриализации, о котором говорил И. В. Сталин 9 февраля 1946 г., и свойственные этому методу закономерности размещения промышленности выявились бы значительно сильнее, если бы автор статьи подсчитал по районам Союза число старых и новых промцентров с разной специализацией и территориальной ориентацией: промцентры с легкой промышленностью и с тяжёлой индустрией, промцентры, расположенные непосредственно у источников сырья и топлива (или гидроэнергии) и расположенные в транспортных узлах и районах рабочей силы и районах потребления. Районные различия и сдвиги внутри районов были бы весьма показательны.

Всё это пожелания ко второму изданию статьи; надо заметить, что эта статья очень важна для развития советской экономической географии и тираж в 450 экз. для неё обидно мал, так что надо надеяться, что Г. С. Невельштейн расширит и дополнит свою статью и напечатает её в каком-либо географическом журнале или сборнике, издающемся более значительным тиражом.

В порядке обсуждения в «Записках» напечатаны две статьи об экономическом районировании СССР. Основной из них является статья того же Г. С. Невельштейна «Экономическое районирование и экономико-географическое изучение Советского Союза». Г. С. Невельштейн поставил в своей статье и попытался разрешить сразу несколько важнейших и труднейших вопросов советской экономической географии: определил, чем занимается экономическая география СССР, сформулировал принципы современного экономического районирования СССР, обосновал конкретную сетку 25 крупных экономических районов страны, дал перечень тех 172 подрайонов, на которые можно подразделить эти крупные районы и, наконец, установил 16 типов и подтипов экономических подрайонов Союза. Есть поговорка: «смелость города берёт»; в данном случае автор статьи попытался распространить её не только на города (промцентры), но ещё на районы и подрайоны. Очень хорошо, что Г. С. Невельштейн предложил для обсуждения не общие разговоры о районировании и типологии районов, а совершенно конкретные предложения, о которых можно и нужно спорить, чтобы притти к более правильной постановке вопроса и более правильному конкретному его решению. Только так и можно двигать вперед науку, и ленинградские географы сделали большое дело, опубликовав свои статьи.

В самом начале статьи автор определяет задачи экономической географии СССР: «Экономико-географическое изучение Советского Союза ставит своей целью установление особенностей сочетания природных, исторических и экономических условий отдельных частей страны и определение на этой основе хозяйственного профиля отдельных территориальных объединений. Экономическая география должна показать на конкретном материале достигнутый уровень развития производительных сил и степень хозяйственного использования природных ресурсов; охарактеризовать и объяснить специфику специализации отдельных территорий. Обобщением этого материала должно быть формулирование закономерностей формирования различных территориальных комплексов, промцентров и сельскохозяйственных районов. Исходя из этих задач экономической географии СССР и должна быть установлена схема экономико-географического деления Союза и должны быть выделены основные экономические районы, подлежащие изучению». В определении целей экономической географии Союза с автором согласиться нельзя, а от этого несогласия начинаются и другие по многим основным вопросам, затронутым в статье.

По нашему мнению, экономическая география СССР изучает закономерности географического размещения производительных сил страны (населения, средств и орудий производства, различных форм хозяйства) в связи с закономерностями развития экономики социалистического общества; географические различия от места к месту в конкретных формах развития этих производительных сил; взаимные связи, которые существуют между размещением производительных сил, историей их формирования, природной средой территории, а также между населением и производством и между отдельными элементами производства; процесс развития географического разделения труда внутри страны и исторически сложившиеся в результате географического разделения труда территориальные группировки взаимосвязанных элементов природы, населения и хозяйства (экономико-географические районы); устанавливает пути дальнейшего планового развития районов, исходя из народнохозяйственных задач страны в целом, их природных возможностей, трудовых ресурсов и закономерностей развития уже сложившихся районных производственных комплексов.

Нетрудно видеть в этих двух формулировках сильное отличие друг от друга. По мнению Г. С. Невельштейна, главное, что должна показать экономическая география СССР, это — «достигнутый уровень развития производительных сил и степень использования природных ресурсов; охарактеризовать и объяснить специфику специализации отдельных территорий». Эта статичная цель, превращающая экономическую географию в своего рода «фотографический аппарат», очень напоминает задачу, которую

ставила себе школа ленинградского профессора Дена, тоже видевшая главную цель экономической географии в изучении современного состояния хозяйства. Как хорошо известно, школа профессора Дена выросла из «камеральной статистики» и представляла себе экономическую географию как описательную статистику. Определение Г. С. Невельштейна затушёвывает собственные задачи экономической географии, так как установить «достигнутый уровень развития производительных сил», «степень использования природных ресурсов» может не только и, быть может, не столько экономическая география, сколько экономическая статистика. Далее, по нашему определению, экономическая география занимается изучением «процесса развития географического разделения труда внутри страны и исторически сложившиеся в результате географического разделения труда территориальные группировки взаимосвязанных элементов природы, населения и хозяйства (экономико-географические районы)», т. е. прослеживает процесс формирования районов, в то время как Г. С. Невельштейна (судя по определению экономической географии СССР, а не по дальнейшему изложению в статье) интересуют районы как готовые данные, по которым он устанавливает «особенности сочетания природных, исторических и экономических условий», определяет «хозяйственный профиль», характеризует и объясняет «специфику специализации отдельных территорий». Мы вовсе не против описания, но никакая наука, в том числе и экономическая география, не может быть только описательной; между тем, по сути определения Г. С. Невельштейна, главное в экономической географии — описание хозяйства районов в его современном состоянии, да еще описание не экономико-географическое, а скорее статистико-экономическое, без упора на географическое размещение хозяйства и изучение взаимных связей природы, населения и хозяйства. Из описательного материала, который должна собирать экономическая география СССР по мнению Г. С. Невельштейна, нельзя и формулировать «закономерности формирования различных территориальных комплексов, промцентров и сельскохозяйственных районов» и нельзя установить правильную схему экономико-географического деления Союза на районы.

Рассматривая конкретные принципы экономико-географического районирования, положенные Г. С. Невельштейном в основу выделения крупных (основных) районов СССР, можно видеть, что они могут быть сведены к следующему: 1. «Составные части отдельных экономических районов должны характеризоваться о б щ н о с т ь ю л и н и й и с т о р и ч е с к о г о р а з в и т и я (разрядка автора. — **Ю. С.**). ...Историко-географический подход обязателен при выделении всех основных экономических районов, так как лишь это дает возможность проследить формирование района». 2. «При выделении основных экономических районов особое внимание нужно уделить э к о н о м и к о - г е о г р а ф и ч е с к о м у п о л о ж е н и ю (разрядка автора. — **Ю. С.**)». 3. «Наконец, районы изучения по сравнению с районами Госплана (речь идет о районах Госплана, выделенных в Альбоме картосхем экономических районов Союза ССР, изданном в 1944 г. — **Ю. С.**) должны отличаться большей м о н о л и т н о с т ь ю (разрядка автора. — **Ю. С.**)». Под монолитностью автор понимает связь ведущих отраслей хозяйства района со значительной частью его территории, в частности с её окраинными частями и пунктами, и даже предлагает ввести особый «коэфициент монолитности».

Эти принципы районирования, сформулированные Г. С. Невельштейном, представляют собой несомненный шаг назад по сравнению с той методологией советского экономического районирования, которая была выработана в результате: а) капитальных работ нашего государства по составлению и осуществлению плана ГОЭЛРО и связанного с ним госплановского проекта экономического районирования страны, запечатленного в докладе Госплана III сессии ВЦИК (1922 г.); б) осуществления на практике выводов Комиссии М. И. Калинина о национально-административном размежевании нашей страны и в) осуществления ряда решений партийных

съездов о районировании СССР и о пятилетних планах развития народного хозяйства СССР, в которых обязательно давалось обоснование районной части плана.

Хорошо известны советские принципы экономического районирования:

1. Полное и рациональное использование природных условий и ресурсов хозяйства и трудовых ресурсов путем установления наилучшего для данной территории технико-экономического комплекса производств.

2. Проектирование и осуществление на практике, в качестве «ядра» района, энергетической системы (системы районных электростанций), которая позволяет развивать хозяйство района на высоком уровне социалистической техники производства.

3. Осуществление такого географического разделения труда, в результате которого каждый из экономических районов принимает на себя специализацию во всесоюзном масштабе на отраслях хозяйства, которые рациональнее всего развивать именно в нём. Одновременно район в максимальной степени удовлетворяет свои собственные потребности за счет местных ресурсов и местного производства так, чтобы перевозки между районами ограничивались лишь совершенно необходимым минимумом для осуществления основной схемы развивающегося географического разделения труда внутри страны.

4. Перспективность районирования, при котором границы района проводятся исходя не только из особенностей современного хозяйства, но и перспектив его развития в будущем, так, чтобы они оконтурили территорию с природными и экономическими ресурсами, способными обеспечить осуществление плановых перспектив района.

Наконец, в работах по районированию неоднократно подчеркивалось, что район не просто территория с теми или иными природными ресурсами и взаимосвязанными производствами, а коллектив живых людей — работников социалистического общества. Объединять этот коллектив должен город с большим отрядом рабочего класса, способным выделить руководителей различных производств и частей района. Поэтому при районировании обязательно надо учитывать население, его состав, трудовые навыки, производственный опыт, степень культурно-политического развития и другие стороны жизни народа. В частности, существенное значение при районировании, как это указывалось в тезисах Комиссии М. И. Калинина, имеет учет национального состава населения. Как известно, госплановский проект экономического районирования 1922 г. не был полностью на практике осуществлен именно в тех его частях, где он не учитывал за «инженерским» подходом к решению вопроса размещения и жизни национальностей нашей страны и предлагал не считаться с границами национальных республик.

В работе Г С. Невельштейна не учитывается ни один из приведенных принципов советского (так называемого «госплановского») экономического районирования, но автор статьи идет за проектом Госплана (1922 г.) именно в том, что составляло слабое место проекта — не считается с границами национальных республик и разрывает их на части, объединяя, с другой стороны, части разных союзных республик. Чувствуя в этом слабость своих построений, Г С. Невельштейн делает оговорку, что возможно «двухцелевое» рассмотрение экономической географии Союза — сначала по республикам, а затем по экономическим районам, которые могут и не считаться с границами этих республик; автор даже пишет, что предлагаемая им схема основных экономических районов является «углублением изучения национальных республик». Однако все эти оговорки и заявления дела не меняют. Экономическое районирование — труд не чисто «инженерский» и не чисто экономический, а должен учитывать многие другие задачи, особенно политические, в частности советскую национальную политику.

Нет сомнения, что технико-экономические комплексы охватывают смежные части союзных республик, так как часто границы этих республик разделяют те целостные районы природных ресурсов, на которых создаются производственные комплексы союзного, а не республиканского значения.

Районирование технико-экономическое поэтому может в какой-то степени и не считаться с границами союзных республик, но экономико-географы, имеющие дело с более широким кругом вопросов, должны учитывать целостность национальных единиц, являющихся ведь вместе с тем и экономическими единицами. И. В. Сталин писал, что «выделившиеся в России области представляют вполне определённые единицы в смысле быта и национального состава. Украина, Крым, Польша, Закавказье, Туркестан, Среднее Поволжье, Киргизский край отличаются от центра не только по своему географическому расположению (окраины!), но и как целостные экономические территории с определённым бытом и национальным составом населения» (Сочинения, том 4, стр. 67). Далее И. В. Сталин писал: «Очевидно, субъектами федерации должны быть и могут быть не всякие участки и единицы и не всякая географическая территория, а лишь определённые области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории» (Сочинения, том 4, стр. 69). Без экономической целостности территории республики её народ не мог бы сложиться и развиваться как нация, так как общность экономической жизни, экономическая связность, является одной из характерных особенностей нации. Экономико-географы и должны изучать эту экономическую жизнь и экономическую связность территорий республик, но не стремиться их разрывать при своём исследовании.

Неправильные методологические установки автора статьи привели к тому, что и конкретная сетка предложенных им 25 крупных экономических районов искусственна, эмпирична, не основывается на определенном единстве признаков выделения районов и обоснования их границ, не отражает реальной действительности, а ведь район — не выдумка каждого автора районирования, не субъективное понятие, а реально существующая действительность, которую один автор, предлагающий свою сетку районов, познает больше, а другой — меньше.

В ряде случаев границы выделенных Г. С. Невельштейном районов совпадают с общепринятыми, и мы не будем касаться их, но некоторые районы являются новинкой, и на их обосновании следует остановиться.

Например, автор статьи выделил под номером IX район, названный им «Северо-кавказская часть Прикаспия», куда включил Ставрополь, Дагестан без южной части (?), Астраханскую область. Обоснование этого района таково: «аграрный район с отдельными «промышленными пятнами», характеризующийся большим своеобразием своей производственно-организационной структуры, что связано с природными и национально-бытовыми особенностями территории» (стр. 134). На стр. 138 этот же район характеризуется как «аграрно-добывающий (?) с отдельными промышленными пятнами, со специфическими природными и национально-бытовыми особенностями, с ориентацией внерайонных связей на восток и на юг (через и вдоль Каспия)». Конечно, такие аргументы, как своеобразие структуры хозяйства, специфические природные и национально-бытовые особенности и направление ориентации внерайонных связей, никак не могут быть основой выделения районов, так как в любых границах любой район имеет и своеобразие и специфику; автор за ничего не говорящими словами скрывает в данном случае отсутствие четкого принципа выделения района.

В качестве другого примера можно разобрать выделенный автором под номером IV «Восточно-Центральный» район—«индустриально-лесной район позднего промышленного развития с большой ролью водного и железнодорожного транспорта как фактора индустриализации, что приводит к разнообразию промышленной структуры района» (стр. 133). На стр. 136 этому району дается такая дополнительная характеристика: «Выделяемый Восточно-Центральный район является индустриально-лесным районом позднего промышленного развития, с общими факторами индустриализации (водный транспорт, использование лесов, кадры кустарей), с однотипным характером промышленности на большой части территории. Резко выделяется по уровню своего развития и специализации г. Горький, но и

его развитие в большей мере обусловлено указанными выше факторами, а окружающие его промцентры (Балахна, Богородск и др.) специализированы на отраслях промышленности, типичных для многих других частей района. К Восточно-Центральному району отнесены полностью Марийская и Чувашская АССР, Горьковская область без юго-западной Приокской части и юга, Кировская область без Омутнинско-Кайской её части, Удмуртия без Ижевско-Сарапульской части, Заволжье Ярославской, Ивановской и Костромской областей, восточная часть Вологодской области и юго-запад Коми АССР». Мы нарочно приводим такую длинную цитату, чтобы показать, на какие мелкие части делит автор статьи существующие области и республики для того, чтобы, в конечном итоге, создать район, включающий в свои границы значительные кадры кустарей, так как «транспортный фактор» в виде узлов железных дорог и речных путей, притягивающих разнообразные производства, характерен и для большинства соседних районов (почему, например, тогда не включить в этот район Щербаков, соседний с границами Восточно-Центрального района Молотов на Каме; оторвал же автор г. Горький, представляющий собой речные ворота Москвы, от Промышленного Центра, так с большим основанием можно было г. Молотов — речные ворота Урала — оторвать от Урала и включить в Центрально-Восточный район автора). Точно так же соседние — на западе, севере и востоке — районы имеют сильно развитую лесную промышленность. Остаётся из признаков, положенных Г С. Невельштейном в основание выделения района, только один, действительно индивидуализирующий территорию района по сравнению с соседними — сильное развитие кустарных (кооперативных) промыслов, но этот признак является не основным, а второстепенным, не перспективным, а «реликтовым». Он весьма искусственно объединяет воедино столь разнородные части, и предложенный автором «коэфициент монолитности» в обоих приведённых примерах необычайно мал, если не равен нулю.

Рассмотрение обоснования остальных районов приводит к выводу, что автор выделял свои экономические районы по принципу статистико-экономической однородности какой-либо отрасли хозяйства данной территории, причём в одном случае он брал однородность одного показателя, в другом случае — иного, и единства принципов районирования, в конце концов, не оказалось.

Перейдем теперь к рассмотрению выделенных автором статьи 172 подрайонов. Г С. Невельштейн пишет: «Выделяемые экономические подрайоны должны характеризоваться, с одной стороны, относительной однородностью в природном и хозяйственном отношениях, а с другой — иметь общие или однотипные центры экономического притяжения» (разрядка автора. — **Ю. С.**). Как и крупные районы, по мнению автора, подрайоны могут охватывать части соседних областей или республик (например, Орско-Актюбинский подрайон включает часть Казахстана и часть Чкаловской области). По мнению автора, внутренние связи подрайонов имеют ограниченный характер: «Если для конструирования экономических комплексов (макрорайонов) они имеют решающее значение, то при выделении подрайонов решающее значение имеют указанные выше признаки — относительная однородность и тяготение к общим или однотипным экономическим центрам». Далее автор считает, что в пределах каждого основного экономического района можно выделить три типа подрайонов: а) **типичные**, в которых закономерности формирования комплекса макрорайона проявились особенно рельефно; б) **нетипичные**, с наиболее значительными отклонениями от данного типа развития; в) **переходные**, в некоторых отношениях сходные с соседними районами.

Мысли Г С. Невельштейна о выделении подрайонов несомненно интересны, но главного всё же в них нет — отношения подрайона к крупному экономическому району в смысле разделения между ними хозяйственных функций. Конечно, если, как это фактически сделал Г С. Невельштейн, выделять и крупные районы по их статистико-экономической одно-

родности, то подрайоны принципиально ничем не отличаются от районов, и не имеет смысла искать функциональных различий между районами и подрайонами. Другое дело, если, согласно госплановской методологии экономического районирования, рассматривать крупный район как «производственный комбинат со специализацией во всесоюзном масштабе»; тогда подрайоны являются как бы «цехами» района-комбината, в своей совокупности обеспечивающими бесперебойную его работу и взаимно дополняющими друг друга. Если рассматривать каждый из подрайонов сам по себе, без их отношения к целому — крупному району, то они теряют свою «душу», и при этом теряется объективность их существования, так как вообще однородность можно понимать очень различно, в зависимости от того, какой показатель, или их группа, будет положена в основу дробного районирования. Три типа подрайонов, выделенные автором статьи, интересны, но они опять-таки отражают принципиальную точку зрения автора, расходящуюся с методологией советского экономического районирования; с точки зрения автора, например, Ростово-Суздальский подрайон является нетипичным для Промышленного Центра, так как он далеко отстоит от средних статистико-экономических показателей крупного индустриального района; с нашей точки зрения этот подрайон является совершенно закономерным для Промышленного Центра «цехом» интенсивного сельскохозяйственного производства, снабжающим индустриальные подрайоны («цехи») этого района овощами, зерном и другими продуктами питания, причём соседство промышленных районов наложило на сельское хозяйство Ростово-Суздальского подрайона такой сильный и своеобразный отпечаток, что он является весьма типичным для Промышленного Центра, и таких подрайонов в других крупных районах страны не встретишь. С точки зрения автора Череповецко-Вытегорский подрайон Прибалтийского (Северо-Западного) района является нетипичным для района; действительно, он по статистико-экономическим показателям сильно отличается от приморских индустриальных портовых районов, но по своим функциям этот подрайон — «ключ» речных путей к Ленинграду и лесной «цех» Ленинграда, а в будущем и его металлургический «цех» — является неотъемлемой частью района, типичной для него, функционально необходимой. Этих двух примеров достаточно для того, чтобы показать принципиальное отличие нашей точки зрения от точки зрения Г. С. Невельштейна.

Отсутствие чётких и принципиально верных обоснований выделения экономических районов и подрайонов сказалось и на тех принципах типологии экономических подрайонов, которые предложил Г. С. Невельштейн. Автор статьи пишет: «Типология экономических подрайонов должна в первую очередь исходить из соотношения промышленности и сельского хозяйства в народном хозяйстве подрайона. Для индустриальных подрайонов должны быть учтены длительность периода их индустриального развития и много- или малоотраслевость их промышленности. Для индустриально-аграрных и аграрно-индустриальных подрайонов важнейшим является вопрос о связях между промышленностью и сельским хозяйством. Для аграрных подрайонов важен вопрос о степени интенсивности сельского хозяйства. Далее должны быть выделены лесные подрайоны с подразделением на преимущественно лесозаготовительные и с наличием крупной лесообрабатывающей промышленности. Наконец, выделяются подрайоны с преобладающим значением наиболее примитивных форм использования природных ресурсов (охота, рыболовство, оленеводство). Исходя из этого можно установить 16 типов и подтипов экономических подрайонов». Автор устанавливает 8 типов: А. Высокоиндустриальный (не делится на подтипы); Б. Индустриальный (делится на подтипы: 2-Б. Прошедший период капиталистического развития с резко выраженной специализацией; 3-Б. Прошедший период капиталистического развития, многоотраслевой; 4-Б. Нового индустриального развития с резко выраженной специализацией; 5-Б. Нового индустриального развития, многоотраслевой); В. Индустриально-аграрный (6-В. С большим развитием внутренних связей про-

мышленности и сельского хозяйства; 7-В. Без больших внутренних связей между промышленностью и сельским хозяйством); Г. Аграрно-индустриальный (8-Г. С большим развитием внутренних связей промышленности и сельского хозяйства; 9-Г. Без больших внутренних связей между промышленностью и сельским хозяйством); Д. Аграрно-земледельческий (10-Д. Интенсивного сельского хозяйства; 11-Д. С относительно экстенсивным сельским хозяйством); Е. Аграрно-животноводческий (12-Е. Интенсивного сельского хозяйства; 13-Е. С относительно экстенсивным сельским хозяйством); Ж. Лесной (14-Ж. Преимущественно лесозаготовительный; 15-Ж. С наличием крупной лесообрабатывающей промышленности); З. Рыболовства, охоты и оленеводства (без подразделения на подтипы).

В основе предложенной типологии лежат статистико-экономические, а не экономико-географические принципы: в конечном счете решающим моментом в типологии автора являются статистические соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, между отраслями промышленности (подрайоны многоотраслевые и малоотраслевые) и соотношения между земледелием и животноводством и между трудоёмкими и нетрудоёмкими отраслями сельского хозяйства. Если бы этим дело и ограничилось, то перед нами была бы простая и ясная статистико-экономическая классификация подрайонов, но автор поспешил запутать классификацию введением момента историко-географического и экономико-географического. Для индустриальных районов автор выделил такие историко-географические признаки, как «возраст» индустриального развития — прошёл подрайон период капиталистического развития или нет, — не выделив, однако, для индустриально-аграрных и аграрных подрайонов такой же признак (прошел или нет подрайон период развития торгового земледелия и животноводства, или к моменту революции он был районом натурального хозяйства и т. д.). Для индустриально-аграрных и аграрно-индустриальных подрайонов автор почему-то выделил такие экономико-географические признаки, как степень развития связей между промышленностью и сельским хозяйством, хотя эти связи имеются и в аграрных, по классификации автора, подрайонах, как интенсивного, так и экстенсивного сельского хозяйства, и в индустриальных районах.

Рассмотрение конкретных примеров различных типов подрайонов, приведенных Г. С. Невельштейном, показывает всю противоречивость его типологии. К подтипу 4-Б, например, автор отнёс Магнитогорско-Кустанайский подрайон, а к типу 5-Б — Кузбасс, хотя оба эти подрайона имеют ясно выраженную специализацию во всесоюзном масштабе на близком друг к другу по типу сочетании горной промышленности (в одном случае руда, в другом — уголь), чёрной металлургии и химической промышленности; всё дело в том, что автор применил разный масштаб при выделении подрайонов, в одном случае выделив в качестве подрайона целую область, совершенно естественно имеющую большое разнообразие производства (Кузбасс), а в другом случае — сравнительно ограниченный подрайон (Магнитогорский). К подтипу 6-В автор отнес Кубань и Адыгею, к подтипу 7-В — Карагандинский, к подтипу 8-Г — Правобережную лесостепь Украины, к подтипу 10-Д — Псковско-Великолукский подрайон. Эти примеры показывают всю искусственность классификации автора. В самом деле, Карагандинский подрайон по типу своих природных ресурсов и типу того техно-экономического комплекса, который в нём складывается и будет развиваться в перспективе, близок к Кузбассу и другим крупным горнопромышленным районам страны; сельское хозяйство, по сравнению с индустрией, имеет в этом подрайоне гораздо меньшее значение, чем в Кузбассе, или в Магнитогорском районе; однако автор относит этот подрайон совсем к другому типу, чем Кузбасс, или Магнитогорский — к аграрно-индустриальному без больших внутренних связей между сельским хозяйством и промышленностью. Это подход чисто статистический, конъюнктурный, совершенно не учитывающий типа и перспектив развития производственного комплекса района, тех природных оснований, на которых строится хозяйство подрайона. Как хорошо всем известно, Кубань

относится к районам интенсивного сельского хозяйства, как и Псковско-Великолукский подрайон или Правобережная лесостепь; во всех этих подрайонах имеется тесная связь между сельским хозяйством и индустрией, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты, и все они по существу техно-экономического производственного комплекса, который сложился и развивается в них, близки друг к другу.

Очевидно, нельзя построить систему классификации экономических подрайонов, не учитывая природных оснований развития хозяйства, типа производственных связей между различными элементами производства (техно-экономического цикла производства) и перспективных возможностей развития хозяйства подрайонов.

Вопросы районирования разбираются также в статье М. Б. Вольфа «Построение сетки районов для районной части курса экономической географии СССР». В отличие от содержательной и по своему цельной статьи Г. С. Невельштейна, с положениями которой можно серьезно спорить, статья М. Б. Вольфа далека от подлинной экономико-географической науки. В самом деле, М. Б. Вольф считает, что одни крупные районы можно выделять по комплексности, а другие по однородности, что после выделения крупных районов могут остаться «довески», которые не попадают ни в один из выделенных макрорайонов, что незачем разделять всю территорию всех макрорайонов на микрорайоны (подрайоны), что такими микрорайонами могут быть и районы и отдельные промузлы. Наконец, М. Б. Вольф дошёл до утверждения, что выделение подрайонов и микрорайонов лучше «вести в нескольких вариантах, считаясь как с профилем и специальностью вуза, в котором ведётся курс, так отчасти и с вкусами и наклонностями ведущего курс профессора» (стр. 154).

Высказывая такие мысли, М. Б. Вольф по существу, очевидно, хочет ликвидировать экономико-географическую науку, так как если каждый профессор может как хочет проводить районирование, т. е. произвольно выделять основные объекты науки, то что же тогда останется от самой науки. Что было бы, допустим, с ботаникой, если бы каждый профессор определял виды, роды и семейства растений, считаясь со своими вкусами и специальностью вуза?

В чем корень такой ошибки? В том, что М. Б. Вольф (отчасти и Г. С. Невельштейн) считают, что одно районирование нужно для практики социалистического строительства, а другое — для познания экономической географии и, в частности, для преподавания экономической географии СССР в высшей школе. Между тем сила советской экономической географии заключается в единстве теории и практики; отрыв одного от другого ведёт к бесплодности работы.

Мы не будем касаться методической статьи П. В. Гуревича и рецензий, помещенных в «Записках».

Оценивая «Записки» в целом, надо сказать, что они поднимают важные вопросы, и будет хорошо, если в результате их делового обсуждения будут достигнуты конкретные результаты, двигающие вперед советскую экономическую географию.

Ю. Саушкин.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 3

Тридцатилетний путь развития советской географии 5

О. А. Константинов. Изменения в географии городов СССР за советский период 11

А. Е. Пробст. Изменения в географии топливодобывающей промышленности СССР за тридцать лет 47

С. В. Бернштейн-Коган. Сдвиги в географии железнодорожного и водного транспорта за тридцать лет 79

Е. С. Карпаухова. Изменения в географии основных отраслей сельского хозяйства в СССР за тридцать лет 101

Н. Н. Колосовский. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии 133

Библиография 169

Редактор издательства *М. А. Тенсин.*
Художественный редактор *В. В. Щукина.*
Редактор карт *Г. В. Яников.*
Тех. редактор *К. В. Крыночкина.*

Сдано в производство 17/VIII 1947 г. Подписано к печати 23/X 1947 г. А 10665. Тираж 5000. Бум. ф. 60 × 92 1/16. Печ. л. 11 1/2. + 5 вкл. 1 1/8 п. л. Уч.-изд. л. 12,6. Цена 9 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к. Зак. 433

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ОГИЗ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАУЧНЫЕ СБОРНИКИ МОСКОВСКОГО ФИЛИАЛА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР
«ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ»

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

СБОРНИК ПЕРВЫЙ, стр. 208, ц. 10 руб.

Содержание: **Н. Н. Соколов.** — Л. С. Берг как географ. **Л. С. Берг** — О предполагаемой связи между великими оледенениями и горообразованием. **И. С. Щукин.** — Опыт генетической классификации форм рельефа. **И. П. Герасимов.** — Структурные и скульптурные особенности рельефа Казахстана. **Н. Е. Дик.** — О переработке озерно-холмистого рельефа. **В. Рацек.** — Пик Победы. **В. И. Монахова.** — К вопросу о зональном и незональном ландшафте. **Ю. Г. Саушкин.** — Культурный ландшафт. **А. А. Половинкин.** — Особенности климатов Забайкалья, Приамурья и Приморья. **Б. П. Алисов.** — К климатологии склонов Ферганского и Чаткальского хребтов, обращенных к Ферганской долине. **К. К. Марков.** — Современные проблемы гляциологии и палеогляциологии. **Б. А. Апполов** и **И. В. Самойлов.** — Исследования уровней Каспийского моря. **Г. В. Никольский.** — Изменение ихтиофауны реки Учи в результате образования Учинского водохранилища. **А. С. Барков.** — О научном краеведении. **А. И. Соловьев — Д. Н. Анучин.** — Создатель русской университетской географической школы (1843—1923). **К. М.** — Обсуждение в американской печати проблемы горизонтального движения (дрифта) материков. **К. М.** — Зугурдур Торариисон «Тефрохронологические исследования в Исландии». **К. М.** — Дуглас Джонсон (1878—1944). **И. Д. Папанин.** — Московский филиал Географического общества.

СБОРНИК ВТОРОЙ, стр. 192, ц. 10 руб.

Содержание: **Ю. Г. Саушкин.** — Комплексное развитие хозяйства районов СССР в четвертой пятилетке. **Н. Н. Баранский.** — Об экономико-географическом изучении городов. **И. М. Майергойз.** — Географическое положение города Сталинграда. **И. А. Витвер.** — Париж. **С. В. Бернштейн — Коган.** — Внутренний водный транспорт США. **В. М. Гохман.** — Новые оценки обеспеченности Соединенных Штатов минеральным сырьем. **И. И. Старостин.** — К двухсотлетию географического атласа 1745 года. **А. И. Преображенский.** — Столетие учебно-экономического атласа Николая Кирова.

СБОРНИК ТРЕТИЙ, стр. 220, ц. 11 руб. 50 коп.

Содержание: **Н. И. Михайлов.** — Геоморфологические наблюдения в западной части гор. Путорана. **А. Р Бурачек.** — Древнее оледенение Патомского нагорья. **Л. С. Берг** — О происхождении железных руд типа Криворожских. **И. С. Щукин.** — Некоторые мысли о сущности и методике комплексного физико-географического районирования территории. **Ф. И. Мильков.** — О явлениях вертикальной дифференциации ландшафтов на Русской равнине. **Э. М. Мурзаев.** — Озеро Хара-нур Хунгуйский. **Г И. Горецкий.** — Об одном способе палеографических реконструкций некоторых элементов пойменного ландшафта. **К. К. Марков.** — О горных денудационных поверхностях и их происхождении. **В. А. Дублянский.** — Работы Географического общества по изучению сыпучих песков. **Г У. Линдберг.** — Современное состояние проблемы происхождения подводных долин. **С. Д. Муравейский.** — Коллоидно-дисперсные минералы озерных илов **В. П. Зенкович.** — Применение самолета при исследованиях по морфологии морских берегов. **В. П. Зенкович.** — Изучение динамики берегов Западного Крыма. **К. К. Марков.** — Тридцать лет со времени организации высшего географического учебного заведения в нашей стране (1916—1946).

СБОРНИК ЧЕТВЕРТЫЙ, стр. 200, ц. 12 руб.

Содержание: Второй Всесоюзный Географический съезд. **П. А. Шумский.** — Современное оледенение Советской Арктики. **Л. Л. Берман.** — Современное оледенение верховьев р. Индигирки. **Р. Б. Забиров.** — Ледник Иныльчек. **Е. М. Абалаков.** — Экспедиция альпинистов в высокогорные районы юго-западного Памира в 1946 г. **Ф. И. Мильков.** — О возрасте лесостепного ландшафта и его природа. **С. С. Воскресенский.** — Ассиметрия склонов речных долин на территории Европейской части СССР **Н. И. Николаев.** — Опыт построения классификаций физико-географических процессов и явлений, имеющих инженерное значение. **Е. М. Великовская.** — К вопросу о происхождении основных форм рельефа Копет-дага. **В. П. Зенкович.** — Явления размыва на Кавказском берегу Черного моря. **К. В. Зворыкин.** — Количественный метод изучения валунов. **И. М. Кауфман.** — Русские географические словари.

СБОРНИК ПЯТЫЙ. Стр. 212. Ц. 10 руб.

Содержание: **Р. М. Кабо.** — Природа и человек в их взаимных отношениях, как предмет социально-культурной географии. **В. В. Покшишевский.** — А. И. Воейков и вопросы географии населения. **Н. И. Ляликов.** — Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе. **Ю. Г. Саушкин.** — Географическое изучение сельских населенных пунктов Советского Союза. **Р М. Кабо.** — Высокогорные степи Чуйской долины Алтая. **Л. А. Устинова.** — География оседлых населенных пунктов Ойротской автономной области. **И. И. Тенсина.** — География населенных пунктов Приветлужья. **Библиография.**

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

стр.	строка	напечатано	следует читать	по чьей вине
20	24 сверху	индистриализация	индустриализация	типографии
68	11 сверху	эквивалента	эквивалентна	корректора
72	6 снизу	Гатарской	Татарской	типографии
156	В колонке «Пирометаллургическ. цветной металлургии»	частота повторения 8	частота повторения 3	корректора

Вопросы географии сб. 6

Цена 11 руб.

500

198-13м/2

04.10.13г